

ВЕСТНИК СВФУ

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

**№ 2 (38)
2025**

**СЕРИЯ
«ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ.
ФИЛОСОФИЯ»**

**SERIES
«PEDAGOGY. PSYCHOLOGY.
PHILOSOPHY»**

Электронное научное периодическое издание

Издается с 2016 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»

16+

2 (38) 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИКА СВФУ»

А. Н. Николаев, главный редактор, д.б.н., ректор СВФУ

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бурякин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Г. Гольдфарб*, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон; *С. А. Карабасов*, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания; *Санг-Бу Ким*, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея; *В. В. Красных*, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; *А. А. Петров*, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия; *Л. Сальмон*, проф., Генуэзский университет, Италия; *Дж. Судзуки*, проф., Университет Саппоро, Япония; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Д. К. Фишер*, проф., Мичиганский университет, США; *Ву Сок Хванг*, проф., Фонд биотехнологических исследований Soom, Южная Корея; *Дж.-Хо Чо*, проф., Университет Мёнджи, Южная Корея; *В. И. Васильев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Гермогенов*, д. б. н.; *Ю. М. Григорьев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н.; *А. П. Исаев*, д. б. н.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., проф., академик РАН; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., член-корр. РАН, проф.; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

А. Н. Николаев, д.б.н., главный редактор, ректор СВФУ, Якутск, РФ;

С. М. Петрова, д.пед.н., заместитель главного редактора, профессор СВФУ, Якутск, РФ;

Р. И. Платонова, д.пед.н., выпускающий редактор, профессор СВФУ, Якутск, РФ

Члены редакционной коллегии серии:

Ф. У. Базаева, д.пед.н., профессор, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, РФ (по согласованию); *Г. Д. Баубекова*, д.пед.н., профессор, Университет «Туран-Астана», Астана, Республика Казахстан (по согласованию); *Е. П. Белинская*, д.психол.н., профессор, МГУ, Москва, РФ (по согласованию); *Т. Г. Бочина*, д.филол.н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ (по согласованию); *А. И. Голиков*, д.пед.н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ; *А. В. Готного*, д.филол.н., профессор, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия (по согласованию); *О. Е. Дроздова*, д.пед.н., доцент, МПГУ, Москва, РФ (по согласованию); *А. И. Егорова*, к.психол.н., доцент, СВФУ, Якутск, РФ; *К. Е. Егорова*, д.пед.н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ; *Ж. О. Жилбаев*, к.пед.н., профессор, Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан (по согласованию); *Е. С. Заир-Бек*, д.пед.н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, РФ (по согласованию); *А. Д. Карнышев*, д.психол.н., профессор, Иркутский государственный университет, Иркутск, РФ (по согласованию); *Н. Н. Кожевников*, д.филол.н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ; *Д. С. Корниенко*, д.психол.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, РФ (по согласованию); *К. С. Куракбаев*, PhD, Высшая школа образования, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан (по согласованию); *С. А. Лебедев*, д.филол.н., профессор, МГУ, Москва, РФ (по согласованию); *Н. М. Мельникова*, к.психол.н., доцент, СВФУ, Якутск, РФ; *А. Д. Николаева*, д.пед.н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ; *Т. Н. Петрова*, д.пед.н., профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, РФ (по согласованию); *Н. С. Рыбаков*, д.филол.н., профессор, Псковский государственный университет, Псков, РФ (по согласованию); *А. С. Саввинов*, д.филол.н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ; *Д. Г. Смирнов*, д.филол.н., доцент, Ивановский государственный университет, Иваново, РФ (по согласованию); *Е. Н. Тарасова*, д.пед.н., профессор, Институт Международного образования Российского технологического университета, Москва, РФ (по согласованию); *А. П. Усольцев*, д. пед. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург, РФ (по согласованию); *Л. Д. Унарова*, д.филол.н., профессор, ГБОУ ВО «Высшая школа музыки Республики Саха (Якутия) (институт) им. В. А. Босикова», Якутск, РФ (по согласованию); *Е. А. Хамраева*, д.пед.н., профессор, МПГУ, Москва, РФ (по согласованию); *О. М. Чоросова*, д.пед.н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ; *Н. В. Якса*, д.пед.н., профессор, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, Симферополь, РФ (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677016, г. Якутск, ул. Кулаковского 42, каб. 203

Тел./факс: (4112) 49-68-53 E-mail: seriayappf@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <http://www.ppfsvf.ru>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2025

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
“PEDAGOGY. PSYCHOLOGY. PHILOSOPHY” SERIES

Electronic scientific periodical

Published since 2016

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

«M.K. Ammosov North-Eastern Federal University»

2 (38) 2025

«NEFU VESTNIK» EDITORIAL BOARD

A. N. Nikolaev, Editor-in-Chief, Doctor of Biological Sciences, NEFU Rector

Members of the editorial board:

A. A. Burykin, Dr. Sci. Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation; *L. G. Goldfarb*, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington; *S. A. Karabasov*, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain; *Sang-Woo Kim*, Dr. Sci. Philosophy, Pusan National University, Republic of Korea; *V. V. Krasnykh*, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation; *A. A. Petrov*, Dr. Sci. Philology, Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation; *L. D. Radnayeveva*, Dr. Sci. Philology, Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation; *L. Salmon*, Prof., University of Genoa, Italy; *J. Suzuki*, Prof., Sapporo University, Japan; *A. N. Tikhonov*, Cand. Sci. Biology, RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation; *D. C. Fisher*, Prof., University of Michigan, USA; *Woo Suk Hwang*, Prof., SOOAM Biotech Research Foundation, South Korea; *J.-H. Cho*, Prof., Myongji University, South Korea; *V. I. Vasiliev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Germogenov*, Dr. Sci. Biology; *Yu. M. Grigoriev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. Philology; *A. P. Isayev*, Dr. Sci. Biology; *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Acad. RAS, Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. Sci. Biology, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. Sci. Biology, Corr. Member RAS, Prof.; *G. G. Philippov*, Dr. Sci. Philology, Prof.

EDITORIAL TEAM OF THE ONLINE PUBLICATION PEDAGOGICS. PSYCHOLOGY. PHILOSOPHY

A. N. Nikolaev, Dr. Sci. (Biology), Editor-in-Chief, NEFU Rector, Yakutsk, Russia;

S. M. Petrova, Dr. Sci. (Pedagogy), Deputy Editor-in-Chief, NEFU Professor, Yakutsk, Russia;

R. I. Platonova, Dr. Sci. (Pedagogy), Commissioning Editor, NEFU Professor Yakutsk, Russia;

Members of the Editorial Team:

F. U. Bazaeva, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia (on agreement); *G. D. Baubekova*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Turan Astana University, Astana, Republic of Kazakhstan (on agreement); *E. P. Belinskaya*, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Moscow State University, Moscow, Russia (on agreement); *T. G. Bochina*, Dr. Sci. (Philology), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia (on agreement); *A. I. Golikov*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *A. V. Gotnoga*, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia (on agreement); *O. E. Drozdova*, Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia (on agreement); *A. I. Egorova*, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *K. E. Egorova*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *Zh. O. Zhilbaev*, Cand. Sci. (Pedagogy), Professor, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan (on agreement); *E. S. Zair-Bek*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Herzen University, Russia (on agreement); *A. D. Karnyshev*, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia (on agreement); *N. N. Kozhevnikov*, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *D. S. Kornienko*, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (on agreement); *K. S. Kurakbaev*, PhD, Higher School of Education, Nazarbaev University, Astana, Kazakhstan (on agreement); *S. A. Lebedev*, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow State University, Moscow, Russia (on agreement); *N. M. Melnikova*, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *A. D. Nikolaeva*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *T. N. Petrova*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia (on agreement); *N. S. Rybakov*, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Pskov State University, Pskov, Russia (on agreement); *A. S. Savvinov*, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *D. G. Smirnov*, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia (on agreement); *E. N. Tarasova*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Institute of International Education, Russian Technological University, Moscow, Russia (on agreement); *A. P. Usoltsev*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation (on agreement); *L. D. Unarova*, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, High School of Music of the Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Russia (on agreement); *E. A. Khamraeva*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia (on agreement); *O. M. Chorosova*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, NEFU, Yakutsk, Russia; *N. V. Yaksa*, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Crimea Republic's Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Russia (on agreement).

Founder and publisher address:

the North-Eastern Federal University, ul. Belinskogo, 58, Yakutsk, 677000

The Editorial Board of the Series:

ul. Kulakovskogo, 27, Yakutsk, 677016 Tel./Fax: +7 (4112) 49-68-53

E-mail: seriappf@mail.ru

North-East Federal University <http://www.ppfsvf.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Косимов А.Р.</i> Нравственное воспитание студенческой молодежи Узбекистана средствами художественной литературы (на материале произведений узбекских и русских писателей)	5
<i>Красильникова С.В., Жарбулова С.Т.</i> Мультимодальные практики в обучении русскому языку и литературе	14
<i>Сивцев Н.Н., Туласынова Н.Ю.</i> Эволюция корпоративного обучения: от традиционных форм к цифровым платформам	21
<i>Учайкина А.М.</i> Социализация личности в алтайском обществе: двенадцатилетний возраст в современной обрядовой культуре	33
<i>Яковлева Л.А.</i> Цифровые экосистемы проектной деятельности в вузе: модель формирования soft skills у студентов	44

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Чарина Е.В.</i> Специфика карьерных ориентаций профессионалов с горизонтальным типом карьеры (на примере среднего медицинского персонала)	55
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Данилова В.С.</i> Методология исследования произведений искусства и литературы	65
<i>Кожевников Н.Н., Данилова В.С.</i> Идентичность России в контексте её классической литературы второй половины XIX столетия	77
<i>Корякина А.А.</i> Социальная интеграция в мультикультурном обществе	87

ХРОНИКА

<i>Яковлева Е.П.</i> Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Культурология в ракурсе генеалогического наследия»	95
---	----

CONTENT

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Kosimov A.R.</i> Moral education of student youth of Uzbekistan by means of fiction: the case of works by Uzbek and Russian writers	5
<i>Krasilnikova S.V., Zharbulova S.T.</i> Multimodal practices in teaching Russian language and literature	14
<i>Sivtsev N.N., Tulasynova N.Y.</i> The evolution of corporate learning: from traditional forms to digital platforms	21
<i>Uchaikina A.M.</i> Socialization of the individual in the Altai society: Age of twelve in modern ritual culture	33
<i>Yakovleva L.A.</i> Digital ecosystems of project activities in the university: a model for developing soft skills in students	44

PSYCHOLOGY

<i>Charina E.V.</i> Specificity of career orientations among professionals with horizontal career: the case of nursing profession	55
---	----

PHILOSOPHY

<i>Danilova V.S.</i> Methodology of the study of works of art and literature	65
<i>Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.</i> Identity of Russia in the context of its classical literature of the second half of the 19th century	77
<i>Koriakina A.A.</i> Social integration in a multicultural society	87

CHRONICLE

<i>Yakovleva E.P.</i> All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation “Cultural studies from the perspective of genealogical heritage”	95
---	----

– ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ –

УДК 372.881.1

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-5-13>

Оригинальная научная статья

Нравственное воспитание студенческой молодежи Узбекистана средствами художественной литературы (на материале произведений узбекских и русских писателей)

А. Р. Косимов

Ферганский государственный университет, г. Фергана, Республика Узбекистан

✉ Alijon40@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются художественные произведения русской и узбекской литературы с точки зрения духовной связи писателей разных национальностей, взаимосвязи мира и человека, проводится анализ героев художественных произведений как целостной части мира, влияющие на воспитание студенческой молодежи Узбекистана. На практических занятиях и семинарах узбекские студенты постигают азы сравнительного анализа романов узбекского автора Тога Муроиди «Поле, унаследованное от отца» и русского писателя В. М. Шукшина «Любовины». Отмечается, что достаточно подробно изучено творчество классика узбекской литературы Тога Муроиди и творческое наследие русского писателя Василия Шукшина, однако, в сравнительно-сопоставительном плане произведения этих писателей не рассматривались. Нет работ, показывающих процесс сравнительного изучения обоих романов в узбекской аудитории. В процессе сравнительного анализа произведений обоих писателей, глубоко отразивших свое время и своего героя в нем, узбекские студенты должны понять, что именно такой подход к изучению произведений современных писателей помогает им осмыслить такие понятия, как «душа», «дух», «народный характер», «менталитет», что нашло отражение в языке, речах и диалогах героев произведений. В произведениях писателей дан исторический экскурс в прошлое каждой страны, проанализировано социально-психологическое стремление людей найти своё место в обществе. Эти понятия использовались с целью понимания национального характера, специфических культурных структур разных народов в универсальных по форме и содержанию идей произведениях.

Ключевые слова: язык, восточная философия, студенты, национальный характер, узбекская литература, русская литература, сравнительный анализ, менталитет, духовно-нравственное воспитание.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Косимов А.Р. Нравственное воспитание студенческой молодежи Узбекистана средствами художественной литературы (на материале произведений узбекских и русских писателей). *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2025, Т.38 (2): С. 5-13. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-5-13

Original article

Moral education of student youth of Uzbekistan by means of fiction: the case of works by Uzbek and Russian writers

Alijon R. Kosimov

Fergana State University, Fergana, Republic of Uzbekistan

✉ Alijon40@mail.ru

Abstract

The article examines the works of art of Russian and Uzbek literature from the point of view of the spiritual connection of writers of different nationalities; the relationship between the world and man; analyzes the heroes of works of art as an integral part of the world, influencing the education of student youth of Uzbekistan. In practical classes and seminars, Uzbek students learn the basics of comparative analysis of the novels of the Uzbek author Togay Murodi “The Field Inherited from the Father” and the Russian writer Vasily Shukshin “Lyubavins”. It is noted that the work of the classic of Uzbek literature Togay Murod and the creative heritage of the Russian writer Vasily Shukshin have been studied in sufficient detail, but the works of these writers have not been considered in a comparative-contrastive sense. There are no works showing the process of comparative study of both novels in the Uzbek audience. In the process of comparative analysis of the works of both writers, who deeply reflected their time and their hero in it, Uzbek students should understand that it is this approach to studying the works of modern writers that helps them to comprehend such concepts as “soul”, “spirit”, “national character”, “mentality”, which is reflected in the language, speeches and dialogues of the heroes of the works. The works of writers give a historical excursion into the past of each country, analyze the socio-psychological desire of people to find their place in society. These concepts were used to understand the national character, specific cultural structures of different peoples in universal in form and content ideas of works.

Keywords: language, Eastern philosophy, students, national character, Uzbek literature, Russian literature, comparative analysis, mentality, spiritual and moral education.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Kosimov A.R Moral education of student youth of Uzbekistan by means of fiction: the case of works by Uzbek and Russian writers. . *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2025, Vol.38, (2). Pp. 5-13. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-5-13

Введение

Художественная литература всегда была отражением жизни общества, его духовным и душевным «камертоном». Одним из критериев современного мышления является показ в художественных произведениях нравственных ценностей. Великий философ Востока Абу Наср аль Фараби справедливо отмечал, что «зрелость не нуждается в материальном мире, а совершенство, хотя и присуще её человеку качество, но оно не врождённое, и совершенства человек добивается только путём очень серьёзного стремления и перерождения. Настоящее духовное совершенство человека формируется через познание себя. Он как существо, созданное Всевышним, через просвещение и благо – это и есть первые шаги к совершенству» [1, с. 13-15]. Естественным свойством подлинных произведений искусства, отражающих объективную реальность, является их этническая самобытность. Когда писатели разных национальных литератур показывают историю своего народа, а на деле оказывается, что такие же мысли, чувства, переживания испытывают герои других литератур, то этот процесс, по мнению В. Н. Топорова, называют «соотнесением», т. е. «соотнесение – это сравнение «своего» и «чужого»... называют осью проблемы тождества и различия» [2, с. 5].

Как показало время, литературные контакты между странами происходят на уровне творчества писателей и отдельных жанров, течений и школ целых эпох литературного раз-

вития. Совершенно справедливо П. А. Гринцер отмечает, что «взаимодействия литератур Востока и Запада определяют эпохи... В XX веке обмен художественными ценностями между Востоком и Западом происходит в обоих направлениях» [3, с. 21]. Одним из источников разнообразия направлений и методов в XX веке стало взаимное обогащение как восточных, так и европейских литератур несхожими традициями, идеями и формами.

Целью нашего исследования является сравнительный анализ произведений узбекского писателя Тогай Мурода и русского художника слова Василия Шукшина для выявления общего и национально-специфического в каждой литературе. Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что при разработке лекционных и семинарских занятий по дисциплинам «Сравнительное литературоведение», «Сравнительно-сопоставительное языкознание» на филологическом факультете Ферганского государственного университета узбекские студенты получают представление о духовной близости разных национальных литератур, что способствует их нравственному воспитанию. Значителен вклад узбекского писателя Тогай Мурода [4, с. 183] и русского писателя Василия Шукшина [5, с. 364] в мировую литературу. Их произведения способствуют духовно-нравственному, эстетическому воспитанию подрастающего поколения обеих стран. В творчестве этих писателей объединились вопросы исторические и философские, всеобщие и конкретные, отражающие общенародную и личную жизнь. В главных образах произведений обоих писателей отражен национальный колорит своего времени и страны.

Материалы и методы

В исследовании использовались такие методы, как сравнительно-типологический, сравнительно-аналитический, концептуальный, а также комплексный лингвостилистический. Научная значимость результата исследования заключается в обогащении сведений при изучении аспектов исторической действительности, конфликтов эпохи и героя, общечеловеческого и национального характера, послуживших созданию концепции мира и человека на основе романов Тогай Мурода «Поле, унаследованное от отца» и романа Василия Шукшина «Любавины».

Результаты и обсуждение

Формирование языка художественной литературы связано с приоритетными направлениями изучения языка конкретного писателя. Понимание композиции художественного произведения зависит от правильной интерпретации функциональных особенностей художественного языка, научной интерпретации категорий и понятий художественной речи, знания исторического единообразия развития литературных стилей. Изучение контактов между восточными и русскими литературами показывает, что важную роль в развитии этих связей играет элемент влияния, понимаемый как сближение и расхождение «своего» и «чужого». Интеграция «своего» и «чужого», «влияния», «встречного движения» приводит к интерпретации этих понятий, в соответствии с региональными традициями и обычаями. Многие авторы в своих произведениях следуют определённой модели как своего рода вторичной литературы. Это отражается в стиле, имитации, вариации. Взаимосвязь между «своим» и «чужим» наблюдается в вариативности смысловых связей. Исследователь В. А. Вединапина показывает модель целостного понимания человека в его сопряженности с миром, где раскрываются соотношения «мир-человек» и «человек-мир» [6, с. 46-59]. Подобная модель способствует необходимости анализировать, интерпретировать проявления сущности человека в разных сферах его национального бытия.

Литература является одним из главных факторов, влияющих на развитие международных отношений, а литературная критика способствует определению художественной ценности произведения, что помогает нам понять взаимодействие произведений с разными

культурными приоритетами. Исследователь Х. М. Казанов подчёркивает, что «при изучении и сопоставлении культурных и нравственных ценностей, выработанных многовековым опытом, попытки найти между ними какую-нибудь связь, показать их взаимоотношения часто приводили к возвышению общечеловеческого роста за счёт национального или к признанию их равноправия» [7, с. 27]. При сопоставлении мировоззрения писателей по отношению к идее и формам красоты выяснилось, что в художественном творчестве Востока и Запада узбекские писатели нашли оригинальные формы, отражающие свое время и пытающиеся философски осмыслить жизнь в реальном измерении. Исследователь Г. Гарипова отмечает, что «наряду с произведениями, созданными в духе традиционного реализма, в которых налицо активное освоение действительности с преломлением восточных классических традиций, устного народного творчества и художественной практики поколения «шестидесятников», в творчестве ряда писателей можно констатировать появление модернистских тенденций. На эту особенность узбекской литературы в своё время обратили внимание отечественные литературоведы и критики» [8, с. 97-106]. Известно, что каждый художественный тип, возникая в определённую эпоху, вбирает в себя черты народа, соответствующие этому периоду его жизни. Чувство связи с родной землёй, присущее каждой нации, своеобразно проявляется и у героев произведений узбекской литературы. Изучение процесса литературного творчества – сложная и колоссальная задача. Настоящая любовь к родной земле, забота о её преобразовании, трудолюбие, унаследованное от предков, проявляются у них в лучшем своём качестве, становятся движущей силой их характеров.

Восточная философия в современном узбекском романе. Одним из ярких писателей Узбекистана 70-х годов XX века, который пронес через свое творчество не только исторические события, но и восточную философию, является Тогай Мурод. Его время – это свобода художественного творчества, обновление человеческого мышления и самостоятельности. Исследователь Й. Солижонов отмечает: «Эффект этого вскоре проявился, то есть под влиянием интенсивно развивающейся политико-социальной и экономической мысли сформировалось и вступило на путь роста литературно-художественное мышление [9, с. 6]. Центральной темой творчества Тогай Мурода были философское осмысление действительности, ценностные ориентиры, мировосприятие личности, реалии жизни. В романе Тогай Мурода «Поле, унаследованное от отца» показаны три поколения тружеников, всю жизнь проводивших на «хлопковом поле». Этот период охватывает 115 лет, с 1876 по 1991 гг. Это было время царской России, поэтому здесь фигурируют исторические личности – генерал Скобелев, министр финансов России Вишнегородский. Писатель показывает и период установления Советской власти в Узбекистане, поэтому здесь встречаются имена М. Фрунзе и других соратников В. И. Ленина. Повествование ведется от имени Дехканкула, внука Джамолиддина, по прозвищу «кетмень» родом из Ферганы. В судьбе старшего поколения отражена беспросветная жизнь дехканина, послушно принимающего все беды судьбы. Оно живет по принципу «терпение – золото». Дед начинал день с молитвы, а вечером падал от усталости, возвратившись с хлопкового поля. В этом отражена и судьба всего узбекского народа. Главный герой Дехканкул – бригадир, награжденный Орденом Октябрьской революции и Трудового Красного знамени, тоже является отражением жизни, но уже другого периода. Герой видит всю изнанку внешне благополучной жизни, но ничего не может сделать. Он тоже выразитель взглядов своего времени – не вмешиваться ни во что. Он не знает своих прав. Отец Дехканкула был убит во времена басмачества. Через весь роман «красной нитью» проходит извечная мечта узбекского народа о свободе. Мотив преобразования природы, воды ассоциируется в массовом сознании с миром. Через этот мотив

проходят все значительные произведения узбекской литературы в различных вариациях как форма выражения психологии и идеалов народа.

«*Ол-а, Жамолиддинни кетмонидай келади-я! – дейди эл* [10, с.5]. (*Народ говорит: «Кетмень Жамолиддина идёт с его поля»*) (перевод сделан нами). Сравнение орудия труда с природой и персонажами свойственно узбекской литературе. Однако оно заслуживает внимания с точки зрения восточного менталитета. Автор выносит на обсуждение глобальную проблему, связанную с основными приоритетами жизни простого, трудолюбивого узбекского народа. Немаловажную составляющую перед началом работы на поле играет «омовение».

Большое значение для понимания национальной литературы играет перевод. Переводчик не меньше, чем писатель, должен знать жизнь и быт народа, его традиции и обычаи, понимать менталитет народа. Неправильный перевод лишает произведение неповторимого национального своеобразия. Например, *“Ибодин соқов бир қатикқа қарайди, бир Оқподишога қарайди. Лабларини буради-буради...хўнграб йиглаб юборади. Қатигини кўрсатиб-кўрсатиб йиглайди: «Эа-эа-эа», дейди: «Энди, аямга нима дейман?» Ибодинсоқовийиглайди-йиглайди... қатигини Оқподишогасешибюборади. Забтбилануйитарафқочади”* [10, с. 14]. (*«Немой Ибодин то на кефир посмотрит, то на Белого государя. Скривив-скривив губы... начинает выть и плакать. Указывая – указывая на кефир, плачет: «Эа-эа-эа», говорит: «Что я теперь скажу маме?» Немой Ибодин поплакал, поплакал, да и обрызгал Белого государя. Быстро убежал в сторону дома»*)(перевод наш – А.К.). Предметы, явления быта, природа становятся своего рода символами, придающими художественную выразительность и глубину текста. Художественный перевод является одним из средств взаимного сближения и взаимообогащения литератур. Время имеет своё превосходство над событиями, происходящими в разные исторические периоды. Тогай Мурод проводит черту над информацией о происшедшем, размышляет, находит пути решения проблемы. Рассматриваемое нами произведение «Поле, унаследованное от отца» – масштабное произведение, в нем рассмотрены жизненные ситуации, сложные идейные основы, тематические линии. Создавая этот роман, Тогай Мурод мечтал создать памятник узбекскому народу. Его мечта осуществилась. Роман Тогай Мурод «Поле, унаследованное от отца» вошел в «золотой фонд» узбекской литературы и стал памятником узбекскому народу.

Идейное содержание качеств русского характера. Ещё большую значимость любая национальная литература приобретает при сравнении с другой национальной литературой. Узбекские студенты на занятиях по русской литературе знакомятся с творчеством В. М. Шукшина. Оценивая особенности русского характера, В. Шукшин писал: «Нас похваливают за стихийный талант, не догадываясь или скрывая, что в нашем лице русский народ обретает своих выразителей, обличителей тупого культурного оболванивания» [11, с. 290]. В своих произведениях В. М. Шукшин прослеживает истоки прошлого, размышляя о существенных различиях национального пути и идеи народа, воплощенных в фундаментальных качествах русского характера» [12, с. 24]. Для сравнительного анализа мы выбрали роман В. Шукшина «Любавины», который по своей эпохальности, масштабу исторических событий, широкому показу народных типов во многом похож на роман Тогай Мурод ««Поле, унаследованное от отца».

Роман «Любавины» В. М. Шукшин написал в 1965 г. Время, которое изображает писатель, 20-е гг. XX века, время послереволюционных событий, гражданской войны. Роман начинается необычно и лаконично: *«Любавиных в деревне не любили. За гордость»*. Писатель мастерски выписывает характер каждого члена семьи Любавиных. Глава семейства Емельян Спиридонович уважал только силу. Старший сын Кондрат «угрюмый малый».

Верил только отцу. Второй сын Ефим *«мог найти выход из любого положения»*. Два младших Макар и Егор – *«лихие, горячие, не прощающие обид»*. Люди в деревне боялись Любавиных. *«Разбойничий дух Любавиных не мог смириться с советской властью»*. Действие происходит в богатой южносибирской деревне Баклань. Писатель, с одной стороны, любит своих героев, с другой стороны, жалеет их. *«Кулаки» Любавиных – трудолюбивые крестьяне, которые своим непосильным трудом создали свое богатство. Они не хотят примириться с потерей своего имущества и власти. В романе тесно переплетается общественное и личное, старое и новое. Трагические потери, убийства, преступления – трудно устанавливалась Советская власть в этих местах* [13, 496 с.].

Во всех произведениях В. Шукшина остро ставятся вопросы поиска его героями смысла жизни. Сам писатель размышлял по этому поводу: *«Пришёл человек в этот мир потрудиться, вырастить хлеб, сделать чудесную машину, построить дом, но ещё – чтобы не пропустить прекрасного в этом мире»* [11, с. 290]. Герои В. Шукшина, как правило, сельские жители. В его произведениях жизнь героев показана как естественная часть досуга и культурного совершенствования. Выходец из народа, знавший язык народа, В. Шукшин широко использует специфические языковые средства, отражающие мир человека из народа, незатейливый, но полный глубокого содержания:

«Емельян Спиридоныч с Кондратом вернулись к вечеру. Дома был один Егор. Он сидел на полу, поджав по-киргизски ноги, – мастерил скворечню.

Любимое его занятие – выстругивать что-нибудь.

– Ты чего дома? – нахмурился отец.

– Лодку смолить надо. Спустил ее на воду, а в нее как в сито...

Егор отложил в сторону плашки, поднялся.

– Макар в кузне?

– Там.

– А ты себе другого дела не нашёл?! – Емельян Спиридоныч пнул недостроенный скворечник. – Лоботрясы!» [13, с. 20].

Как и его герои, автор скуп на оценку их действий, но при этом в высказывании последователен в своём стремлении достичь истины.

Среди сложных вопросов, которые В. М. Шукшин поднимал в своих произведениях, – это проблемы социализации человека в общество. Как справедливо отмечает исследователь Н. Волков: *«... при всем многообразии... изобразительных средств... ведущее место... занимает воспитание»* [14, с. 6]. Искусство учит целостному восприятию окружающего мира, учит извлекать смысл из происходящего в окружающем героев обществе. Егор Любавин, главный герой романа В. Шукшина *«Любавины»* – первая попытка писателя создать образ незаурядного отступника, заплатившего за предательство народной правды существования. По мнению В. Зинченко, *«главным психологическим моментом эстетического развития личности является не установление значения изображённого, а извлечение и переживание личностного и жизненного смысла, содержащегося в произведении искусства»* [15, с. 243]. По сюжету, Любавины принадлежали к классу кулаков, имели крепкое кулацкое хозяйство. Своим трудом они достигли многого, но их раскулачили. За это Любавин-старший возненавидел Советскую власть. Его отношение к окружающему впитали в себя его сыновья. Без прикрас, с беспощадной правдой В. Шукшин показывает все перипетии жизни Любавиных, где тесно переплетаются исторические, политические, общественные, личные вопросы [16, с. 232]. Писатель строит произведение так, чтобы читатель самостоятельно делал выводы по выстроенному сюжету, монологическим и диалогическим речам персонажей. На практических занятиях узбекские студенты знакомят-

ся со многими реалиями жизни героев романа, постигают национальный колорит романа В. Шукшина. Познавательная и воспитательная функция литературы состоит в том, что человек, знакомясь с миром другой национальной культуры, непроизвольно меняется, пытаясь понять мотивы и поступки героев. Эти «социальные эмоции» способствуют вхождению человека в другой социум. Подобная толерантность сознания и поведения связана с духовно-нравственным развитием личности, что и происходит на занятиях по литературе в узбекской аудитории. Узбекские студенты сопереживают событиям, происходящим в романе В. Шукшина, пытаются понять поведение его героев. Язык любого народа, даже самого малочисленного, отображает не только историческое прошлое, но и настоящее его носителей, потому что именно в языковой среде выражается его генетическая основа.

На практических занятиях, в ходе аналитической беседы узбекские студенты приходят к пониманию, что, благодаря взаимодействию литератур Востока и Запада, романы Тогая Мурода и Василия Шукшина являются народным достоянием. Любой писатель старается в своем произведении показать картину мира человека и общества, потому что она отражает «языковой вкус эпохи» [17, с. 54].

Как показала практика, обучение узбекской молодежи на примере сравнительного изучения литератур разных народов является постоянно развивающимся и совершенствующимся процессом. Нравственно-духовное воспитание молодого поколения средствами художественной литературы – это целенаправленное «взращивание» человека для понимания картины мира. Каждому историческому периоду присущи свои эстетические идеалы, своя система образования, создание форм, приёмов и методик воспитания в соответствии с социально-экономическими требованиями развития общества. Целью воспитания всегда является формирование гармонично развитой личности [18, с. 510]. На национальный характер влияют традиции, культура, окружающая среда, природа, которые становятся картиной мира. Произведения узбекского писателя Тогая Мурода и русского художника слова Василия Шукшина – тому яркое подтверждение.

Заключение

В заключении отмечаем, что знакомство студенческой молодёжи Узбекистана с произведениями выдающихся представителей национальных литератур не только расширяет их представление о культуре разных народов, но и способствует их духовно-нравственному воспитанию, развивает их аналитическое мышление, формирует понимание того, что именно в литературе художественно отражены историческое прошлое и настоящее каждого народа. Менталитет народа кроется в глубине его сознания. Осознание неизбежности трагических восстаний в мире вызвало актуализацию темы катастрофической вовлеченности человека в исторический водоворот как и в узбекской [18, с. 510], так и в русской литературе XX века [19, с. 30]. Менталитет нации проявляется в её культуре, придавая ей национальную идентичность [20, с. 459]. Аналогичная идентичность Тогая Мурода и Василия Шукшина рассматривается в их произведениях, основываясь на исторических фактах и отдавая предпочтение нравственности, этике и морали.

В литературных произведениях Тогая Мурода «Поле, унаследованное от отца» и в романе Василия Шукшина «Любавины» по-своему ярко отражена история общества, людей, живущих в разных регионах, но имеющих общую судьбу, называемую картиной мира.

Литература

1. Абу Наср Фароби. *Фазилат, бахт-саодат ва камолот ҳақида*. Тошкент: Ёзувчи, 2001:13-15.
2. Топоров В. Н. Пространство культуры и встречи в нём. *Восток-Запад. Переводы. Публикации*. Москва; 1989: 7.

3. Гринцер П. А. *Эпохи взаимодействия литератур Востока и Запада*. М.; 1997: 21.
4. Пардаева З. Ж. Идентификация современного узбекского романа в контексте мировой литературы. В сб.: *Тюркский мир в современных реалиях: Проблемы языка, литературы, истории и культуры. Материалы XII международной тюркологической конференции*. Казань; 2024:183-186.
5. Гачев Г. Д. *Ментальность народов мира*. Москва: Эксмо, 2003: 364.
6. Вединяпина В. А. Фундаментальность педагогических научных знаний в антропологическом подходе. *Оценка качества освоения педагогических дисциплин в контексте аттестации вуза*. Санкт-Петербург; 2008: 46-59.
7. Казанов Х. М. *Трансформация ценностных ориентаций в современном российском обществе*. Автореф. дисс. ... докт. философ. наук. Нальчик; 2002: 27.
8. Гарипова Г. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI веков. *Иностранные языки в Узбекистане. Электронный научно-методический журнал (Ўзбекистонда хорижий тиллар. Илмий-методик электрон журнал)*. Ташкент; 2014: 3: 97-106.
9. Солижонов Й. *Кўзгудаги ҳаёт*. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти; 2013:6.
10. Мурод Тоғай. *Отамдан колган далалар. (Поле, унаследованное от отца)*. Тошкент: Шарк; 1994:195.
11. Шукшин В. М. *Надеюсь и верую: Рассказы, киноповесть «Калина красная», письма, воспоминания*. Москва; 1999: 290.
12. Куляпин А. И., Левашова О. Г. *Шукшин В. М. Нравственность есть правда*. Собр. соч.: в 8 т. Барнаул: ООО «Издательский дом Барнаул», 2009: 8: 24.
13. Шукшин В. М. *Любавины*. Москва: Советский писатель, 2001: 496.
14. Волков Н. Процесс изобразительного творчества и проблема обратных связей. *Психология художественного творчества: Хрестоматия*. Минск; Харвест, 1999: 6.
15. Зинченко В., Моргунов Е. *Человек развивающийся. Очерки российской психологии*. Москва; Трикола, 1994: 243.
16. Леонтьев А. Н. *Избранные психологические произведения*. Москва, 1983; Т.2 : 232.
17. Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. *Язык и культура*. Москва: Русский язык, 1990: 54.
18. Ахорова Л. Правда, которую знали все, но никто не говорил (Размышления о произведении Тагая Мурада «Поля моего отца»). *Экономика и социум*. 2021; 2-1.(81): 510-522.
19. Ильичева Я. Н. Социально-психологические коллизии в романе В. Шукшина «Любавины» как отражение динамики ментальных ценностей. *Вестник Воронежского университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2008; 2; 30-33.
20. Ишниязова Ш. А. Узбекская ментальность в художественном произведении как источник национальной культуры. *Неофилология*. 2023. Т.9; 2:459-465.

References

1. Abu Nasr Farobi. *Fazilat, bakht-saodat va kamolot haqida*. Tashkent: Yozuvchi, 2001:13–15 (in Uzbek).
2. Toporov V.N. *The space of culture and meetings in it*. East-West. Translations. Publications. Moscow; 1989:7 (in Russian).
3. Grinzer P.A. *Epochs of interaction of literatures of the East and West*. Moscow; 1997: 21 (in Russian).
4. Pardaeva Z.Zh. Identification of the modern Uzbek novel in the context of world literature. In: *The Turkic world in modern realities: Problems of language, literature, history and culture: proceedings of the 12th international Turkological conference*. Kazan. 2024: 183–186 (in Russian).
5. Gachev G.D. *Mentality of the peoples of the world*. Moscow: Eksmo; 2003:364 (in Russian).
6. Vedinyapina V.A. Fundamental nature of pedagogical scientific knowledge in anthropological approach. *Assessment of quality of mastering pedagogical disciplines in the context of university certification*. Saint-Petersburg; 2008:46–59 (in Russian).
7. Kazanov H.M. *Transformation of value orientations in modern Russian society*: Summary of Doctor's dissertation (Philosophy). Nalchik. 2002:27 (in Russian).
8. Garipova G. Conceptual trends in the development of Uzbek literature of the late 20th – early 21st centuries. *Foreign languages in Uzbekistan. (Ўзбекистонда хорижий тиллар. Илмий-методик электрон журнал)*. Tashkent; 2014: 3:97–106 (in Russian).

9. Solizhonov Y. *Kuzgudagi says. Toshkent: Alisher Navoi nomidagi Ozbekiston Milii kutubkhonasi nashriyoti*. 2013:6 (in Uzbek).
10. Murod Togay. *Otamdan kolgan dalalar. (Field inherited from father)*. Tashkent: Sharq. 1994:195 (in Uzbek).
11. Shukshin V.M. *I hope and believe: Stories, the film story "Kalina Krasnaya", letters, memories*. Moscow; 1999:290 (in Russian).
12. Kulyapin A.I., Levashova O.G. *Shukshin V.M. Morality is truth*. Collection. cit.: in 8 volumes. Barnaul: Barnaul Publishing House; 2009:8:24 (in Russian).
13. Shukshin V. M. *Lyubavins*. Moscow: Soviet writer; 2001:496 (in Russian).
14. Volkov N. The process of visual creativity and the problem of feedback. *Psychology of artistic creativity: Reader*. Minsk: Harvest; 1999:6 (in Russian).
15. Zinchenko V., Morgunov E. *Developing man. Essays on Russian psychology*. Moscow: Trivola; 1994:243 (in Russian).
16. Leontiev A. N. *Selected psychological works*. Moscow, 1983; 2:232 (in Russian).
17. Kostomarov V. G., Vereshchagin E. M. *Language and culture*. Moscow: Russian language. 1990:54 (in Russian).
18. Akhrorova L. The truth that everyone knew, but no one spoke (Reflections on the work of Tagay Murad "My father's fields". *Economy and society*. 2021: 2–1(81):510–522 (in Russian).
19. Ilyicheva Ya.N. Social and psychological collisions in V. Shukshin's novel "Lyubavins" as a reflection of the dynamics of mental values. *Bulletin of Voronezh University. Philology. Journalism*. 2008:2;30–33 (in Russian).
20. Ishniyazova Sh.A. Uzbek mentality in a work of art as a source of national culture. *Neophilology*. 2023; 9;2:459–465 (in Russian).

Сведения об авторе

КОСИМОВ Алижон Рахматович – PhD, доктор философии по гуманитарным наукам, доцент кафедры русской филологии, Ферганский государственный университет, г. Фергана, Республика Узбекистан, ORCID ID 0000-0002-2331-7516

E-mail: Alijon40@mail.ru

Information about the author

KOSIMOV Alijon Rakhmatovich – PhD, Doctor of Philosophy in Humanities, Associate Professor, Department of Russian Philology, Fergana State University, Fergana, Republic of Uzbekistan. ORCID ID 0000-0002-2331-7516

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 09.06.25

Принята к публикации / Accepted 19.06.25

УДК 372.881.1

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-14-20>

Оригинальная научная статья

Мультимодальные практики в обучении русскому языку и литературе

С. В. Красильникова¹, С. Т. Жарбулова²¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация²Кызылординский университет им. Коркыт-ата, г. Кызыл-орда, Казахстан✉ mnemozina04@mail.ru, zharbul@mail.ru

Аннотация

Дан анализ новых технологий, пришедших на смену традиционному языковому образованию, в основе которого долгие годы оставался грамматический подход. Статья посвящена рассмотрению роли мультимодальных практик обучения русскому языку и литературе в контексте развития критического мышления. Мультимодальные практики представляют собой целую систему практико-ориентированных технологий, продуманных методических приёмов и форм обучения. На материале романа Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» в сопоставлении с котом Баюном, персонажем славянских волшебных сказок, представлены методические разработки занятий, постулируется важность развития когнитивных навыков обучающихся через формирование индивидуальных траекторий подготовки в рамках языкового обучения на основе инфографики. Особый интерес для лингводидактики высшей школы имеет мультимодальный подход к изучению языковых фактов, среди которых выделяют приемы осмысленного чтения при обучении как родному языку и литературе, так и иностранным языкам, что объясняется необходимостью развития «мягких навыков», к которым относится и критическое мышление. Доказывается, что использование мультимодальных практик на занятиях по литературе помогает осмысленному пониманию текста. Авторы подчеркивают эффективность мультимодальных практик в понимании смысла изучаемых языковых явлений и фактов литературы и культуры в целом (инфографика, лингвокультурный кластер и др.) с позиции развития умения интерпретировать смысл в контексте диалога культур и эпох, что способствует развитию навыков критического анализа текста обучающимися. Подчеркнута роль мультимодальных и кросс-культурных (транслингвальных) практик в изучении русскому языку. В статье содержатся практико-ориентированные кейсы как для преподавателей русского языка как иностранного, так и для преподавателей русского языка и других предметов гуманитарного цикла.

Ключевые слова: мультимодальные практики, русский язык и литература, педагогика, методы обучения, диалог культур, критическое мышление, студенты.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Красильникова С.В., Жарбулова С.Т. Мультимодальные практики в обучении русскому языку и литературе. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2025, Т.38 (2): С. 14-20. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-14-20

Original article

Multimodal practices in teaching Russian language and literature

Svetlana V. Krasilnikova¹, Saule T. Zharbulova²

¹Patrice Lumumba Russian Peoples' Friendship University, Moscow, Russian Federation

²Korkyt-ata Kyzylorda University, Kyzyl-Orda, Kazakhstan

✉ mnemozina04@mail.ru, zharbul@mail.ru

Abstract

The article analyzes new technologies that have replaced traditional language education, which for many years was based on the grammatical approach. The article is devoted to the consideration of the role of multimodal practices in teaching Russian language and literature in the context of critical thinking development. Multimodal practices represent a whole system of practice-oriented technologies, well-thought-out methodological techniques and forms of teaching. Based on the material of Lewis Carroll's novel "Alice in Wonderland" in comparison with the cat Bayun, a character of Slavic fairy tales, the methodological development of classes is presented, the importance of developing students' cognitive skills through the formation of individual training trajectories within the framework of language learning based on infographics is postulated. A multimodal approach to the study of language facts is of particular interest for linguodidactics of higher education, among which are the techniques of meaningful reading in teaching both the native language and literature, and foreign languages, which is explained by the need to develop "soft skills", which include critical thinking. It is proved that the use of multimodal practices in literature classes helps to understand the text meaningfully. The authors emphasize the effectiveness of multimodal practices in understanding the meaning of the studied linguistic phenomena and facts of literature and culture in general (infographics, linguacultural cluster, etc.) from the position of developing the ability to interpret the meaning in the context of a dialogue of cultures and eras, which contributes to the development of critical text analysis skills by students. The role of multimodal and cross-cultural (translingual) practices in learning the Russian language is emphasized. The article contains practice-oriented cases for both teachers of Russian as a foreign language and for teachers of Russian and other subjects in the humanities.

Keywords: multimodal practices, Russian language and literature, pedagogy, teaching methods, dialogue of cultures, critical thinking, students.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Krasilnikova S.V., Zharbulova S.T. Multimodal practices in teaching Russian language and literature. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2025, Vol. 38 (2). Pp. 14-20. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-14-20

Введение

В контексте диверсификации современного образования в условиях стирания границ между культурами и в связи с ростом миграционных процессов и развитием экономики знаний миссией университетов становится поиск инновационных стратегий, повышающих качество языковой подготовки студентов и формирование открытости личности будущего специалиста к творческому диалогу с другими культурами.

В то же время традиционный лингводидактический подход сегодня необходимо дополнять транскультурными практиками, среди которых особое место занимает мультимодальный подход, направленный на кросс-культурное изучение языков и культур как средство социализации личности в полиэтнической и поликультурной среде. Об этом писали исследователи М. Danesi [1], J. Deely, I. Semetsky [2], указавшие, что фундамент современного образования должны составлять концептологические, знаково-символические подходы.

Безусловно, что достичь этой задачи невозможно без акцента на экзистенциальных вопросах значения и смыслов, что не рассматривалось в качестве приоритетов традиционного языкового образования, в основе которого долгие годы оставался грамматический

подход, исключающий стадию интерпретации языковых знаков при передаче знаний или навыков от преподавателя обучающемуся.

Решить данную задачу поможет мультимодальный подход к обучению русскому языку и литературе, направленному на кросс-культурное изучение языков и культур в целях разносторонней социализации личности в поликультурной среде общества. Об обучении межкультурному взаимодействию пишет С.А. Гончаров, О.М. Гончарова и Королева Н.Н. [3] и О.Х. Мирошникова [4], W. Leeds-Hurwitz [5], T. Sebeok, S. Lamb, J. Regan [6], I. Semetsky, A. Stables [7].

Особый интерес для лингводидактики высшей школы имеет мультимодальный подход к изучению языковых фактов, среди которых выделяют приемы осмысленного чтения при обучении как родному языку и литературе, так и иностранным языкам, что объясняется необходимостью развития «мягких навыков», к которым относится и критическое мышление. Именно технологии работы с текстом в указанном аспекте и позволяют достигать высоких результатов в языковом обучении.

Материалы и методы

Предметом исследования данной статьи является определение роли мультимодальных практик обучения русскому языку и литературе в контексте развития критического мышления.

При написании данной статьи были применены следующие методы исследования:

- метод литературного исследования: сбор и систематизация соответствующих исследовательских материалов, обобщение результатов исследований, теоретических концепций предыдущих исследователей в данной области;
- метод анализа примеров: отбор текстов для проектирования технологической карты урока русского языка, изучение стратегий построения уроков с точки зрения мультимодальных практик в обучении русскому языку и литературе.

Результаты и обсуждение

Основные методы при проектировании технологической карты занятия и приемы развития критического мышления

При проектировании сценария занятия по развитию критического мышления наиболее эффективным является обращение к мультимодальным практикам, которые способствуют пониманию обучающимися основных категорий русского языка, а также художественного текста. Мультимодальные практики представляют собой целую систему практико-ориентированных технологий, продуманных методических приёмов и форм обучения. На занятиях по литературе среди многих современных технологий используются технологии мультимодальных практик, помогающих глубже и лучше понимать текст

Мультимодальный подход к обучению русскому языку и литературе предполагает предтекстовую и послетекстовую работу. На первом этапе обучающиеся знакомятся с текстом, выписывают незнакомые слова, постигают смысл текста в процессе чтения, делают нужные записи в своих тетрадах, отрабатывают навыки различных видов пересказа, подбирают нужные иллюстрации для дальнейшей работы. На втором этапе работы над текстом обучающиеся делятся на группы для творческой работы, связанной с поиском смысла названия анализируемого произведения. Обучающимся нужно разделить текст на смысловые части, в каждой найти опорные и ключевые слова. Подобная работа помогает студентам осмысленно отнестись к рассматриваемому тексту. В процессе прочтения и его анализа студенты выделяют в тексте смысловые части и дают краткую характеристику содержания каждой из них, обращая внимание на авторскую логику представленного текста. Развитию критического мышления у студентов способствуют различные формы анализа, среди кото-

рых на первом месте стоит лингвистический анализ, в процессе которого рассматриваются различные грамматические конструкции русского языка, наблюдения над лексикой, отражающей основной смысл произведения, с учетом художественных средств изображения. При анализе любого произведения очень важно понимать эпоху, в которой жил тот или иной писатель, знать его биографию, которая, как правило, отражается в его произведении. В связи с этим важную роль играет историко-культурный языковой комментарий к изучаемому тексту. Научно-исследовательская деятельность обучающихся предполагает выявление типов речи анализируемого произведения: это повествование, описание или рассуждение. На разных этапах занятий используются различного рода справочные материалы.

На заключительном этапе работы над текстом студенты представляют результаты своих наблюдений, выступают с сообщениями от каждой группы. Как показала практика, поиски смысла поступков героев текста со стороны педагогов и их учеников превращаются в творческий процесс понимания происходящих событий.

Большой интерес в поисковой деятельности обучающихся представляет их аналитическая работа определения идеи произведения, заложенной в его названии, с самим текстом.

Таким образом, в изложенном выше представлены этапы технологии развития критического мышления: интерес у обучающихся к изучаемой информации; реализация смысла (получение новой информации); рефлексия – т.е. обсуждение результатов, рождение нового знания.

Развитие критического мышления органически связано с продуманным методическим решением проведения занятия. На первых этапах занятия эффективными оказались такие формы проведения игровых ситуаций, как «корзина идей», «воронка», «дерево предсказаний». На втором этапе занятий, связанных с осмыслением задания, полезными стали методы «зигзага», «инсерт» и др., на этапе рефлексии использовались методы «фишбоун», «кластер», эссе, таблицы.

Особое место среди технологий активизации критического мышления занимает инфографика. Инфографика – не иллюстрация к тексту, а особый источник достоверной информации. Инфографика является графическим способом представления текстовой информации в виде картинок, блоков, схем, графиков, таблиц, коротких надписей для улучшения восприятия. Данная технология представлена в готовом шаблоне графического редактора или с помощью визуальных (графических) рукописных заметок (персонажей, пиктограмм, знаков, рисунков, схем, таблиц, графиков), помогающих структурировать, выделять главное, запоминать и осмысливать текстовую информацию. Большинство объектов визуальных заметок можно составить из пяти простых фигур: круга, квадрата, треугольника, линии, точки. Структура визуальной заметки может быть различной формы: модульной, лучеобразной, вертикальной, горизонтальной.

Методический кейс урока по русскому языку

В нашей аудитории, наравне с иностранцами, обучаются и российские студенты. В связи с этим занятия по обучению русскому языку строятся с учетом как по системе РКИ, так и по системе РЯР (русский язык как родной), что накладывает определенные трудности в работе с подобной аудиторией. Приведем пример занятия для обучающихся по русскому как родному, так и русскому как иностранному языкам для формирования умений соотносить иллюстрацию с текстом, отвечать на уточняющие, оценочные, проблемные вопросы, трансформировать содержание текста в инфографику или визуальную заметку, а также самостоятельно рисовать словографику, передавая смысл цитаты с помощью иллюстрации. Тексты при этом подбирались с учетом работы в рамках концепции би-поли-транслингвизма и поликультурной среды, педагог должен подготовить сопоставительные таблицы на родном и русском как иностранном языках для обучающегося.

Для работы мы взяли материал из романа Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» [8] и выделили тему «Чеширский кот, которого нет».

Представляем алгоритм организации чтения и работы с текстом.

1. Педагог объясняет, что обучающимся предстоит прочитать основной текст без иллюстраций, соотнести рисунки с текстовыми фрагментами, ответить на вопросы по содержанию текста.

2. Обучающиеся читают неиллюстрированный текст, подбирают рисунки к фрагментам текста, отвечают на уточняющие, оценочные или проблемные вопросы по содержанию текста в процессе обсуждения.

3. Педагог объясняет, что такое инфографика, представляет шаблон инфографики к дополнительному тексту, отвечает на уточняющие вопросы о правильности заполнения шаблона инфографики.

4. Обучающиеся читают дополнительный текст, представляют проекты инфографики к дополнительному тексту.

5. Обучающиеся выполняют дополнительное задание, связанное с содержанием текста. Задание: читаем основной текст и подбираем рисунки.

В книге «Приключения Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла мы наблюдаем за беседой главной героини с необычным персонажем – Чеширским котом. При этом Чеширский кот сравнивается с героем русской сказки котом Баюном [9]. Имя Баюн созвучно с именем Гамаюн – вещей птицы, знающей о прошлом. Исконно русский образ кота был известен в русской истории на протяжении семнадцати тысячелетий.

Дается текст русской сказки. Герой русской сказки обладает чудесным голосом. Кто его слышит, впадает в заколдованный сон. Обучающиеся знакомятся с действиями кота Баюна. Одного котенка он отдает девочке, которая тоже испытывает магию превращений сначала в белочку, потом в рыбку, затем в жаворонка.

На занятиях обучающиеся знакомятся с главными героями романа Л. Кэрролла – реальной девочкой и мифическим Чеширским котом. Образ Чеширского кота появился благодаря английской поговорке «улыбается как чеширский кот». Автор знаменитого романа об Алисе Льюис Кэрролл родился в графстве Чешир [10]. Над дверями увеселительных заведений графства были изображены улыбающиеся коты. Писатель с детства видел этот образ.

В произведении Л. Кэрролла тоже много превращений. Менялся и внешний облик кота. В мультфильме «Алиса в Стране чудес» от «Дисней» кот предстает как интеллектual с упрямым характером. В экранизации приключений Алисы Тима Бертона Кот был элегантный, спокойный и рассудительный, у него была большая улыбка и желание давать полезные советы.

Визуальные ряды образов помогают структурировать информацию при выявлении взаимосвязей между элементами текста и развивать навыки сравнительного анализа в контексте развития критического мышления. Учащиеся имеют возможность благодаря визуализации сравнить факты языка и культуры с реалиями родной страны, что подготавливает их к межкультурному диалогу.

Заключение

Важным результатом внедрения мультимодальной системы в языковое обучение становится развитие критического мышления студентов, изучающих русский язык как иностранный, и готовность обучающихся вступить в диалог с представителями других культур. Использование визуальных рядов как параллелей к языковым и историко-культурным явлениям активизирует когнитивные функции обучающихся и мотивирует к познанию другого, способствуя развитию аналитических способностей. Практика показывает эффек-

тивность такого подхода к учебному процессу и необходимость активно применять данную технологию в учебном процессе. Дальнейшие исследования могут быть направлены на экспериментальную проверку выбранных методик работы с учебным материалом со стороны преподавателей и студентов. Перспектива дальнейших исследований в развитии мультимодального подхода в обучении русскому языку видится в создании мнемонических опор [11, с. 29], способствующих не только расширению словарного запаса иностранных студентов, но и в умении запоминать необходимый актив профессионально-ориентированной лексики. Мнемоника представляет собой совокупность художественных и иных приёмов и методик для запоминания нужной информации. Различные виды мнемоники используются в учебной практике на разных этапах обучения русскому языку, особенно в иностранной аудитории. Существуют разные виды и формы развития мнемонической памяти. Прежде всего, это наглядность, аудирование, работа с карточками, а также с учебным адаптированным текстом. При таком подходе к организации учебного процесса могут быть использованы несколько каналов восприятия нужной информации таких как текстовый, аудиальный, визуальный. Мультимодальный подход к обучению русскому языку и литературе с использованием технологий мнемотехники будет способствовать улучшению и расширению подачи учебного материала, а также углубленному восприятию обучающихся методических решений преподавателем необходимых компетенций.

В целом, мультимодальный подход представляет собой базисную методологическую основу современного образовательного процесса, обеспечивая более эффективное обучение и разнообразие методов работы с учебным материалом на занятиях.

Л и т е р а т у р а

1. Danesi, M. Foreword: Edusemiotics. In I. Semetsky (Ed.), *Semiotics education experience*. Rotterdam: Sense Publishers. 2010.
2. Deely J., Semetsky I. Semiotics, edusemiotics and the culture of education. *Educational Philosophy and Theory*. 2016: 49 (3). Pp. 1-13.
3. Гончаров С. А., Гончарова О. М., Королева Н. Н. Семиотическая компетентность в образовании и социуме. *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2011: (8): 75-76.
4. Мирошникова О. Х. Лингвокультурная педагогика как компонент инновационной образовательной политики современного университета. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. URL: <http://e-koncept.ru/2017/170011.htm> (дата обращения: 18.01.2025).
5. Leeds-Hurwitz W. *Semiotics and communication: Sign, codes, cultures*. New Jersey: Lawrence Erlbaum associates, Publishers. 1993.
6. Sebeok, T. A., Lamb, S. M., & Regan, J. O. *Semiotics in education: A dialogue (Issues of Communication 10)*. Claremont, CA: Claremont Graduate School. 1988.
7. Semetsky, I., & Stables, A. (Eds.). *Pedagogy and edusemiotics: Theoretical challenges*. Practical opportunities Rotterdam: Sense Publishers. 2014.
8. Кэрролл Л. *Алиса в стране чудес*. Москва : Самокат, 2018: 384.
9. Науменко Г. М. *Мифы русского народа*. Москва : АСТ, 2025: 96.
10. Демурова Н. М. *Льюис Кэрролл*. Москва: Молодая гвардия, 2019: 414 .
11. Лаук-Дубицкий С. Е., Ширина Е. Л., Матвеева М. А. Мультимодальные опоры в практике преподавания русского языка как иностранного: возможности и перспективы. В сб. *материалов конференции «Современные образовательные технологии в преподавании иностранного языка и русского языка как иностранного»*. Москва, 2022: 29-37.

References

1. Danesi, M. Foreword: Edusemiotics. In I. Semetsky (Ed.), *Semiotics education experience*. Rotterdam: Sense Publishers. 2010.
2. Deely J., Semetsky I. Semiotics, edusemiotics and the culture of education. *Educational Philosophy and Theory*. 2016: 49 (3). Pp. 1-13.

3. Goncharov S. A., Goncharova O. M., Koroleva N. N. Semiotic competence in education and society. *Universum: Bulletin of Herzen University*. 2011;8:75–76 (in Russian).
4. Miroshnikova O. H. Lingvocultural pedagogy as a component of innovative educational policy of a modern university. *Concept*. 2017;1. URL: <http://e-koncept.ru/2017/170011.htm> (date of access: 18 January 2025) (in Russian).
5. Leeds-Hurwitz, W. *Semiotics and communication: Sign, codes, cultures*. New Jersey: Lawrence Erlbaum associates, Publishers. 1993.
6. Sebeok, T. A., Lamb, S. M., & Regan, J. O. *Semiotics in education: A dialogue (Issues of Communication 10)*. Claremont, CA: Claremont Graduate School; 1988.
7. Semetsky I. & Stables A. (Eds.). *Pedagogy and edusemiotics: Theoretical challenges/practical opportunities* Rotterdam: Sense Publishers. 2014.
8. Carroll L. *Alice in Wonderland*. Moscow: Samokat; 2018:384 (in Russian).
9. Naumenko G.M. *Myths of the Russian people*. Moscow: AST. 2025:96 (in Russian).
10. Demurova N.M. *Lewis Carroll*. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2019:414 (in Russian).
11. Lauk-Dubitsky S.E., Shirina E.L., Matveeva M.A. Multimodal supports in the practice of teaching Russian as a foreign language: possibilities and prospects. In: *Modern educational technologies in teaching a foreign language and Russian as a foreign language: materials of the conference*. Moscow; 2022:29–37 (in Russian).

Сведения об авторах

КРАСИЛЬНИКОВА Светлана Валерьевна – к. филол. н., доцент кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой дидактики Института русского языка, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6157-6677> Researcher ID: AAU-5605-2020, AuthorID: 170777

E-mail: mnemozina04@mail.ru

ЖАРБУЛОВА Сауле Тураровна – к. пед. н., руководитель ОП «Русский язык и литература», Гуманитарно-педагогический институт, Кызылординский университет имени Коркыт Ата, г. Кызылорда, Республика Казахстан, AuthorID: 755173

E-mail: zharbul@mail.ru

Information about the authors

KRASILNIKOVA Svetlana Valeryevna – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Russian Studies, Ethnoriented Pedagogy and Digital Didactics, Patrice Lumumba Institute of the Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6157-6677>, ResearcherID: AAU-5605-2020, AuthorID: 170777

ZHARBULOVA Saule Turarovna – Cand. Sci. (Pedagogics), Head of the OP «Russian Language and Literature», Korkyt Ata Humanitarian Pedagogical Institute, Kyzylorda University, Kyzylorda, Republic of Kazakhstan, AuthorID: 755173

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

All authors made an equivalent contribution to the publication.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Корреспондент автор имеет право и полномочия выступать от имени всех авторов по этому исследованию.

Conflict of interests

The authors declare that they have no conflict of interest. The corresponding author has the right and authority to speak on behalf of all authors on this study.

Поступила в редакцию / Submitted 22.05.2025

Принята к публикации / Accepted 22.06.2025

УДК 37.013

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-21-32>

Оригинальная научная статья

Эволюция корпоративного обучения: от традиционных форм к цифровым платформам

Н. Н. Сивцев, Н. Ю. ТуласыноваСеверо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ sivtsevkolya@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется эволюция корпоративного обучения, анализируется переход от традиционных форм к цифровым платформам в условиях глобальной цифровой трансформации. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации компаний к технологическим изменениям, где развитие человеческого капитала становится ключевым фактором конкурентоспособности. Как показывают данные LinkedIn, 94% сотрудников готовы сохранять лояльность к работодателю при инвестициях в их профессиональный рост, что подчеркивает важность современных образовательных решений. Однако традиционные методы обучения, основанные на очных лекциях и стандартизированных тренингах, уступают цифровым платформам, обеспечивающим гибкость, персонализацию и непрерывность освоения навыков. Цель работы – выявить закономерности трансформации корпоративного обучения, определить педагогические принципы и факторы, способствующие интеграции цифровых инструментов (ИИ, VR/AR, LMS-систем) в образовательные процессы. На основе исторического анализа выделены четыре этапа эволюции: от бихевиористских методов середины XX века до коннективистских моделей с использованием адаптивных технологий. Рассмотрены экономические, технологические и социальные аспекты перехода к цифровым форматам, включая рост рынка e-learning. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по проектированию гибридных моделей обучения, сочетающих цифровые инструменты с живым взаимодействием, инвестициям в цифровую грамотность и этическому аудиту алгоритмов. Перспективы исследования связаны с анализом влияния метавселенных и генеративного ИИ на корпоративное образование, а также долгосрочной оценкой релевантности цифровых инструментов в условиях меняющихся рынков труда. Результаты исследования могут быть использованы HR-специалистами для оптимизации образовательных программ и педагогами – для интеграции технологий в педагогический дизайн.

Ключевые слова: корпоративное обучение, цифровая трансформация, гибридные образовательные модели, адаптивные платформы, микрообучение, цифровые платформы, электронное обучение, переподготовка, особенности поколений, сравнение форматов обучения, онлайн-платформы.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Сивцев Н. Н., Туласынова Н. Ю. Эволюция корпоративного обучения: от традиционных форм к цифровым платформам. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2025, Т.38 (2): С. 21-32. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-21-32

The evolution of corporate learning: from traditional forms to digital platforms

Nikolay N. Sivtsev, Nadezhda Y. Tulasynova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ sivtsevkolya@mail.ru

Abstract

The article examines the evolution of corporate learning, analyzes the transition from traditional forms to digital platforms in the context of global digital transformation. The relevance of the topic is due to the need for companies to adapt to technological changes, where the development of human capital is becoming a key factor in competitiveness. According to LinkedIn data, 94% of employees are willing to remain loyal to their employer while investing in their professional growth, which underscores the importance of modern educational solutions. However, traditional teaching methods based on face-to-face lectures and standardized trainings are inferior to digital platforms that provide flexibility, personalization, and continuity of skill acquisition. The purpose of the work is to identify patterns of transformation of corporate learning, to identify pedagogical principles and factors contributing to the integration of digital tools (AI, VR/AR, LMS systems) into educational processes. Based on historical analysis, four stages of evolution have been identified: from behaviorist methods of the mid-20th century to connectivist models using adaptive technologies. The economic, technological and social aspects of the transition to digital forms, including the growth of the e-learning market, are considered. The practical significance of the work lies in the development of recommendations for the design of hybrid learning models combining digital tools with live interaction, investments in digital literacy and ethical audit of algorithms. The prospects of the study are related to the analysis of the impact of metaverses and generative AI on corporate education, as well as a long-term assessment of the relevance of digital tools in changing labor markets. The research results can be used by HR specialists to optimize educational programs and by teachers to integrate technologies into pedagogical design.

Keywords: corporate training, digital transformation, hybrid educational models, adaptive platforms, micro-learning, digital platforms, e-learning, retraining, generational features, comparison of training formats, online platforms.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Sivtsev N. N., Tulasynova N. Y. The evolution of corporate learning: from traditional forms to digital platforms. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2025, Vol. 38 (2). Pp. 21-32. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-21-32

Введение

В условиях стремительной цифровой трансформации организаций, охватившей все отрасли, ключевыми факторами конкурентоспособности становится способность компаний адаптироваться к технологическим изменениям. Этот процесс требует не только внедрения новых инструментов, но и глобального пересмотра подходов к развитию человеческого капитала. Как показывают данные LinkedIn, 94% сотрудников готовы оставаться в компании дольше при условии инвестиций в их профессиональное развитие, что указывает на прямую связь между образовательными инициативами и лояльностью персонала [1].

Однако традиционные форматы обучения зачастую не успевают за динамикой цифровой среды, где критически важны гибкость, непрерывное обновление компетенций и освоение навыков работы с инновационными технологиями. Возникает потребность в микро-обучении, онлайн-платформах, симуляторах и других интерактивных методах, которые соответствуют запросам современного сотрудника и темпам корпоративных процессов. Компании, игнорирующие эти тренды, сталкиваются не только с отставанием в цифро-

визации, но и с ростом текучести кадров, что влечёт значительные финансовые потери и снижение операционной эффективности.

Современный корпоративный сектор переживает масштабную трансформацию образовательных процессов, обусловленную цифровой революцией. Если в середине XX века обучение сотрудников ограничивалось очными лекциями и стандартизированными тренингами, то сегодня компании активно внедряют адаптивные LMS-платформы, мобильные приложения и технологии виртуальной реальности. По данным Global Market Insights (2023), объем рынка корпоративного e-learning к 2032 году превысит \$151 млрд., а 89% организаций считают цифровое обучение критически важным для сохранения конкурентоспособности [1].

Результаты работы могут быть использованы педагогами для проектирования гибридных образовательных программ, а также HR-специалистами – для прогнозирования трендов в условиях цифровизации.

Материалы и методы

В исследовании применен комплекс методов, направленных на анализ эволюции корпоративного обучения и оценку эффективности цифровых платформ. Основу работы составил историко-генетический анализ, охватывающий период с середины XX века до 2020-х гг., который позволил выделить ключевые этапы трансформации: от бихевиористских тренингов до коннективистских моделей с использованием ИИ и VR/AR. Для систематизации данных использованы качественные кейс-стадии компаний (Walmart, IBM, L'Oréal, Deloitte), включающие изучение корпоративных отчетов, образовательных программ и интервью с HR-специалистами, опубликованных в открытых источниках. Количественный анализ базировался на статистических данных LinkedIn (лояльность сотрудников), Global Market Insights (объем рынка e-learning), PwC (экономия затрат) и отчетов компаний (например, сокращение времени подготовки сотрудников в Walmart на 50%). Сравнительный метод применен для оценки различий между традиционными и цифровыми форматами обучения по параметрам: скорость внедрения, персонализация, затраты, развитие soft skills. Теоретическая база исследования включает принципы андрагогики Малкольма Ноулза [2] и коннективизма Джорджа Сименса [3], анализ которых проведен через контент-анализ научных публикаций (Scopus, Web of Science) и методических материалов корпоративных университетов.

Результаты и обсуждение

В послевоенный период корпоративное обучение базировалось на классических методах передачи знаний. Основным форматом были очные лекции, семинары и тренинги, проводимые в учебных аудиториях. Программы отличались строгой стандартизацией: сотрудники получали бумажные методички, инструкции и шаблоны, направленные на формирование «жестких» навыков (hard skills), таких как соблюдение производственных протоколов или технические компетенции. Педагогическая модель опиралась на принципы бихевиоризма, где упор делался на повторение действий и закрепление правильных реакций через систему поощрений. Например, в 1961 году McDonald's основал «Университет гамбургерологии» (Hamburger University) [4], где сотрудники отрабатывали стандарты приготовления блюд в условиях, максимально приближенных к реальным. General Electric реализовывал программы лидерства, сочетающие лекции с разбором кейсов. Несмотря на технологическую ограниченность, этот этап заложил основы системного подхода к корпоративному образованию.

С распространением персональных компьютеров корпоративное обучение начало переход к цифровым инструментам. На смену бумажным носителям пришли CD-диски

с интерактивными курсами (CBT – Computer-Based Training), а первые LMS-платформы (Learning Management Systems), такие как Moodle и Blackboard, позволили автоматизировать управление образовательными программами. Ведь LMS представляет собой программное приложение, которое обеспечивает контроль над процессом обучения и преподавания. Такая система дает возможность регистрировать студентов, упорядочивать курсы в каталоге, отслеживать успехи студентов и сообщать обо всем, что было сделано преподавателю или куратору.

В это же время тесты с автоматической проверкой и симуляторы стали инструментами для отработки навыков без участия инструктора. Педагогическая парадигма сместилась в сторону когнитивизма, акцентирующего структурированное усвоение информации. «Зачастую большая часть электронных форматов используется при адаптации новых сотрудников, что помогает сэкономить ресурсы их руководителей и коллег, которые в ином случае тратились бы на обучение новичка» [5, с. 215].

После развития высокоскоростного интернета и мобильных технологий открыло новую эру – электронное обучение (e-learning). Онлайн-курсы, вебинары и микрообучение стали ключевыми инструментами. Платформы вроде Coursera for Business и Udemy for Business предлагали компаниям доступ к тысячам курсов по различным направлениям. SCORM-стандарты позволили интегрировать разнородный контент в единые LMS-системы. Теоретической основой выступила андрагогика Малкольма Ноулза, подчеркивающая самостоятельность взрослых обучающихся и ориентацию на практические задачи. Например, Coca-Cola сотрудничала с Coursera для повышения квалификации менеджеров, а Deloitte разработала платформу «Deloitte University Press» с курсами по agile-методологиям. В этот период обучение стало гибким и доступным, но потребовало пересмотра подходов к мотивации сотрудников.

Современный этап характеризуется интеграцией передовых технологий: искусственного интеллекта (ИИ), виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), а также мобильных решений. Адаптивные платформы, такие как Agea9 Lyceum, используют ИИ для персонализации образовательных траекторий, анализируя прогресс сотрудников. Виртуальные тренажеры позволяют отрабатывать навыки в смоделированных условиях – например, Unilever внедрил VR-программы для обучения сотрудников заводов безопасной работе с оборудованием. Теоретической основой стал коннективизм Джорджа Сименса, где знания формируются через взаимодействие в сетях и сообществах. Компании вроде L'Oréal используют платформы с AI-рекомендациями («My Learning»), а LinkedIn Learning сочетает курсы с социальными функциями. Цифровые инструменты не только автоматизируют процессы, но и создают новые форматы коллаборации, трансформируя роль педагога в связующее звено.

Факторы перехода к цифровым платформам

Переход корпоративного обучения от традиционных методов к цифровым платформам не был случайным явлением. Он стал результатом совокупности технологических, экономических, социальных и педагогических факторов, которые трансформировали подходы к профессиональному развитию сотрудников. Технологический прогресс стал ключевым аспектом перехода корпоративного обучения к цифровым платформам, кардинально изменив способы передачи знаний и взаимодействия между сотрудниками. Широкое распространение высокоскоростного интернета и мобильных устройств сделало образование доступным вне зависимости от географических и временных ограничений. По данным совместного исследования «Яндекс Браузера для организаций» и группы компаний Okkam по оценке рынка корпоративных устройств и ПО в России, мобильными телефонами на

рабочем месте пользуются 74,2% работающих россиян – 55 млн., при этом 70,1% или 52 млн. устройств являются личными, что позволило компаниям внедрять обучение в формате «just-in-time» – получение знаний непосредственно в момент необходимости. Например, сотрудники логистических компаний, такие как DHL, изучают новые маршруты доставки через мобильные приложения прямо на рабочем месте. Прорыв в области искусственного интеллекта (ИИ) и анализа больших данных (Big Data) открыл новые возможности для персонализации образовательных траекторий. Алгоритмы машинного обучения, используемые платформами вроде Degreed или Sana Labs, анализируют поведение пользователей, прогнозируют их потребности и автоматически адаптируют контент. Так, система может рекомендовать курс по управлению проектами сотруднику, чьи коллеги часто ищут подобные материалы, или корректировать сложность заданий на основе скорости прохождения тестов. Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) добавили интерактивности в процесс обучения, перенесли его в иммерсивную среду. Кейс Walmart демонстрирует эффективность такого подхода: VR-тренажеры учат сотрудников управлять многолюдными магазинами в пиковые часы, отрабатывая реакции на нестандартные ситуации [6].

Геймификация – это один из активных методов обучения в образовательном процессе онлайн обучения, мотивирующих студентов к самостоятельному, инициативному и творческому освоению учебного материала. Геймификация, интегрированная в платформы вроде Duolingo для бизнеса, превратила обучение в увлекательный процесс, повышая вовлеченность через систему баллов, уровней и соревнований. Эти инновации не только автоматизировали рутинные задачи, но и создали принципиально новые форматы взаимодействия, где технологии выступают не инструментом, а полноценным участником образовательного процесса [7].

Экономическая рациональность сыграла основную роль в переходе корпораций к цифровым платформам, сделав обучение не только доступным, но и финансово выгодным. Сокращение издержек стало одним из ключевых аргументов для компаний: по данным PwC (2021), внедрение e-learning снизило расходы на обучение в среднем на 40–60% за счет отказа от аренды помещений, командировок тренеров и печати материалов. Например, транснациональная корпорация Amazon стандартизировала программы для сотрудников в 50+ странах через единую LMS, что позволило сократить бюджет на обучение на \$17 млн ежегодно. Масштабируемость цифровых решений стала еще одним преимуществом: платформы вроде Coursera for Business или LinkedIn Learning позволяют одновременно обучать тысячи сотрудников, адаптируя контент под региональные особенности. Автоматизация рутинных процессов, таких как проверка тестов или формирование отчетов, высвободила время HR-специалистов для стратегических задач. Кейс Deloitte иллюстрирует этот подход: внедрение AI-аналитики сократило время на администрирование курсов на 70%, позволив фокусироваться на развитии soft skills. Смена педагогических парадигм стала интеллектуальной основой цифровой трансформации. Теория андрагогики Малкольма Ноулза, подчеркивающая самостоятельность и практико-ориентированность взрослых обучающихся, нашла воплощение в гибких форматах микрообучения и мобильных курсах. Например, платформа Udemy for Business предлагает короткие уроки по запросу, соответствующие принципам когнитивной нагрузки (Cognitive Load Theory), чтобы избежать переутомления сотрудников. Коннективизм Джорджа Сименса, акцентирующий важность сетевого взаимодействия, реализуется через корпоративные социальные платформы – такие как Microsoft Viva Learning, где сотрудники обмениваются опытом в режиме реального времени. Технологии адаптивного обучения, как в системе Area9 Lyceum, автоматически

корректируют контент на основе прогресса, что соответствует принципам дифференцированного подхода. Даже традиционные компании, вроде Siemens, пересмотрели свои программы: вместо длинных лекций они внедрили смешанное обучение (blended learning), где онлайн-модули сочетаются с традиционными методами. Эти инновации доказали, что цифровые инструменты могут не только транслировать знания, но и создавать среду для непрерывного развития [8].

Динамика современного бизнеса потребовала пересмотра подходов к обучению. По исследованию McKinsey (2022), 87% навыков, актуальных сегодня, устареют через 5 лет, что делает непрерывное обучение обязательным условием конкурентоспособности. Цифровые платформы, в отличие от традиционных методов, позволяют мгновенно обновлять контент – как это делает IBM в своих курсах по квантовым вычислениям. Глобализация и рост удаленной работы (68% компаний сохранили гибридный формат после пандемии, по данным Gartner) потребовали решений для распределенных команд. Например, L'Oréal использует платформу MY Learning с AI-рекомендациями, чтобы сотрудники из разных стран получали персонализированные программы. Молодое поколение рабочей силы, ожидает цифрового опыта, сопоставимого с соцсетями. Такие компании, как Nike, ответили на этот запрос геймифицированными курсами в мобильных приложениях, где обучение напоминает игру. Эти факторы превратили цифровые платформы не в опцию, а в необходимость для удержания талантов. Более того, в условиях распространения COVID-19 активно пользоваться цифровыми платформами начало все большее число предприятий и граждан. В существующих условиях стало особенно заметно, что в ряде сфер цифровые платформы стали доминирующими участниками экономических отношений, что приводит к трансформации отраслей, изменению конфигурации агентов экономики и созданию потенциала для экономического роста. Кризис стал большой причиной для быстрой адаптации: за следующие пять лет ретейл-гигант собирается вложить в образовательную программу почти миллиард долларов. Кампания будет реализована в рамках инициативы Walmart Live Better U, существующей уже три года. За это время в ней поучаствовало 52 тысячи сотрудников, 6,5% из которых таким образом получили высшее образование. За один день обучения в рамках программы студент должен был платить 1 доллар. Было сэкономлено более 750 миллионов долларов на обучение, а в самой программе приняли участие 126 тыс. сотрудников [3].

Анализ эффективности

Одни исследования сфокусированы на теоретической парадигме (коннективизм) [9], другие представляют практическое руководство по выбору и использованию LMS [10]. Но решающим фактором является акцент на гибкость, персонализацию и интеграцию образования с технологическими и экономическими потребностями [11; 12; 13]. Внедрение цифровых платформ в корпоративное обучение принесло значительные изменения в эффективность образовательных процессов, однако их результативность неоднозначна и зависит от множества факторов. Внедрение цифровых платформ в корпоративное обучение принесло ряд значимых преимуществ, трансформировавших подход к профессиональному развитию сотрудников. Прежде всего, доступность и гибкость стали ключевыми факторами: по данным Deloitte (2023), 78% сотрудников отмечают, что онлайн-форматы позволяют совмещать обучение с рабочими задачами, а такие компании, как Unilever, сократили среднее время прохождения курсов на 30% благодаря микрообучению. Это особенно важно в условиях глобализации, где сотрудники из разных часовых поясов могут получать знания в удобное время. Персонализация, обеспечиваемая искусственным интеллектом, стала вторым важным преимуществом. Адаптивные алгоритмы, используемые платформами вроде

L'Oréal My Learning, анализируют прогресс пользователей и автоматически корректируют контент, что повышает усвоение материала на 40–60% (исследование Towards Maturity, 2022). Например, сотрудники получают рекомендации курсов не только на основе их должности, но и с учетом коллегиального опыта, что снизило процент отказов от программ на 25%.

Экономическая эффективность цифровых решений также играет критическую роль. Компании экономят до \$1,300 на сотрудника в год за счет отказа от очных тренингов, аренды помещений и печати материалов (отчет IBM, 2021). Технологии виртуальной реальности, как в кейсе PwC, демонстрируют высокую рентабельность: VR-тренажеры для отработки навыков управления кризисами повысили производительность сотрудников на 14%. Аналитика открыла новые возможности для оптимизации обучения. Платформы собирают данные о прогрессе, времени, затраченном на модули, и частоте ошибок, позволяя HR-командам прогнозировать потребности. Например, Siemens сократила затраты на переподготовку на 20%, анализируя навыки сотрудников и автоматически назначая курсы по дефицитным компетенциям. Эти преимущества не только повысили эффективность обучения, но и превратили его в стратегический инструмент для достижения бизнес-целей.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение цифровых платформ в корпоративное обучение сопряжено с рядом вызовов, которые требуют внимания со стороны HR-специалистов и педагогов. Одной из ключевых проблем стало цифровое неравенство: 35% сотрудников старше 45 лет испытывают трудности с использованием современных платформ, что приводит к их исключению из образовательных процессов (исследование LinkedIn, 2023). Например, в производственных компаниях, таких как General Motors, часть сотрудников цехов отказывается от онлайн-курсов из-за недостаточной цифровой грамотности, что создает разрыв в навыках между поколениями. Еще одним критическим недостатком является снижение социализации. Цифровые форматы, ориентированные на самостоятельное обучение, минимизируют живое взаимодействие, что негативно сказывается на развитии soft skills. Исследование MIT Sloan (2022) показало, что 62% менеджеров считают онлайн-тренинги менее эффективными для формирования навыков командной работы или эмоционального интеллекта. В компаниях вроде Salesforce эту проблему частично решают через гибридные модели, сочетая вебинары с очными занятиями, однако такие решения требуют дополнительных ресурсов. Проблемы вовлеченности остаются значимым барьером: до 70% сотрудников не завершают курсы из-за отсутствия мотивации (данные Shift Learning, 2021). Даже геймификация, активно используемая в платформах вроде Duolingo для бизнеса, не всегда решает эту задачу – сотрудники воспринимают баллы и бейджи как формальность, если нет связи с реальными карьерными перспективами. Кроме того, качество контента, генерируемого ИИ, вызывает вопросы. В Amazon, например, 15% материалов, созданных ChatGPT, требуют доработки экспертами из-за поверхностности или ошибок в технических описаниях. Это ставит под сомнение рентабельность полной автоматизации контента. Эти вызовы подчеркивают, что цифровые платформы не являются универсальным решением. Их эффективность зависит от учета человеческого фактора: мотивации, цифровой грамотности и баланса между технологиями и живым взаимодействием.

Сравнение традиционных и цифровых форматов корпоративного обучения позволяет выявить их сильные и слабые стороны, что особенно важно для проектирования гибридных моделей. Ниже представлена таблица с ключевыми параметрами, подкрепленная статистикой и примерами из практики:

Таблица

Сравнение традиционных и цифровых форматов корпоративного обучения

Table

Comparison of traditional and digital corporate training formats

Параметр	Традиционное обучение	Цифровые платформы
Скорость внедрения	Низкая (недели)	Высокая (дни)
Персонализация	Ограниченная	Высокая
Затраты	Высокие	Низкие
Развитие гибких навыков	Высокое	Низкое

Скорость внедрения:

Традиционные методы требуют времени на организацию (аренда помещений, приглашение тренеров). Например, **Procter & Gamble** тратила до 4 недель на подготовку глобального тренинга для менеджеров.

Цифровые платформы, такие как **TalentLMS**, позволяют запустить курс за 2–3 дня. По данным **ATD** (2023), 89% компаний сократили время внедрения программ на 70% после перехода на e-learning. Как и в академических платформах, где «осуществляется экзаменационный контроль уровня» [14], корпоративные LMS позволяют автоматизировать тестирование сотрудников, анализировать прогресс и корректировать программы в реальном времени.

Персонализация:

В очном формате сложно адаптировать контент под индивидуальные потребности. Даже в кейсе Google, где тренинги проводят топ-менеджеры, охват персонализации не превышает 20%.

ИИ-платформы, как **Cornerstone OnDemand**, анализируют данные о навыках и карьерных целях, повышая релевантность контента. Исследование **Deloitte** (2022) показало, что персонализация увеличивает вовлеченность на 45%.

Затраты:

Средняя стоимость очного тренинга (логистика, материалы, оплата тренеров). **Microsoft** в 2019 году потратила 2.3 млн. на глобальную программу лидерства.

Цифровые курсы для аналогичной аудитории обходятся в 3,000–3,000–5,000. **IBM** сэкономила \$200 млн. за 5 лет, автоматизировав 85% обучения (отчет IBM, 2021).

Развитие гибких навыков:

Традиционные методы, такие как ролевые игры в **McKinsey**, на 30% эффективнее для развития коммуникации (опрос **Harvard Business Review**, 2023).

Цифровые симуляторы, даже продвинутые (например, VR-тренажеры **Walmart**), улучшают soft skills лишь на 12–15% из-за отсутствия живого фидбэка.

Внедрение цифровых платформ в корпоративное обучение уже принесло впечатляющие результаты компаниям, которые смогли грамотно интегрировать технологии с педагогическими принципами. Одним из ярких примеров является **IBM YourLearning** – платформа, объединяющая искусственный интеллект и геймификацию. Система анализирует карьерные цели сотрудников и автоматически рекомендует курсы, а соревновательные элементы (рейтинги, бейджи) повышают мотивацию. По данным **IBM** (2022), это привело к росту завершаемости программ на 45%, а 78% сотрудников отметили, что обучение стало более релевантным их повседневным задачам.

Walmart VR Academy демонстрирует эффективность иммерсивных технологий. Компания внедрила VR-тренажеры для обучения сотрудников управлению магазинами в пи-

ковые часы, моделируя реальные сценарии: от работы с возражениями клиентов до устранения ЧП. Результаты оказались впечатляющими: время подготовки новых сотрудников сократилось на 50%, а количество ошибок в первые месяцы работы уменьшилось на 30%. Более того, 92% участников тренингов отметили, что VR-формат помогает лучше запоминать информацию благодаря эмоциональному вовлечению (отчет Walmart, 2023).

Еще одним успешным кейсом стала Deloitte Leadership Academy, где сочетание онлайн-курсов и очных сессий позволило преодолеть ключевой недостаток цифрового обучения – дефицит социализации. Менеджеры проходят теоретические модули на платформе, а затем участвуют в воркшопах, где отрабатывают навыки на кейсах из реальной практики. Такой гибридный подход увеличил вовлеченность на 60%, а 85% участников отметили улучшение навыков командной работы (исследование Deloitte, 2022). Отдельного внимания заслуживает кейс L'Oréal с платформой MY Learning: использование AI для рекомендации курсов сократило время поиска контента на 40%, а интеграция микрообучения в рабочие процессы повысила ежедневную активность сотрудников на платформе в 2.5 раза.

Эти примеры показывают, что успех цифровых решений зависит от трех факторов:

1. Интеграции технологий с педагогическими принципами (например, геймификация + теория мотивации).
2. Учета специфики аудитории (VR для поколения Z, микрообучение для занятых сотрудников).
3. Гибридных моделей, где цифровые инструменты дополняются живым взаимодействием.

Рекомендации для максимизации эффективности

Для достижения максимальной отдачи от цифровых платформ корпоративного обучения необходимо соблюдать баланс между технологическими инновациями и человекоцентричным подходом. Гибридные модели, сочетающие онлайн-форматы с живым взаимодействием, доказали свою эффективность в преодолении дефицита социализации. Например, компания Google реализует модель «20% онлайн + 80% практика», где сотрудники изучают теорию через курсы на платформе Google Workspace, а затем применяют знания в очных занятиях с менторами. Такой подход не только сохраняет гибкость, но и укрепляет командные связи, что особенно важно для развития гибких навыков. Однако, «Эффективность гибридного обучения невозможна без соответствующего технологического оснащения, что подтверждает опыт ведущих университетов мира, в которых создаются «умные» аудитории для проведения занятий» [15, с. 56].

Инвестиции в цифровую грамотность становятся обязательным условием для устранения неравенства. Программа Microsoft «Digital Fitness», включающая короткие видеоуроки и тесты по работе с платформами, повысила вовлеченность сотрудников старше 45 лет на 40% за два года. Аналогичные инициативы внедряют и производственные гиганты, такие как Siemens, где цифровые «лайфхаки» интегрированы в ежедневные рабочие процессы.

Геймификация и социальные элементы – ключевые инструменты для борьбы с низкой мотивацией. Платформа Salesforce Trailhead использует систему бейджей, уровней и открытых рейтингов, превращая обучение в соревнование. По данным компании, это увеличило среднее время пребывания пользователей на платформе на 70%. Однако важно связывать игровые механики с реальными карьерными возможностями: в L'Oréal сотрудники, набравшие определенное количество баллов, получают приоритетный доступ к программам повышения квалификации.

Не менее важен этический аудит алгоритмов, особенно при использовании ИИ. Компания IBM разработала систему проверки AI-рекомендаций на предвзятость, что снизило гендерный дисбаланс в выборе курсов для IT-специалистов на 35%. Аналогичные прак-

тики внедряет Amazon, где эксперты вручную проверяют 20% AI-генерируемого контента для минимизации ошибок.

Адаптация под поколенческие особенности помогает удерживать разнородную аудиторию. Для поколения Z, выросшего в цифровой среде, эффективны мобильные приложения с короткими видеοформатами (как в Nike Training Club), тогда как сотрудники старшего возраста ценят возможность консультаций с тьюторами через чат-боты, как в программе Procter & Gamble «Digital Mentors». Успех цифрового обучения зависит не только от технологий, но и от их гармоничной интеграции в корпоративную культуру. Учет человеческого фактора, прозрачность процессов и постоянная обратная связь с сотрудниками остаются основой для устойчивого развития.

Заключение

Эволюция корпоративного обучения от традиционных форм к цифровым платформам отражает не только технологический прогресс, но и глубокую трансформацию педагогических подходов. Исторический анализ позволил выделить четыре ключевых этапа: от бихевиористских методов середины XX века до коннективизма и AI-адаптивных систем 2020-х гг. Каждый этап был обусловлен сочетанием факторов – от прорывов в IT-сфере до смены поколенческих запросов и глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, из-за которой корпоративное обучение, как и CRM-системы перешло на гибридные форматы.

Цифровые платформы доказали свою эффективность в решении задач массовости, персонализации и экономии ресурсов. Технологии VR, ИИ и микрообучения позволили компаниям вроде Walmart и IBM сократить время подготовки сотрудников на 30–50%, а релевантность корпоративного обучения вырос в среднем на 40% за счет автоматизации. Однако анализ выявил и риски: дегуманизация образования, цифровое неравенство и снижение качества soft skills требуют переосмысления роли педагога в цифровую эпоху.

Успешные кейсы (L'Oréal, Deloitte, Unilever) демонстрируют, что будущее корпоративного обучения лежит в гибридных моделях, где технологии дополняются человеческим взаимодействием. Например, сочетание AI-рекомендаций с менторскими программами или VR-тренажеров с очными воркшопами позволяет сохранить баланс между эффективностью и социализацией.

Практические рекомендации для компаний включают:

- инвестиции в цифровую грамотность сотрудников всех возрастов,
- этический аудит алгоритмов для минимизации предвзятости и ошибок,
- разработку геймифицированных систем с привязкой к карьерному росту,
- создание гибких программ, учитывающих особенности поколений.

Перспективы дальнейших исследований связаны с интеграцией метавселенных в корпоративное обучение и оценкой долгосрочного влияния ИИ на педагогический дизайн. Однако уже сегодня ясно: технологии – это инструмент, а не замена педагога. Устойчивое развитие корпоративного образования возможно только при условии, что цифровые инновации служат целям развития человека, а не заменяют его.

Литература

1. Global Market Insights Inc. Официальный сайт компании Global Market Insights Inc. [интернет-ресурс]. URL: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/corporate-elearning-market> (дата обращения: 24.04.2025).
2. Knowles M.S., Holton III E.E., Swanson R.A. *The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development*. 6th edition. London, New York, etc.: ELSEVIER Butterworth Heinemann. 2005: 378.

3. Сименс Д. Коннективизм: теория обучения для цифровой эпохи. *Интерактивное образование*. 2018; (6): 50-55.
4. McDonald's. Официальный сайт компании McDonald's [интернет-ресурс]. URL: <https://corporate.mcdonalds.com/corpmcd/home.html> (дата обращения: 26.04.2025).
5. Рудина Т.Д., Миловзорова М.Н. Электронное обучение как метод корпоративного обучения. *Вестник науки*. 2024;4(11):213-223.
6. Walmart Inc. [интернет ресурс]. URL: https://corporate.walmart.com/content/corporate/en_us/search-results.q=Employee%20Training%20Programs.html (дата обращения: 28.04.2025).
7. Сейтказиева Н.С., Токтогулова Г.А., Ибраева А.Т. Внедрение элементов геймификации в образовательный процесс. *Вестник Международного Университета Кыргызстана*. 2021;(1(42)):131-136.
8. Ярушкин В.А. Развитие онлайн-платформ для обучения и развития компетенций в рамках корпоративного обучения. В кн.: *Философия в XX веке: социально-философские проблемы современной науки и техники: Материалы I Международной научно-практической конференции*, Москва, Зеленоград – Красноярск, 12 мая 2023 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет; 2023:416-420.
9. Исаева Е.С. Современные LMS платформы дистанционного обучения: анализ и сравнение. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2021;6(6):1045-1050. DOI: 10.30853/ped20210127.
10. Итинсон К.С. Коннективизм – обучение в цифровую эпоху. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021;10(4):96-98. DOI: 10.26140/bgз3-2021-1004-0021.
11. Шурыгин В.Ю. Электронные системы управления обучением в академическом и корпоративном образовании. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021;10(2):335-338. DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0085.
12. Оськина А.Н., Даринская Л.А. Тренды в исследованиях электронного обучения в Азии (на примере Сингапура, Японии и Республики Корея). *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021;9(1).
13. Волокитин Ю.И., Гринько О.В., Куприяновский В.П., и др. Цифровые двойники знаний и онтологии для высшего технологического образования. *International Journal of Open Information Technologies*. 2021;9(1):128-144 (in English).
14. Галямов А.Э., Отекина Н.Е. Информационные образовательные платформы. *АПК: инновационные технологии*. 2022;(1):34-38. DOI: 10.35524/2687-0436_2022_01_34.
15. Рязанцева М.В. Гибридная модель обучения: инновации и традиции. *Вестник педагогических наук*. 2024;(2):53-58. DOI: 10.62257/2687-1661-2024-2-53-58.

References

1. Global Market Insights Inc. The official website of Global Market Insights Inc. Available at: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/corporate-elearning-market> (Accessed: 24 April 2025).
2. Knowles M.S., Holton III E.E., Swanson R.A. *The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development*. 6th edition. London, New York, etc.: ELSEVIER Butterworth Heinemann, 2005:378.
3. Siemens D. Connectivism: a theory of learning for the digital age. *Interactive education*. 2018;6:50–55.
4. McDonald's. The official website of McDonald's [online resource]. Available at L: <https://corporate.mcdonalds.com/corpmcd/home.html> (Accessed: 26 April 2025).
5. Rudina T.D. E-learning as a method of corporate learning. *Bulletin of Science*. 2024;4(11):213–223 (in Russian).
6. Walmart Inc. Available at: https://corporate.walmart.com/content/corporate/en_us/search-results.q=Employee%20Training%20Programs.html (Accessed: 28.04.2025).
7. Seitkazieva N.S., Toktogulova G.A., Ibraeva AT. The introduction of gamification elements into the educational process. *Bulletin of the International University of Kyrgyzstan*. 2021;(1(42)):131–136 (in Russian).
8. Yarushkin V.A. *Development of online platforms for training and competence development within the framework of corporate training*. In: *Philosophy in the XX century: socio-philosophical problems of modern science and technology: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference*, Moscow, Zelenograd, Krasnoyarsk, May 12, 2023*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University; 2023:416–420 (in Russian). EDN XRIZFT.

9. Isaeva E.U. Modern LMS distance learning platforms: analysis and comparison. *Pedagogy. Questions of theory and practice*. 2021;6(6):1045–1050 (in Russian). DOI: 10.30853/ped20210127.
10. Itinson K.S. Connectivism is learning in the digital age. *Baltic Humanitarian Journal*. 2021;10(4):96–98 (in Russian). DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0021.
11. Shurygin V.U. Electronic learning management systems in academic and corporate education. *The azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2021;10(2):335–338 (in Russian). DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0085.
12. Oskina A.N., Darinskaya L.A. Trends in e-learning research in Asia (using Singapore, Japan, and the Republic of Korea as examples). *The world of science. Pedagogy and psychology*. 2021;9(1) (in Russian).
13. Volokitin Yu.I., Grinko O.V., Kupriyanovsky V.P., et al. Digital twins of knowledge and ontology for higher technological education. *International Journal of Open Information Technologies*. 2021;9(1):128–144.
14. Galyamov A.E., Otyokina N.E. Information educational platforms. *APK: innovative technologies*. 2022;(1):34–38 (in Russian). DOI: 10.35524/2687-0436_2022_01_34.
15. Ryazantseva M.V. Hybrid learning model: innovations and traditions. *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2024;(2):53–58 (in Russian). DOI: 10.62257/2687-1661-2024-2-53-58.

Сведения об авторах

СИВЦЕВ Николай Николаевич – магистрант 1 курса «Корпоративное электронное обучение» кафедры «Цифровое и технологическое образование» ПИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0006-6621-7909, SPIN: 2732-7391

E-mail: sivtsevkolya@mail.ru

ТУЛАСЫНОВА Надежда Юрьевна – к. пед. н., доцент кафедры «Иностранные языки по гуманитарным специальностям» ИЗФИР, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-6740-5534, SPIN: 6871-8857

E-mail: whityt@mail.ru

Information about the authors

SIVTSEV Nikolay Nikolaevich – 1st year Master's Student, Corporate e-learning, Department of Digital and Technological Education, Teacher Training Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0009-0006-6621-7909, SPIN: 2732-7391

E-mail: sivtsevkolya@mail.ru

TULASYNOVA Nadezhda Yurievna – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-6740-5534, SPIN: 6871-8857

E-mail: whityt@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contribution

All authors made equivalent contributions to the publication.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Корреспондент автор имеет право и полномочия выступать от имени всех авторов по этому исследованию.

Conflict of interests

The authors declare that there is no conflict of interest. The corresponding author has the right and authority to speak on behalf of all authors on this study.

Поступила в редакцию / Submitted 15.05.2025

Принята к публикации / Accepted 23.06.2025

УДК 37.01

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-33-43>

Оригинальная научная статья

Социализация личности в алтайском обществе: двенадцатилетний возраст в современной обрядовой культуре

А. М. Учайкина

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова,
г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

✉ aiapoposheva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию проведения в алтайских семьях детского праздника *он эки дьажы тоолгоны* / *он эки дьажы киргени* достижение ребенком двенадцати лет. Праздник включает важный традиционный обрядовый элемент – оформление вторичной социализации ребенка, его переход от детства к юношеству. В современное время праздник выступает модернизированным видом традиционной обрядности, включает новации обрядовых элементов. Символизация возраста двенадцати лет закрепляется не только на семейно-родовом уровне, но и носит общественный, публичный характер. Возрождение и трансформация детской обрядности прослежена на основе полевых материалов автора, собранных в 2024–2025 гг. в Республике Алтай. Социализация в широком смысле представляет собой непрерывный процесс, продолжающийся в течение всей жизни человека. Подготовка человека к жизни в обществе происходит путем знакомства с социальными нормами, ценностями и обычаями. В традиционной культуре специфика социализации детей отчетливо проявляется в семейной обрядности и в обычаях жизненного цикла. Обряды и ритуалы оказывают значительное влияние изменение социального статуса человека и служат обозначением его правоспособности.

Ключевые слова: алтайцы, Республика Алтай, алтайский календарь, двенадцать лет, традиционный обряд, обряды детского цикла, ритуал, социальная роль, инициация, социализация.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Учайкина А.М. Социализация личности в алтайском обществе: двенадцатилетний возраст в современной обрядовой культуре. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия»*. Pedagogics. Psychology. Philosophy». 2025, Т.38 (2): С. 33-43. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-33-43

Original article

Socialization of the individual in the Altai society: Age of twelve in modern ritual culture

Aiaru M. Uchaikina

S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaistics,
Gorno-Altaysk, Russian Federation

✉ aiapoposheva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the celebration of the children's holiday on *eki djazhy toolgony* (*on eki djazhy kirgeni*) in Altai families, when a child reaches the age of twelve. The holiday includes an important traditional ritual element: the design of the secondary socialization of the child, his transition from childhood to adolescence. In modern times, the holiday is a modernized type of traditional ritualism, includes innovations in ritual elements. The symbolization of the age of twelve is fixed not only at the family and clan level, but also has a social, public character. The revival and transformation of children's rituals is traced on the basis of the author's field materials collected in 2024-2025. in the Altai Republic.

Socialization in a broad sense is a continuous process that continues throughout a person's life. A person's preparation for life in society occurs through familiarization with social norms, values, and customs. In traditional culture, the specifics of children's socialization are clearly manifested in family rituals and life cycle customs. Rituals and rites have a significant impact on a person's social status and serve as a designation of his or her legal capacity.

Keywords: Altai people, Altai Republic, Altai calendar, twelve years, traditional rite, rituals of the children's cycle, ritual, social role, initiation, socialization.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Uchaikina A.M. Socialization of the individual in the Altai society: Age of twelve in modern ritual culture. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2025, Vol. 38 (2). Pp. 33-43. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-33-43

Введение

Обряды детского цикла у каждого народа выстраиваются в определенной последовательности нескольких значимых этапов. Переход из одного возраста в другой сопровождается определенными изменениями в его жизни, а вступление в каждую следующую возрастную группу закрепляется ритуально-магическими церемониями перехода [1].

У алтайцев в серии ритуалов, направленных на достижение нового возрастного статуса, выделяются *кабайга салары* – положение в колыбель, *ат адаары* – имянаречение, *тужак кезери* – перерезание пут, *чүрмеш торыыры* (*чюрмеш тоорыры*) – стрижка волос, *токым кагар* – посвящение в мужчины, *шанкы тагар* (*шанкы тагар*) – надевание девичьих накосных украшений. После которых, соответственно придавался ребенку новый статус: *яш бала* – младенец, *эр бала* – мужчина, *шанкылу бала* (*шанкылу бала*) – девочка с накосными украшениями [2]. Ритуалы тесно связаны с обычаями жизненного цикла, так как проводятся внутри них. Обычаи и обряды жизненного цикла объединены в представления о трех «свадьбах» *тойях*, которые должны быть в жизни каждого человека. Первый *той* – малый *той кичинек байрам* или *кичинек той* – случается в тот день, когда в честь новорожденного проводят обряд *койу көчө* (*койу көчө*) и/или дают ему имя. Второй *той* – это собственно свадьба. Третий *той* – похоронные обряды, завершаемые поминальной трапезой [3].

За последние 20-30 лет в проведении *койу көчө* (*койу көчө*) произошли изменения – время проведения праздника сдвинулось на более поздний период взросления ребенка (возраст 1 год), а также несколько ритуалов объединены в рамках одного праздника.

Вышеназванные обряды были описаны намного ранее как дореволюционными, так и современными исследователями Горного Алтая. У Л. Э. Каруновской описывается обычай положения ребенка в колыбель [4]. Об имянаречении писали В. И. Вербицкий [5], В. В. Радлов [6], Л. Э. Каруновская [4]. О роли и значении в жизни ребенка дяди по матери *таай* – об обычае авункулата писали: Г. Н. Потанин [7], Н. П. Дыренкова [8], С. А. Токарев [9], Л. П. Потапов [10]. Следует также отметить труды плеяды известных женщин-этнографов Н. И. Шатиновой [11], Н. А. Тадиной [12], В. П. Дьяконовой [13], С. П. Тюхтеновой [14]. Н. И. Шатинова описала праздник *койу көчө* (*койу көчө*), проводившийся в разное время: после отпадения пуповины у ребенка, когда окрепнет роженица, через пять-семь дней или одну-две недели после родов, через один-два месяца, когда у ребенка укрепится шея [11]. Она же на основе своих полевых исследований отмечала существование близких отношений между племянником и дядей по матери, которые прослеживаются в обрядах. Например, «в возрасте одного года ребенку впервые срезали волосы, в этом обряде также участвовал дядя по матери». Он срезал прядь волос с головы племянника и забирал с собой. Когда ребенок достигал трех лет, мать отвозила ребенка к своему брату: племянник ехал «выкупать свои волосы» у дяди обязательно с молочным самогоном *сүт аракы* (*сют*

аракы). Дядя дарил племяннику овцу или коня [11]. Н. А. Тадина, подробно и всесторонне исследовавшая свадебную обрядность, показала роль одежды, прически и украшений как определителей половозрастного статуса прекрасной половины алтайского общества: девочек, девушек, женщин [12, с. 90–109]. В ее работах прослеживается участие дяди по матери во всех этапах свадьбы и ключевых обрядовых действиях [12, с. 50, 67, 68, 81]. В. П. Дьяконова охарактеризовала девичьи накосные украшения теленгиток [13]. Интересны ее исследования в части приобщения детей с младенчества к трудовой деятельности: «с шестилетнего возраста мальчики уже могли оседлать лошадь, ездить верхом, пасти на недалеком расстоянии скот, а вблизи жилища помогать по уходу за ними» [13]. С. П. Тюхтенева на основе полевых материалов писала, что мальчика с семилетнего возраста отец или дядя по матери начинали приучать к мужской хозяйственной деятельности, брали с собой на охоту [14]. Специалист в области детской обрядовой культуры М. П. Чочкина описала ритуал *токим кагар*: «Летом, в определенный день (с рождением новой луны), родители со своим ребенком приезжали к дяде. Они привозили с собой угощение, куда входили молочные продукты, мясо барана, а также *јакалу кеп* (*дыкалу кеп*) – одежду с воротом. На праздник созывались родственники, соседи. После встречи гостей, дядя угощал их, родители племянника подносили ему свои подарки. Затем все выходили, чтобы продолжить ритуал. На коня, которого собирались подарить ребенку, накладывали *токим* – потник и садили на него мальчика. Он должен был проскакать за ближнюю горку и вернуться верхом на коне. Родители и родственники радостно приветствовали. После возвращения на потник накладывали *ээр* – седло. Дядя дарил племяннику кожаный пояс и оседланного коня, при этом говоря, что отныне он *эр киндиктү* (*эр киндиктю*) – с мужской пуповиной. Дядя, окуривая дымом можжевельника, говорил племяннику благопожелание *алкыш*:

*«Дъарындуга туттуртпа,
Имеющие лопатки, пусть не побоят тебя,
Дъаактуга айттыртпа,
Имеющие щеки, пусть не переспорят тебя
Дъус дъааш дъажа,
Проживи до ста лет,
Дугурюк ат мин.
Езди на быстроногом скакуне.
Дъоргонын дъакшызын мин,
Езди на лучшем скакуне,
Дъоннын бажын бил».*
Будь предводителем народа своего.

В данном обряде происходит изменение имени мальчика *уул бала* на *эр киндиктю* – мужчину), что окончательно утверждало подростка в новом статусе. Родственники также благословляли *эр киндиктү бала* (*эр киндиктю бала*) – ребенка – мужчину, дарили ему ножны, плетъ, уздечку [2].

В алтайской детской обрядовой культуре принято выделять обычаи первой социализации, к которым относятся родины, имянаречение, праздник исполнения одного года и вторичной социализации: исполнение двенадцати лет и свадьба. В данной статье мы рассматриваем обычай вторичной социализации исполнения ребенку двенадцати лет.

Исследователи отметили, что в 1980-1990-е гг. происходило постепенное восстановление знаний, системы применения народного календаря, традиционные обычаи и обряды, связанные преимущественно с семейной обрядностью, потребовали грамотного использования. Сложившаяся к началу XXI в. система знаний и представлений о традиционном

календаре является результатом возрождения, развития и транзисии, протекавших в культуре коренных народов Горного Алтая [15].

В сознании алтайцев хорошо сохранились знания о значении возраста на определённом этапе его жизни, и что возраст определяет социальную роль человека и связь с обществом. Исследователи отмечали: «в старину у алтайцев было не принято ежегодно отмечать день рождения» [16]. Эту особенность Н. А. Тадина подтвердила выводами французского тюрколога Л. Базена, объяснившего, что «тюркская культурная традиция, когда она не нарушена иными влияниями, практически игнорирует понятие «день рождения» [17]. Ежегодно дни рождения стали отмечать в советский период, а в постсоветское время начался переход к традиции применения циклического календаря [16]. Выводы об отсутствии традиции справлять день рождения мы встречаем у С. П. Тюхтеневой: «У алтайцев есть поверье, что большинство людей умирает в год исполнения ими двенадцати, двадцати четырех, тридцати шести и т. д. лет, то есть в год того знака двенадцатилетнего календаря, под которым они родились. Поэтому им необходимо опасаться разного рода случайных напастей, потенциально содержащих угрозу жизни» [14]. В этой связи следует отметить, что наступление возраста, переход с одного этапа на другой понимается не как «празднование», а как «оберегание», т.е. нужно беречь самого себя в связи с подходом к важному жизненному рубежу.

В повседневной жизни алтаец, описывая возраст человека, использует такие понятия как «молодой», «юный», «зрелый», «старый», которые в народных представлениях обозначают принадлежность человека к определённому этапу жизни. На основе этих этапов лежит смена четырех главных возрастов – детство, юность, зрелость и старость. В каждом этапе человек наделен набором статусов и ролей, с помощью которых он выполняет конкретные социальные задачи: стать взрослым, получить образование, жениться, вести хозяйство, иметь потомство, воспитать детей, помочь им стать самостоятельными, встретить достойную старость, которые следует выполнить в свой срок [16].

Календарный (хронологический) возраст человека измеряется количеством прожитых лет, прошедших с момента его рождения. Эти периоды определяет календарь, существующий у народов. Алтайский календарь входит в систему календарей народов Центральной и Восточной Азии и состоит из 12-летнего и большого 60-летнего циклов [15]. Для определения возраста алтайцы используют 12-летний календарь «животного» цикла. 60-летний большой цикл составляющий «век», по алт. *чак.*, включает пять 12-летних циклов, когда большой и малый циклы привязывались к двум оборотам Сатурна и одному обороту Юпитера вокруг Солнца. По сведениям этнографов 60-летний календарь также бытовал у алтайцев, но преимущественно при определении возраста человек [14].

Каждый алтаец знает, в год какого животного он родился. «Первый год 12-летнего цикла называется *чычкан дьыл* – год мыши, второй – *уй/ийнек дьыл* – год коровы, затем *бар жыл* – год тигра, *койон жыл* – год зайца, *улуу жыл* – год дракона, *ат жыл* – год лошади, *кой жыл* – год овцы, *мечин жыл* – год обезьяны, *такаа жыл* – год курицы, *ийт жыл* – год собаки и *какай жыл* – год кабана» [15]. Каждый год, соответствуя определённому животному, делится на благоприятные, неблагоприятные и нейтральные годы. Благоприятными годами считаются года мыши, зайца, лошади и овцы, а неблагоприятными – коровы, дракона, змеи, собаки и созвездия Плеяд. Нейтральными считаются годы барса, курицы и кабана.

По циклическому календарю определяли возраст человека, а также его характер и судьбу. Характер и нрав ребёнка связывается с повадками того животного, под знаком которого он родился. Животное, под знаком которого человек родился, обладает жизненной силой, называемой *тын*. Характер, нрав человека связан с характером и натурой «своего» животного» [13, с. 157]. Согласно представлениям, относившимся к календарю 12-летнего

животного цикла, человеку запрещалось убивать животное, под знаком которого он родился [16].

Согласно традиционному алтайскому календарю, алтайцы «отмечали» следующие года: 12, 24, 36, 48, 60, 72 (84). Через прожитые 11 лет к человеку возвращается его год (год его животного), в этом случае говорят *жылы кирип жат* (*дьылы кирип дьат*) – «год (календарный) входит», т.е. «приход года», продолжающийся весь наступивший 12-й год [16]. Когда у человека наступал возраст согласно алтайскому календарю, то говорили *мӧлчӱлгендӱ жӱрер керек* (*мӧлчюлгендӱ дьурер керек* [18]. По сообщению М. А. Демчиновой, *мӧлчӱл* (*мӧлчюл*) – это взбухшая пена, и когда говорят *мӧлчюлгендӱ дьурер, эмезе тыш, кӧкӱбей, тымык, joboш жӱрер, бӱлӱ-кемдӱ жӱрер, шӱп-сананып жӱрер*), это означает – жить в «свой год» спокойно, осторожно, осознанно, не окрыляясь, не возбуждаясь, не возмущаясь, не будоражась [НА НИИ. Д. Ф275].

В алтайском обществе принято считать, что возрасте 12 лет мальчик и девочка объявляются полноценным человеком в роду. По отцовской линии мальчик получает особый статус, он вступает в свои права – стать мужчиной, а девочка становится помощницей матери. О девушке 11–12 лет, не достигшей еще брачного возраста говорили «ребенок с косичками» *сырмалу бала*. О девушке 12–16 лет говорили «с накосным украшением» *шанкылу бала* (*шанкылу бала*), имея в виду девушку на выданье [12]. Изменение статуса девушки можно было проследить в изменении прически, одежды.

Детская традиционная обрядность претерпела существенные изменения, которые мы рассматриваем на основе полевых материалов.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили этнографические материалы по истории и культуре алтайцев, в которых зафиксированы сведения относительно традиционного алтайского календаря и возраста человека, научные статьи и монографии ученых постсоветского периода, послужившие для сравнительного изучения с современным периодом, а также собственные полевые материалы для более глубокого выявления трансформационных процессов обрядовой культуры.

В исследовании были использованы следующие методы: теоретический анализ и синтез, сравнительно-исторический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, наблюдение и моделирование.

Важным в исследовании является выявление и обоснование специфики социализации ребенка в алтайском обществе на примере возраста двенадцати лет. Автор анализирует механизм возрастного перехода, сопровождающегося ритуалами и обрядами, которые содержат не только этнографическую информацию, но и несут воспитательную функцию в формировании основ духовно-нравственных качеств ребенка в современном алтайском обществе.

Результаты и обсуждение

В советский период многие обычаи и традиции были забыты обществом. Дни рождения, если отмечались, то согласно григорианскому календарю, ежегодно. Отмечались юбилеи 30, 50, 60 лет и т. д., как принято в целом по стране. Роль и значение возраста промежуток через каждые 12 лет стали возрождаться в постсоветское время. В 2001 г. праздник исполнения двенадцати лет впервые как коллективный общественный праздник проводился в национальной школе № 7 г. Горно-Алтайска. Директор школы Сакашева Ю. Г. предложила учителям провести в школе праздник, связанный с детской обрядностью. В это время ученикам 6 класса, рожденным в год дракона *улу*, исполнялось двенадцать лет. Было решено провести в декабре (когда всем в текущем году исполнится 12 лет) праздник исполнения

двенадцати лет. Как вспоминает классный руководитель детей Майя Васильевна Мюсова, по данному вопросу было организовано родительское собрание, составлен план мероприятия и распределены обязанности. Родители сварили мясной суп из перловой крупы *кёчө* (*кёчө*), приготовили мучные и молочные национальные продукты *боорсоки* (небольшие куски теста, жаренные в кипящем коровьем масле или бараньем жиром), *курут* (кислый копченый сыр), *пыштак* (пресный сыр). На празднике дети с профессиональными артистами показали сценку с драконом, пели, танцевали. Заранее матери дочерям изготовили накосные украшения *шанкы* (*шанкы*), а отцы сыновьям плетки *камчы*. Момент надевания к волосам девочек *шанкы* и вручения мальчикам *камчы* под благопожелания (благословения) *алкыш сёс* (*алкыш сёс*) родных стало кульминационным и волнительным моментом для всех. Девочкам после проведенного ритуала было сказано: *24 жаштуда шанкынын үйезин узундадып салар* – «в возрасте 24 лет удлините *шанкы* на одну ступень», а мальчикам – *камчыны 24 жаштуда база бир үйеге узундадып салыгар* – в возрасте 24 лет удлините *камчы* на одну ступень [НА НИИ. Д. Ф. 276]. То есть в 24 года, через 12 лет, для них снова наступал важный возраст – свой год – поэтому подаренные национальные атрибуты, хранящиеся у них дома, должны были расти также как и они. В алтайской традиции накосное украшение *шанкы* девушка носит до замужества, соответственно, в случае ее выхода замуж украшение останется в первоначальном виде.

Как вспоминает этот праздник, повзрослевший «именинник», ученик этого класса Шонкор Модоров, в классе одни дети были 1988 г.р., другие – 1989 г.р., поэтому праздник первых состоялся в текущий учебный год, а вторых – в следующем учебном году, в сентябре. Если первый праздник проводился масштабно в школе, с участием большого количества гостей, то праздник детей, рожденных в 1988 г. проходил на вершине горы Туу-Кайа (Тугая) в г. Горно-Алтайске у целебного источника в уютной атмосфере. С раннего утра на природе провели обряд поклонения духам природы и Духу-хозяину Алтая, подношения духу огня От-Эне. Учителя, родители и родственники говорили детям благопожелания *алкыш сёс* (*алкыш сёс*), дарили подарки (также как *шанкы* и *камчы*), угощались продуктами алтайской национальной кухни, беседовали о значении двенадцатилетнего возраста, об обычаях и традициях [НА НИИ. Д. Ф. 275].

Традицию коллективного проведения исполнения двенадцати лет в 2000-е гг. подхватили и начали проводить другие школы Республики Алтай. Например, в с. Сугаш Усть-Коксинского района такой праздник проводится с 2015 г. Мероприятие устраивают в школе весной. Также матери заранее дома делают дочерям украшение *шанкы* и отцы сыновьям плетку *камчы*, всем детям шьют национальные безрукавки *көгүспек* (*кёгюспек*). На празднике все торжественно вручается, сопровождая благословениями *алкыш сёс* (*алкыш сёс*) [НА НИИ. Д. Ф260].

В настоящее время после праздника исполнения ребенку одного года *койу кёчө* (*койу кёчө*) в алтайских семьях активно стали справлять двенадцатилетие ребенка *он эки жажы* (*джажы*) *тоолгоны / он эки жажы* (*джажы*) *киргени*. Праздник проводится дома или в кафе в кругу близких родственников. Варят / готовят густой мясной суп из баранины с перловкой *кёчө* (*кёчө*). Имениннику/имениннице говорят благопожелания и дарят разные подарки. Родственники благословляют ребенка словами *Јус јаш јажа, јүгүрүк атка мин* (*Дьюс дьаш дьяжа, дьугурюк атка мин*) – «Живи сто лет, скачи на быстром коне», *Энезинин эркези болзын, адазынын алтыны болзын* – Пусть будет нежностью для матери, золотом для отца и т.д. Из национальных атрибутов в качестве подарка дарят украшения (накосное украшение *шанкы*, алтайская меховая шапка, кожаная плетка). Семья Анатпаевых Аржана и Сынару в 2023-2024 гг. провели праздники исполнения 12 лет своим двум сыновьям

Анату и Кариму (рис. 2, 3, 4). Дядя по матери подарил жеребенка, названного в качестве *баркы* (подарка) во время праздника исполнения одного года *койу көчө* (кёчё). В ответ на подарок от дяди племянники одевали ему красивую рубашку, т.к. считается, что ответный подарок должен быть в виде одежды с воротником *јакалу* (дьакалу) *кийим болор керек*. Братья матери дарили бычка и барана, а тетя – алтайские круглые шапки. Родители вместе с бабушкой и дедушкой детям подарили: национальную безрукавку *көгүспек* (кёгюспек), кожаный ремень *кайыш куур*, плетку *камчы* и нож в ножнах *кынду бычак* [НА НИИ. Ф. 272]. Сегодня на детских праздниках одного года и двенадцати лет из домашних животных дарят лошадь, жеребенка, корову, теленка, овечку. Заметным стало дарение вместо лошадей телят и овец, что связано с социально-экономическим состоянием алтайских семей: у многих семей в хозяйствах преобладает крупнорогатый скот и овцы, а в ценовой категории названные животные дешевле лошадей. Согласно мифологическим представлениям алтайцев, скот бывает с теплым *йылу* (дьылу) *тумчукту мал* – скот с теплым носом, овцы, лошади) и холодным дыханием (*соок тумчукту мал* – скот с холодным носом, коровы, верблюды, козы) [19].

Автор настоящей статьи 12 апреля 2025 г. посетила праздник исполнения 12 лет девочке Байсуре. На мероприятии бабушка подарила ей алтайскую круглую шапку, обшитую бархатом и тесьмой, а мама заплела к волосам *шанкы*. Родственники со стороны матери дарили в денежном эквиваленте цену за крупное домашнее животное (жеребца). Ведущий мероприятия дал возможность девочке, будущей хозяйке, продемонстрировать способности к шитью, для чего Байсура пришила пуговицу на белый кусок ткани.

До 1990-х гг. девочкам *шанкы* надевали в возрасте 15–16 лет, с наступлением брачного возраста [12], в настоящее время стало традицией дарить данное украшение на 12 лет. В тоже время девушки сейчас носят *шанкы* во время праздников и торжественных мероприятий, т.е. украшение уже не является обязательным атрибутом в повседневной жизни.

По сведениям информанта А. К. Бидиновой раньше мальчика впервые в шестилетнем возрасте садили на коня. В двенадцать лет дарили оседланного коня [НА НИИ. Д. Ф. 275]. В этом возрасте считалось, что парень стал полноправным членом семьи и рода – мужчиной. С. О. Анатпаева на основе знаний, полученных от своей бабушки, отметила, что, если отец отсутствовал (был в отъезде), двенадцатилетний мальчик мог решать важные срочные семейные и хозяйственные вопросы, проводить обряды [НА НИИ. Д. Ф. 272].

Сведения о том, что мальчика в шесть лет сажают на коня встречаются у многих народов. Например, по материалам Б. Дамринджаева у ойратов Синьцзяна «Когда мальчику исполняется пять или шесть лет, его впервые сажают на коня белой масти и одевают в белую одежду» [1]. У тувинцев мальчиков трех-четырёхлетнего возраста учили садиться верхом на лошадь, и семи-восьмилетние мальчики были достаточно опытными пастухами мелкого рогатого скота. Плано Карпини, еще в XIII в. писал, что мальчики-монголы, когда им «два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них» [20]. Обряд сажания на коня у славянских народов отражен у исследователей на основе художественной литературы, где указывается возраст от 3 до 7 лет [21].

Б. А. Бичеев обряд сажания на коня интерпретирует как своеобразный обряд «расставания с детством» и переход на другой возрастной уровень с последующим коренным изменением образа жизни мальчика. Он исключается из детского сообщества и включается в общество подростков, что предполагает непосредственное освоение хозяйственных и военных навыков [1].

Плетка как важный мужской атрибут также был у каждого мальчика. В настоящее время мальчику на 12 лет дарят плетку *камчы*, а животное (лошадь) дарят в основном родствен-

ники, которые держат скот и живут в сельской местности. Или, на празднике, объявляют о том, что дарят подарок в денежном эквиваленте равном стоимости лошади.

Так, примечательным сегодня является официальное «вручение» подарка *баркы* от дяди по матери, объявляемого во время одного года *койу көчө (кёчё)*, на празднике 12 лет. Дядя по матери принимал непосредственное участие в обряде первой стрижки младенческих волос и перерезании пут. Перед обрядом стрижки он говорил: *јеениминни (дьеениминни) чачы аттан баалу* – волосы племянника дороже коня. Срезав волосы с висков, со лба и с макушки, дядя прятал их в мешочек и увозил с собой. Перед отъездом он говорил: *Јаажы (Дьяжы) јетсе (дьетсе) баркызына келзин* – подрастет – приезжайте за подарком [2]. Например, в 1980-1990-е гг. у двух сыновей информанта Р. М. Бидиновой старший брат матери, он же *таай* отрезал племянникам первые волосы, называл скот, который им дарит. Сказал, придете за волосами и подарком в возрасте 3-х лет. Семья решила ехать возвращать волосы старшего сына Айдара в 6 лет, когда ребенок стал постарше. Но к этому времени, дядя умер и волосы вернула жена дяди *таай јене (дьене)*. Также в возрасте 6 лет второй сын Саша едет к *таай јене (дьене)*, которая дала подарок *јылкы (дьылкы) мал* (конь, лошадь). Волосы третьего младшего сына не отрезали, поскольку не было дяди [НА НИИ. Д. Ф. 270]. По словам информанта в ее родном Улаганском районе обычай хорошо соблюдается согласно традиционным нормам. В 2017 г. в с. Сугаш Усть-Коксинского района во время *койу көчө (кёчё)* Бидиновой Айлины дядя по матери Алексей Михайлович Поповцев провел обряд *чач кезер* – отрезания первых волос племяннице и попросил приехать за волосами, когда ей исполнится 12 лет, тогда он подарит подарок *баркы* [НА НИИ. Д. Ф. 270]. Также информант Э. А. Мызина [рис. 8] сообщила о подарке *баркы* в виде жеребят, которые растут в доме у дяди, и все знают, что это собственное имущество ребенка. Они могут забрать животных в 12 лет или позже, так как сами живут в городе. Ребенок самостоятельно может распорядиться ими в нужных для него и семьи целях [НА НИИ. Д. Ф. 273].

В 2010 г. в с. Чемал Чемальского района на *койу көчө (кёчё)* дядя по матери Владимир Данилович Тантибаров объявил о подарке племяннику – двухгодовалого жеребца *јабага (дьябага)*. Племянник Николай в 12 лет поехал выкупать состриженные тогда дядей прядь волос и забирать подарок. Жеребенок рыжей масти вырос и по настоящее время является верховым конем своего хозяина [НА НИИ. Д. Ф. 276].

Заключение

Таким образом, сегодня алтайские семьи стремятся возрождать традиции. Среди них праздник *койу көчө (кёчё)*, время которого сейчас соотносится с исполнением ребенку одного года, а также оформление перехода от статуса *бала* «ребенок» к статусу *кыс кижы* «девушка» или *эр кижы* «парень», трансформированный в праздник исполнения двенадцати лет – *он эки јажы (дьяжы) тоолгоны / он эки јажы (дьяжы) киргени*. В первом и втором празднике соблюдают конкретные возрасты, адаптированные под современные реалии. Если *койу көчө (кёчё)* проводили раньше в первые дни и месяц с момента рождения ребенка, то сегодня возраст одного года объясняется более благоприятным периодом для сбора большого количества гостей, т.е. время, когда ребенок достаточно окреп. В случае двенадцатилетия, то здесь обрядовые действия перехода возраста, обозначаемые раньше в разное время (6, 7, 12, 16 лет), то в настоящее время ритуалы перехода сведены к первому циклу алтайского календаря – к 12 годам.

Алтайский календарь с правилами счета возраста адаптируется под современные реалии, когда смысл и значение определенного этапа в жизни человека, закрепляемые через возраст, проецируются в семейной праздничной культуре. Как отмечали информанты нашего исследования, дети, у которых состоялся праздник исполнения двенадцати лет

осознанно подходили к своим дальнейшим действиям, переосмысливали свое детство и на глазах «взрослели». Они были готовы ко взрослой жизни, ее правилам и вызовам, радостям и трудностям. Дети, вступали в новый очередной жизненный этап, глубоко понимая социальную роль парня и девушки в алтайском обществе. Важную ритуальную функцию в праздновании двенадцати лет несут благопожелания и вручение подарков – национальных атрибутов (*камчы, шанкы*), оформляющих переход с младенчества к юношеству, животных, символизирующих собственность и ответственность взрослого человека.

Архивные документы

- Научный Архив НИИ алтаистики. Д. Ф. 260.
 Научный Архив НИИ алтаистики. Д. Ф. 270.
 Научный Архив НИИ алтаистики. Д. Ф. 272.
 Научный Архив НИИ алтаистики. Д. Ф. 273.
 Научный Архив НИИ алтаистики. Д. Ф. 275.
 Научный Архив НИИ алтаистики. Д. Ф. 276.

Литература

- Бичеев Б. А. Обряд сажания на коня у ойратов Синьцзяна. *Этнография*. 2023; 2 (20): 93–110.
- Чочкина М. П. «Потник» в обрядовой и эпической традиции алтайцев. *Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения сказительницы Натальи Черновой. 2019; 441–453: 447.
- Тюркские народы Сибири* [ТНС]: отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. Москва: Изд-во «Наука»; 2006; 678: 421.
- Каруновская Л. Э. *Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком*. Сборник МАЭ. Л.: изд-во АН СССР, 1927; 6: 19–36.
- Вербницкий, В. И. *Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований*. Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1993: 270.
- Радлов В. В. *Из Сибири*. Страницы дневника. пер. К. Д. Цивинной и Б. Е. Чистовой; коммент., послесл., ред. С. И. Вайнштейна. Москва : Изд-во Главная редакция Восточной литературы «Наука», 1989: 749.
- Потанин Г. Н. *Очерки Северо-Западной Монголии*. Изд. 2. Горно-Алтайск : Изд-во «Ак-Чечек». 2005: 1026.
- Дыренкова Н. П. *Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут*. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Под ред. В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберга. Ленинград: Издание Комиссии по устройству ..., 1926: 247–259.
- Токарев С. А. *Докапиталистические пережитки в Ойротии*. Гос. акад. истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Москва-Ленинград : Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние. 1936: 153.
- Потапов Л. П. *Очерки по истории алтайцев*. Москва-Ленинград: Изд-во «Наука», 1953: 446.
- Шатинова Н. И. *Семья у алтайцев*. Горно-Алтайск: Изд-во «Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва», 1981: 183.
- Тадина Н. А. *Алтайская свадебная обрядность (XIX – XX вв.)*. Горно-Алтайск : Юч-Сумер. 1995: 207.
- Дьяконова В. П. *Алтайцы (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая)*. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер – Белуха, 2001: 222.
- Тюхтенева С. П. Алтайский календарь. *Эпишлер. Женский журнал*. 2008 (8): 12-19.
- Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков)*. Выпуск 3. Культурно-религиозное пространство Горного Алтая в конце XX – начале XXI веков: трансформации и инновации. Редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов, Н. О. Тадышева. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. 2018: 288: 175.
- Тадина Н. А. О жизненных этапах человека в контексте традиции счета возраста у алтайцев. *Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2023; 3 (41): 154–164: 154.

17. Базен Л. Концепция возраста у древних тюркских народов *Зарубежная тюркология*. Москва; 1986; 1: 361–378: 363.
18. Кыдыева Е. Адазынын ардагы, энезинин эркези. *Баланын байы*: сборник статей. Гл. ред. Т. Н. Туденева; худож. Ч. Н. Барсукова. Горно-Алтайск : ред. газеты Алтайдын Чолмоны. 2015; 11–18: 18.
19. Ойноткинова Н. Р. *Мифологический словарь алтайцев*. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 2021: 600: 358.
20. *Традиции и обычаи*: – сайт Культурное наследие Тувы. URL: [«Конь – мудрый друг и советчик» – Культурное наследие Тувы](#) (дата обращения: 05.05.2025).
21. Железова О. В. Возрастные инициации в повести Л. Н. Толстого «Детство». *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2019: 126–132.

Archival documents

- Scientific Archive of the Research Institute of Altaic Studies. D. F. 260.
 Scientific Archive of the Research Institute of Altaic Studies. D. F. 270.
 Scientific Archive of the Research Institute of Altaic Studies. D. F. 272.
 Scientific Archive of the Research Institute of Altaic Studies. D. F. 273.
 Scientific Archive of the Research Institute of Altaic Studies. D. F. 275.
 Scientific Archive of the Research Institute of Altaic Studies. D. F. 276.

References

1. Bicheev B.A. Ritual of mounting a horse among the Oirats of Xinjiang. *Ethnography*. 2023;2(20):93–110 (in Russian).
2. Chochkina M.P. “Potnik” in the ritual and epic tradition of the Altai people. *Heroic epic and storytelling art of the peoples of Eurasia: preservation, study and popularization*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the birth of storyteller Natalia Chernoeva. 2019;441–453:447 (in Russian).
3. *Turkic peoples of Siberia* [TNS]: eds. D. A. Funk, N. A. Tomilov; Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences: Omsk branch of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka; 2006; 678:421 (in Russian).
4. Karunovskaya L.E. *From the Altai beliefs and rituals associated with the child*. Collection of the MAE. L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1927; 6:19–36 (in Russian).
5. Verbitsky V.I. *Altai Indigenous Peoples: A Collection of Ethnographic Articles and Studies*. Gorno-Altai: Ak-Chechek. 1993:270 (in Russian).
6. Radlov V.V. From Siberia. Pages from a Diary. trans. by K. D. Tsvina and B. E. Chistova; commentary, afterword, ed. by S. I. Weinstein. Moscow: Main Editorial Board of Eastern Literature “Nauka”. 1989:749 (in Russian).
7. Potanin G.N. Essays on Northwestern Mongolia. Publ. 2. Gorno-Altai: Ak-Chechek Publishing House. 2005:1026 (in Russian).
8. Dyrenkova N.P. Clan, classification system of kinship and marriage norms among the Altaians and Teleuts. Materials on wedding and family-clan structure of the peoples of the USSR. Leningrad: Publication of the Device Commission; 1926:247–259 (in Russian).
9. Tokarev S.A. *Pre-capitalist vestiges in Oirotia*. N. Ya. Marr State Academy of History of Material Culture. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz. Leningrad Department; 1936:153 (in Russian).
10. Potapov L.P. *Essays on the history of the Altaians*. Moscow, Leningrad: Nauka; 1953:446 (in Russian).
11. Shatinova N.I. *Family among the Altaians*. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai branch of the Altai book publishing house”. 1981:183.
12. Tadina N. . *Altai wedding rituals* (19th – 20th centuries). Gorno-Altai: Yuch-Sumer; 1995:207 (in Russian).
13. Dyakonova V.P. *Altai people (Materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)*. Gorno-Altai: Yuch-Sumer – Belukha; 2001:222 (in Russian).

14. Tyukhteneva S.P. Altai calendar. *Epshiler. Women's magazine*. 2008; (8):12–19 (in Russian).
15. *Transformations in society and values of traditional culture in the Altai Republic (late 20th – early 21st centuries)*. Issue 3. Cultural and religious space of Gorny Altai in the late 20th – early 21st centuries: transformations and innovations. Editorial board: N. V. Ekeyev (editor-in-chief), E. V. Enchinov, N. O. Tadysheva. Gorno-Altaysk: S. S. Surazakov Research Institute of Altaism. 2018; 288:175 (in Russian).
16. Tadina N.A. On the stages of human life in the context of the Altaian tradition of counting age. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2023; 3 41):154–164:154 (in Russian).
17. Bazin L. The concept of age among the ancient Turkic peoples. *Foreign Turkology*. Moscow; 1986;1:361–378:363 (in Russian).
18. Kydyeva E. Adazynin ardagy, enezin erkezi. *Balanin baiy*: collection of articles. Gorno-Altaysk: ed. Altaydin Cholmony newspapers. 2015;11–18:18 (in Russian).
19. Oinotkinova N.R. *Mythological dictionary of the Altaians*. Novosibirsk: IPC NSU. 2021:600:358 (in Russian).
20. *Traditions and customs: site Cultural heritage of Tuva*. Available at: “The Horse – a Wise Friend and Advisor” – Free Cultural Heritage of Tuva (accessed: 05 May 2025) (in Russian).
21. Zhelezova O.V. Age initiations in L. N. Tolstoy's story “Childhood”. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Philology. Theory of language. Language education*. 2019: 126–132 (in Russian).

Сведения об авторе

УЧАЙКИНА Айару Михайловна – к. истор. н., старший научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», Горно-Алтайск, Российская Федерация, SPIN: 7868-0301

E-mail: aiapoposheva@mail.ru

Information about the author

UCHAYKINA Aiaru, Mikhailovna – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies, SPIN: 7868-0301

E-mail: aiapoposheva@mail.ru

Поступила в редакцию / Submitted 27.05.25

Принята к публикации / Accepted 23.06.25

УДК 378

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-44-54>

Оригинальная научная статья

Цифровые экосистемы проектной деятельности в вузе: модель формирования soft skills у студентов

Л. А. Яковлева

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова, г. Нерюнгри, Российская Федерация

✉ yakovlyubov@rambler.ru

Аннотация

Проблема недостаточной сформированности soft skills у выпускников вузов, особенно в условиях ускоряющейся цифровизации образования, является важной для обеспечения конкурентоспособности на современном рынке труда. Настоящее исследование посвящено решению вопроса повышения эффективности формирования у студентов таких ключевых неспециализированных навыков, как коммуникация, критическое мышление, креативность и командная работа, востребованных современными работодателями. Цель исследования – разработка и эмпирическая апробация модели цифровой экосистемы проектной деятельности (далее – ЦЭПД), ориентированной на целенаправленное формирование указанных soft skills. В качестве материалов исследования использовались данные, полученные в результате анализа научно-методической литературы, экспертной оценки разработанной модели ЦЭПД, а также результаты педагогического эксперимента. Применялись методы педагогического моделирования, статистического анализа данных для оценки эффективности внедрения ЦЭПД. Предлагаемая модель ЦЭПД представляет собой интегрированную цифровую среду, объединяющую образовательные платформы, инструменты онлайн-коммуникации и облачные сервисы, обеспечивающие возможность эффективной совместной работы над учебными проектами. Результаты экспериментального исследования продемонстрировали статистически значимое улучшение показателей развития soft skills (коммуникативных навыков, критического мышления, креативности и умения работать в команде) у студентов, вовлеченных в проектную деятельность в рамках разработанной ЦЭПД, по сравнению с контрольной группой. Сделан вывод о целесообразности и перспективности внедрения цифровых экосистем проектной деятельности в образовательный процесс вузов. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении модели ЦЭПД, которая может быть использована для повышения качества подготовки студентов и их адаптации к требованиям современного рынка труда, а также для дальнейшего развития цифровых инструментов поддержки проектной деятельности в высшем образовании.

Ключевые слова: цифровая экосистема, проектная деятельность, высшее образование, *soft skills*, формирование навыков, педагогический эксперимент, образовательная платформа, онлайн-коммуникация, модель, цифровизация образования.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Яковлева Л. А. Цифровые экосистемы проектной деятельности в вузе: модель формирования soft skills у студентов. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия»*. Pedagogics. Psychology. Philosophy». 2025, Т.38 (2): С. 44-54. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-44-54

Original article

Digital ecosystems of project activities in the university: a model for developing soft skills in students

Lyubov A. Yakovleva

Technical Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Neryungri, Russian Federation

✉ yakovlyubov@rambler.ru

Abstract

The problem of insufficiently developed soft skills among university graduates, particularly in the context of accelerating digitalization of education, is crucial for ensuring competitiveness in the modern labor market. This research addresses the issue of improving the effectiveness of developing in students such key non-specialized skills as communication, critical thinking, creativity, and teamwork, which are in demand by contemporary employers. The aim of the study is to develop and empirically test a model of a digital project activity ecosystem (hereinafter referred to as DPAE), focused on the targeted development of the aforementioned soft skills. The research materials included data obtained from an analysis of scientific and methodological literature, expert evaluation of the developed DPAE model, as well as the results of a pedagogical experiment. Methods of pedagogical modeling and statistical data analysis were applied to assess the effectiveness of the DPAE implementation. The proposed DPAE model is an integrated digital environment that combines educational platforms, online communication tools, and cloud services, providing opportunities for effective collaboration on educational projects. The results of the experimental study demonstrated a statistically significant improvement in soft skills development indicators (communication skills, critical thinking, creativity, and teamwork) among students involved in project activities within the developed DPAE, compared to the control group. The study concludes that the implementation of digital project activity ecosystems in the educational process of universities is appropriate and promising. The practical significance of the research lies in providing a DPAE model that can be used to improve the quality of student training and their adaptation to the requirements of the modern labor market, as well as for further development of digital tools to support project activities in higher education.

Keywords: digital ecosystem, project activities, higher education, soft skills, skills development, pedagogical experiment, educational platform, online communication, model, digitalization of education.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Yakovleva L.A. Digital ecosystems of project activities in the university: a model for developing soft skills in students. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2025, Vol. 38 (2). Pp. 44-54. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-44-54

Введение

В условиях цифровизации образования актуализируется проблема развития *soft skills* у студентов вузов. Однако традиционные методы обучения не всегда эффективно формируют необходимые компетенции [1]. Проектная деятельность, особенно в цифровой среде, может стать мощным инструментом для развития *soft skills* и предпринимательского мышления. Появление новых цифровых инструментов и платформ открывает возможности для создания цифровых экосистем, поддерживающих проектную деятельность на всех этапах: от генерации идей до презентации результатов [2]. Считаем, эта тема обладает высокой актуальностью и потенциалом для внесения значимого вклада в развитие цифровизации высшего образования и проектного обучения.

Несмотря на растущий интерес к проектной деятельности, в современной педагогике, на наш взгляд, недостаточно исследований, посвященных систематическому формированию и оценке влияния цифровых экосистем на развитие компетенций студентов [3].

Цифровая образовательная экосистема, по мнению М. С. Чвановой, представляет собой не только новый многообещающий инструмент педагогического взаимодействия, но

также обладает значительным потенциалом для активизации научно-исследовательской и инновационной деятельности студентов [4]. В работе определен компонентный состав цифровой образовательной экосистемы (в соответствии с компонентами цифровых экосистем в других отраслях), обоснованы системные свойства цифровой образовательной экосистемы.

Диссертация М. Mielikäinen сосредоточена на создании дизайн-фреймворка для цифровой учебной экосистемы и поддерживающих принципов проектирования, которые объединяют онлайн-обучение с инженерным образованием, при этом учитываются как перспективы образовательной политики, так и ожидания заинтересованных сторон сообщества [5]. В этом исследовании к заинтересованным сторонам относятся студенты, представители промышленности, преподаватели в области инженерного образования ИКТ и сотрудники, участвующие в проектах. Исследование проводится в контексте инженерного образования в области ИКТ в Лапландском университете прикладных наук. Цель этого исследования заключается в обеспечении создания цифровой учебной экосистемы, предоставляющей студентам возможность приобрести необходимые навыки и знания для решения реальных проблем и подготовки к цифровой индустрии.

В своей работе D. Stahl определяет участие внешних заинтересованных сторон как ключевой фактор, способствующий достижению положительных результатов в курсах по проектному программированию. Предлагается модель перекрывающихся циклов устойчивого положительного воздействия на группы участников. На основе интервью с заинтересованными сторонами и студентами установлено, что результаты обеих групп взаимосвязаны, положительные результаты для обеих групп необходимы на протяжении нескольких итераций [6].

В работе Н. В. Гольцовой и С. А. Сафроновой рассматриваются практико-ориентированные подходы к обучению в сфере книгоиздательского дела в контексте внедрения новых ФГОС. Авторы анализируют изменения в учебных планах, обусловленные новыми стандартами, и подчеркивают важность интеграции практической составляющей в образовательный процесс. Особое внимание уделяется организации научно-исследовательской работы студентов как эффективному инструменту формирования профессиональных компетенций. В работе также рассматриваются возможности применения интерактивных и информационно-коммуникативных образовательных технологий для повышения качества обучения. Приводятся примеры конкретных мероприятий, направленных на реализацию практико-ориентированного подхода в обучении книгоиздательскому делу. Таким образом, работа акцентирует внимание на необходимости адаптации образовательных программ к новым требованиям ФГОС и активном внедрении практических методов и современных технологий для подготовки компетентных специалистов в сфере книгоиздания [7].

В работе В. А. Стародубцева рассматриваются основы практико-центрированного обучения (PCL) в инженерном образовании. Автор акцентирует внимание на необходимости ориентации учебного процесса на требования работодателей и повышения практической подготовки выпускников. В качестве эффективных моделей PCL рассматриваются сэндвич-курсы (sandwich courses), предусматривающие чередование периодов обучения в университете и работы на предприятии, а также дуальное образование, предполагающее тесную интеграцию теоретической и практической подготовки. Подчеркивается важность эффективного взаимодействия между университетом и предприятием для обеспечения качественной практической составляющей обучения. Особое внимание уделяется проектно-организованному обучению (Project-based learning) как методу, позволяющему студентам применять полученные знания и навыки для решения реальных инженерных

задач [8]. Таким образом, работа направлена на обоснование необходимости внедрения PCL в инженерное образование и анализ различных моделей и методов, способствующих формированию практических компетенций у будущих инженеров.

Кроме того, в современном педагогическом пространстве описан веб-сервис, представляющий программную платформу сопровождения проектной деятельности [9], выявлены интернет-технологии, используемые при подготовке студенческих проектов [10], разработан стартап-проект «VR в библиотерапии» [11], интегрированы методологии Agile и Lean Startup в образовательный процесс [12], сделаны выводы о расширении возможностей цифровых технологий в проектной деятельности [13].

Цель исследования: разработать модель формирования цифровой экосистемы проектной деятельности в вузе и оценить ее эффективность в развитии soft skills студентов.

Общей (основной) гипотезой является следующее: использование цифровых экосистем проектной деятельности (ЦЭПД) в вузе способствует формированию и развитию soft skills у студентов, при этом эффективность формирования soft skills зависит от структуры ЦЭПД, способов её интеграции в учебный процесс и характеристик самих студентов.

Дополнительной (не менее важной) является гипотеза о структуре ЦЭПД: наличие в ЦЭПД компонентов, поддерживающих коммуникацию, совместную работу, обратную связь и визуализацию данных положительно коррелирует с уровнем развития коммуникативных soft skills у студентов.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутых гипотез использовались методы, обеспечивающие всестороннее изучение проблемы формирования soft skills у студентов вузов в условиях цифровизации образования. С целью эмпирической проверки эффективности разработанной модели цифровой экосистемы проектной деятельности (ЦЭПД) был организован формирующий педагогический эксперимент. Для обработки и анализа полученных данных использовались методы математической статистики. С помощью U-критерия Манна-Уитни проводилось сравнение средних значений показателей, характеризующих soft skills, в экспериментальной и контрольной группах до и после эксперимента. Оценка статистической значимости различий проводилась на уровне значимости $p < 0.05$.

Результаты и обсуждения

Цифровая экосистема проектной деятельности в вузе – это взаимосвязанная и интегрированная совокупность цифровых инструментов, платформ, ресурсов, методик и процессов, направленная на поддержку всех этапов проектной деятельности студентов, начиная с генерации идей до представления результатов, и способствующая развитию их профессиональных навыков [14]. Это не просто набор разрозненных инструментов, а целостная среда, обеспечивающая бесшовный переход между этапами проекта и эффективное взаимодействие между всеми участниками.

Ключевыми компонентами цифровой экосистемы являются:

1. Платформа управления проектами (Project Management Platform), являющаяся централизованным местом для создания, планирования, организации, отслеживания прогресса и управления проектами. В нашем случае была использована специализированная LMS с функционалом управления проектами (Moodle). Платформа обеспечивает прозрачность выполняемых работ, улучшает коммуникацию в команде, помогает соблюдать сроки и управлять ресурсами.

2. Инструменты для совместной работы и коммуникации с целью обмена сообщениями, организации видеоконференций, совместного редактирования документов, создания и обмена контентом (VK teams, Яндекс Телемост, Compass, TrueConf и др.). Указанные ин-

струменты упрощают взаимодействие между членами команды, обеспечивая оперативный обмен информацией, поддерживая удаленную работу [15].

3. Ресурсы для обучения и развития обеспечивают доступ к учебным материалам, онлайн-курсам, библиотекам, базам данных, экспертным знаниям. К ним относятся электронные библиотечные системы (ЭБС «ЛАНЬ», ЭБС Юрайт, ЭБС «Университетская библиотека online» и т.д.), платформы онлайн-обучения ([iSpring Learn](#), Moodle), специализированные образовательные ресурсы (справочно-информационный портал Грамота.ру), научные электронные библиотеки (eLIBRARY.RU, КиберЛенинка). Они обеспечивают доступ к необходимой информации и знаниям для выполнения проектов, способствуют непрерывному обучению.

4. Инструменты для визуализации и представления данных для создания диаграмм, графиков, презентаций, инфографики, прототипов (Tableau, Canva, Figma, Miro, Prezi), которые помогают визуализировать результаты исследования, создавать презентации, представлять данные в наглядном формате.

5. Система оценки и обратной связи для оценки проектов, предоставления обратной связи от преподавателей, экспертов и других студентов, мониторинга прогресса. К ним относятся интегрированные системы оценки в LMS, системы онлайн-опросов и анкетирования (Анкетолог, SurveyMonkey), платформы для взаимной оценки (Peergrade). Они помогают оценить качество проектов, выявить сильные и слабые стороны, получить обратную связь.

Представленная модель, в первую очередь, ориентирована на студентов-филологов. В отличие от моделей, фокусирующихся исключительно на технических аспектах, данная модель разработана с учетом потребностей филологического анализа. Она представляет детализированную разбивку каждого компонента на подкомпоненты (табл. 1), что позволяет исследовать лингвистические особенности на микроуровне. Это особенно важно, например, для анализа терминологии, стиля коммуникации.

Таблица 1

Структурная модель ЦЭПД

Table 1

Structural model of the CEPD

№	Компонент ЦЭПД	Подкомпоненты	Действия
1	Платформа управления проектами	Планирование	Создание задач, распределение, отслеживание прогресса
		Контроль	Мониторинг выполнения, управление изменениями
		Отчетность	Формирование отчетов, анализ данных, экспорт данных
2	Инструменты для совместной работы и коммуникации	Обмен сообщениями	Текстовый чат, уведомления, интеграция с e-mail
		Видеоконференции	Онлайн-встречи, совместный просмотр экрана, запись
		Совместное редактирование	Работа над документами, отслеживание изменений, комментирование
		Создание и обмен контентом	Загрузка файлов, общий доступ, публикация контента
3	Ресурсы для обучения и развития	Учебные материалы	Курс в системе moodle, онлайн-курсы, внешние ресурсы
		Экспертные знания	Форум, консультации

4	Инструменты для визуализации и представления данных	Диаграммы и графики	Типы диаграмм, импорт данных
		Презентации	Текст/изображения/видео
		Инфографика	Компоновка, экспорт
5	Система оценки и обратной связи	Оценка проектов	Критерии, шкалы
		Обратная связь	Текстовые комментарии, аудио/видео, оценка по шкале
		Мониторинг прогресса	Отслеживание результатов, визуализация, персональные отчеты

Кроме того, в модели сделан акцент на коммуникационных и кооперационных аспектах: модель выделяет модуль «Инструменты для совместной работы и коммуникации» в качестве самостоятельного и значимого компонента, подчеркивая его роль как определяющего фактора успешной проектной деятельности (рис.).

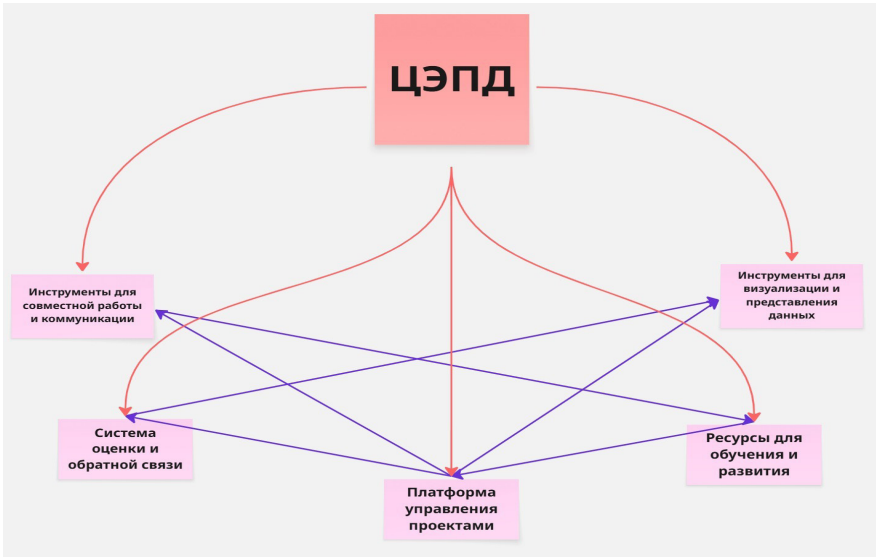

Рис. Взаимосвязи структуры ЦЭПД
 Figure. Interrelations of the CEPD structure

Принципами построения эффективной цифровой экосистемы в вузе являются интеграция (все компоненты должны быть интегрированы между собой и легко взаимодействовать), доступность (экосистема должна быть доступна для всех студентов и преподавателей в любое время и в любом месте), гибкость (экосистема должна адаптироваться к различным типам проектов и образовательным программам), персонализация (экосистема должна предоставлять возможности для персонализации обучения и адаптации к индивидуальным потребностям студентов), удобство использования (интерфейс должен быть интуитивно понятным и удобным для пользователей), безопасность (экосистема должна обеспечивать безопасность данных и защиту от несанкционированного доступа).

Пример сценария использования цифровой экосистемы:

1. Студент формирует команду для выполнения проекта на платформе управления проектами (например, в своей проектной деятельности мы использовали LMS Moodle).
2. Команда использует Яндекс Телемост для общения и обмена файлами.
3. Студенты ищут необходимую информацию в электронных библиотечных системах, научных электронных библиотеках и на других доступных платформах.

4. Для проведения онлайн-опросов используют Анкетолог.
5. Для визуализации данных используют Genially.
6. Для создания видеороликов используют Camcut.
7. Преподаватель предоставляет обратную связь через систему оценки в LMS.
8. Команда презентует результаты проекта, используя Prezi.

Цель пилотного эксперимента: эмпирическая проверка эффективности разработанной модели цифровой экосистемы проектной деятельности (ЦЭПД) в формировании *soft skills* у студентов вуза.

В ходе педагогического эксперимента была сформирована экспериментальная группа из 10 человек, которую представляли студенты гуманитарных направлений подготовки Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри, участвовавшие в проектной деятельности с использованием ЦЭПД. Небольшая численность участников педагогического эксперимента обусловлена особенностями набора на гуманитарные направления подготовки в условиях технического вуза. До 2024 года на направление подготовки «Филология» в нашем филиале ежегодно выделялось 10 мест на профиль «Зарубежная филология (Английский язык и литература)» и 8 мест бюджетных мест – на профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)».

В контрольную группу, сопоставимую с экспериментальной группой по уровню подготовки, учебным достижениям и другим релевантным характеристикам, **вошли 8 студентов,** которые участвовали в проектной деятельности с использованием традиционных методов (без использования ЦЭПД).

Критериями включения в группу являлись согласие на участие в исследовании, отсутствие опыта использования подобных цифровых экосистем.

Педагогический эксперимент длился в течение осеннего семестра 2024-2025 учебного года в рамках дисциплины «Основы проектной деятельности». Место проведения: учебные аудитории вуза, компьютерные классы, онлайн-платформы.

На подготовительном этапе были сформированы экспериментальная и контрольная группы, проведено входное тестирование для оценки исходного уровня *soft skills* у студентов обеих групп. Оценка коммуникативных навыков проводилась при помощи теста на вербальные способности, оценка уровня критического мышления – посредством теста Уотсона-Глейзера, оценка креативности – с помощью теста Торренса, оценка навыков работы в команде – социометрии.

Основной этап в экспериментальной группе представлял собой работу, в которой студенты выполняли учебный проект, используя ЦЭПД. Преподаватель в этом случае выполнял роли фасилитатора и консультанта, оказывая поддержку студентам в освоении цифровых инструментов и организации проектной деятельности.

В контрольной группе студенты выполняли аналогичный учебный проект с использованием традиционных методов (лекции, семинары, консультации). Преподаватель осуществлял стандартное руководство проектной деятельностью.

На завершающем этапе были подведены итоги выполнения проектов, а также проведено итоговое тестирование для оценки уровня *soft skills* у студентов обеих групп.

В результате анализа входного и итогового контроля оценки компетенций была сформирована аналитическая таблица (табл. 2):

Таблица 2

Результаты входного и итогового контроля

Table 2

Results of incoming and final inspection

Soft Skill	Группа	Входной уровень (среднее $\pm$ отклонение)	Итоговый уровень (среднее $\pm$ отклонение)	Изменение (Δ)
Коммуникативные компетенции	Экспериментальная	3.2 ± 0.5	4.1 ± 0.4	+0.9
	Контрольная	3.1 ± 0.6	3.4 ± 0.5	+0.3
Критическое мышление	Экспериментальная	2.8 ± 0.4	3.7 ± 0.3	+0.9
	Контрольная	2.7 ± 0.5	3.0 ± 0.4	+0.3
Креативность	Экспериментальная	3.5 ± 0.6	4.3 ± 0.5	+0.8
	Контрольная	3.4 ± 0.7	3.6 ± 0.6	+0.2
Работа в команде	Экспериментальная	4.0 ± 0.3	4.6 ± 0.2	+0.6
	Контрольная	3.9 ± 0.4	4.1 ± 0.3	+0.2

На основании представленных данных об изменении уровней soft skills в экспериментальной и контрольной группах, можно сделать следующие выводы. В **экспериментальной группе** по всем рассматриваемым soft skills (коммуникативные навыки, критическое мышление, креативность, работа в команде) наблюдается значительный рост показателей по сравнению с контрольной. Это подтверждается более высокими значениями Δ (изменение) для экспериментальной группы по каждому навыку. Наблюдаемые различия в изменении уровней soft skills позволяют предположить, что экспериментальное воздействие, примененное к экспериментальной группе, было эффективным в развитии этих навыков.

Наиболее высокие показатели демонстрирует как экспериментальная группа, так и контрольная ($\Delta +0,9/+0,3$ соответственно) по языковым компетенциям и критическому мышлению. К сожалению, по компетенции «Работа в команде» наблюдается незначительный рост. Вероятно, данная компетенция нуждается в более точном и целенаправленном формировании.

К положительным моментам эксперимента следует отнести повышение показателей уровней soft skills в контрольной группе, что, на наш взгляд, объясняется формированием навыков на других дисциплинах либо в ситуациях, не связанных с учебным процессом.

В целом следует отметить, что результаты педагогического эксперимента положительные: наблюдается планомерное развитие soft skills у участников экспериментальной группы. В контрольной группе также отмечается некоторое улучшение показателей по всем четырем группам, однако они не настолько высокие, как в экспериментальной группе. В качестве перспективы исследования следует отметить отдельное изучение факторов повышения работы в группе и более эффективные приемы и формы формирования указанной компетенции.

Заключение

Итак, проведенное исследование подтвердило гипотезу об эффективности внедрения цифровой экосистемы проектной деятельности в вузе. Наблюдаемые различия между группами убедительно демонстрируют эффективность примененных методов и подходов в формировании и совершенствовании этих важных компетенций. В то же время, относительно меньший прогресс в навыке работы в команде указывает на необходимость дальнейшего изучения и разработки специализированных программ, направленных на более эффективное развитие этой области.

Результаты данного исследования имеют практическую ценность для образовательных учреждений, организаций и специалистов, занимающихся развитием персонала. Предложенный подход может быть адаптирован и использован для повышения эффективности обучения и развития soft skills, что, в свою очередь, способствует повышению конкурентоспособности специалистов и организаций в целом.

Перспективы дальнейших исследований видятся в более детальном изучении факторов, способствующих развитию каждого конкретного навыка, в разработке индивидуализированных программ обучения, а также в оценке долгосрочного эффекта от применения предложенной методики. Кроме того, представляется интересным исследовать влияние социокультурных факторов и индивидуальных особенностей обучающихся на эффективность развития soft skills.

Л и т е р а т у р а

1. Румянцева О. В. Soft skills: смысловые поля в контексте высшего образования. *Ценности и смыслы*. 2023: 4 (86): 85-98. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2023-4-85-98>.
2. Тактарова А. В. Современные тенденции развития искусственного интеллекта в образовании и моделирующие его интеллектуальные системы. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2024: (6): 316-330. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11098.
3. Гунина Н. А. Формирование гибких навыков в процессе изучения элективной дисциплины «Английский язык в межкультурной коммуникации». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024: 29 (4): 927-938. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-927-938>.
4. Чванова М. С. Цифровая экосистема активизации исследовательской и инновационной деятельности магистрантов. *Перспективы науки и образования*. 2024: 1 (67): 659-676. DOI: 10.32744/pse.2024.1.37
5. MAISA MIELIKÄINEN. *Towards a Digital Learning Ecosystem within a Community of Inquiry – Design-based Research in ICT Engineering Education*. Rovaniemi. 2024: 177.
6. Stahl D., Sandahl K., Buffoni L. An Eco-System Approach to Project-Based Learning in Software Engineering Education. *IEEE Transactions on Education*. 2022; 65 (4): 514-523. DOI: 10.1109/te.2021.3137344.
7. Гольцова Н. В., Сафронова С. А. Формирование издательских проектов как практико-ориентированный подход к подготовке бакалавров издательского дела. *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2021; (27): 155-163. DOI: 10.17223/23062061/27/9.
8. Стародубцев В. А. Практико-центрированное обучение в высшей школе. *Высшее образование в России*. 2021: 30 (5): 75-87. DOI: 10.31992/0869-36172021-30-5-75-87.
9. Селяничев О. Л., Сальникова О. С. Сопровождение проектной деятельности в вузе с использованием веб-сервиса. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. 2024: 3: 109-119. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-10.
10. Плотникова В. С., Глушанок Т. М. Роль проектной деятельности в формировании цифровых компетенций студентов туристского вуза. *Непрерывное образование: XXI век*. 2023: 1 (41). DOI: 10.15393/j5.art. 2023.8250.
11. Павлинов А. В. Организация проектной деятельности студентов вуза в рамках разработки стартапов по цифровой арт-терапии. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2023: (1): 88-93.
12. Чибикина Т. В., Болдовская Т. В., Савченко Е. В. Внедрение методик Agile и Lean Startup в преподавание проектной деятельности в вузах. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2024: 13 (4): 79-84. DOI: 10.24412/2225-82642024-4-854.
13. Прохорова М. П., Винникова И. С., Кузнецова Е. А. Цифровые инструменты проектной деятельности студентов вуза. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023: 79 (4): 154-159.
14. Хаперская А. В., Минин М. Г. Электронная обучающая платформа и педагогический мониторинг в условиях цифровой трансформации. *Высшее образование в России*. 2021: 30 (4): 131-138. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-4-131-138.

15. Сысоев П. В., Ключихин В. В. Формирование коллокационной компетенции студентов на основе корпусных технологий. *Перспективы науки и образования*. 2022; 4 (58): 320-335. DOI: 10.32744/2022.4.19.

References

1. Rumyantseva O. V. Soft skills: semantic fields in the context of higher education. *Values and meanings*. 2023; 4(86):85–98 DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2023-4-85-98> (in Russian).
2. Taktarova A. V. Modern trends in the development of artificial intelligence in education and intelligent systems modeling it. *Concept*. 2024; (6):316–330 DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11098 (in Russian).
3. Gunina N.A. Formation of flexible skills in the process of studying the elective discipline “English Language in Intercultural Communication”. *Bulletin of Tambov University. Humanities*. 2024; 29(4):927–938 DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-927-938> (in Russian).
4. Chvanova M. S. Digital ecosystem for activating research and innovation activities of master’s student. *Prospects of Science and Education*. 2024; 1(67):659–676 DOI: 10.32744/pse.2024.1.37 (in Russian).
5. MAISA MIELIKÄINEN. Towards a Digital Learning Ecosystem within a Community of Inquiry – Design-based Research in ICT Engineering Education. *Rovaniemi*. 2024:177.
6. Stahl D., Sandahl K., Buffoni L. An Eco-System Approach to Project-Based Learning in Software Engineering Education. *IEEE Transactions on Education*. 2022; 65(4):514–523. DOI: 10.1109/te.2021.3137344.
7. Goltsova N.V., Safronova S.A. Formation of publishing projects as a practice-oriented approach to training bachelors in publishing. *Text. Book. Book publishing*. 2021;(27):155–163 DOI: 10.17223/23062061/27/9 (in Russian).
8. Starodubtsev V.A. Practice-centered learning in higher education. *Higher education in Russia*. 2021; 30(5):75–87 DOI: 10.31992/0869-36172021-30-5-75-87 (in Russian).
9. Selyanichev O.L., Salnikova O.S. Support of project activities in a university using a web service. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Philology, pedagogy, psychology*. 2024;3:109–119 DOI: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-10 (in Russian).
10. Plotnikova V.S., Glushanok T.M. The role of project activities in the formation of digital competencies of students of a tourism university. *Continuous education: 21 century*. 2023; 1(41) DOI: 10.15393/j5.art.2023.8250 (in Russian).
11. Pavlinov A.V. Organization of project activities of university students within the framework of the development of startups in digital art therapy. *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*. 2023;1:88–93 (in Russian).
12. Chibikova T.V., Boldovskaya T.V., Savchenko E.V. Implementation of Agile and Lean Startup Methodologies in Teaching Project Activities in Universities. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology*. 2024;13(4):79–84 DOI: 10.24412/2225-82642024-4-854 (in Russian).
13. Prokhorova M.P., Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A. Digital tools for project activities of university students. *Problems of modern pedagogical education*. 2023;79(4):154–159 (in Russian).
14. Khaperskaya A.V., Minin M.G. Electronic learning platform and pedagogical monitoring in the context of digital transformation. *Higher education in Russia*. 2021;30(4):131–138 DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-4-131-138 (in Russian).
15. Sysoev P.V., Klochikhin V.V. Formation of students’ collocation competence based on corpus technologies. *Prospects of science and education*. 2022;4(58):320–335 DOI: 10.32744/2022.4.19 (in Russian).

Информация об авторе

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – к. филол. н., доцент Технического института (филиала), ФГА-ОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Нерюнгри, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5526-9611, SPIN: 2477-0405

E-mail: yakovlyubov@rambler.ru

Information about the author

YAKOVLEVA Lyubov Anatolyevna – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Technical Institute (branch) of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Neryungri, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5526-9611, SPIN: 2477-0405

E-mail: yakovlyubov@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 22.05.25

Принята к публикации / Accepted 23.06.25

– ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ –

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-55-64>*Оригинальная научная статья*

Специфика карьерных ориентаций профессионалов с горизонтальным типом карьеры (на примере среднего медицинского персонала)

Е. В. Чарина

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Российская Федерация

✉ charlen@mail.ru**Аннотация**

В статье представлены результаты исследования карьерных ориентаций профессионалов с горизонтальным типом карьеры. Горизонтальная карьера предполагает постепенное повышение уровня профессионализма, опыта и компетенций специалиста без существенного изменения должностного статуса. Вертикальная карьера как продвижение от низшей должности к высшей не является возможной для всех категорий профессионалов, хотя именно она оценивается как социально успешная. В качестве испытуемых выступили медицинские сестры, как пример профессиональной группы с типичной горизонтальной карьерой, в которой сотрудники остаются на одной и той же должности в течение длительного периода времени. Кроме того, данные профессионалы представляют социально-значимый тип профессии, в котором горизонтальная карьера является основной. Анализ психологического аспекта карьеры, понимание карьерных ориентаций как отражение ведущих ценностей и представлений работников о своем профессиональном пути позволяет лучше понять мотивы работников, осуществляющих профессиональную деятельность в рамках горизонтальной карьеры и направлении, и уточнить системы мотивации и стимулирования сотрудников в условиях невозможности повышения по службе. Результаты исследования показали, что наиболее важными карьерными ориентациями среди обследованных оказались «стабильность рабочего места», «служение обществу» и «интеграция различных сфер жизни», что отражает специфику профессии, горизонтального типа карьеры и особенности данной профессиональной группы. Анализ данных показал различия в карьерных ориентациях и подтвердил предположение о смене иерархии ценностей на разных этапах горизонтальной карьеры. Высказано предположение о возможности использовать анализ характера карьерных ориентаций для диагностики личностной зрелости, профессиональных кризисов специалистов.

Ключевые слова: горизонтальная карьера, вертикальная карьера, карьерные ориентации, объективная сторона карьеры, субъективная сторона карьеры, этапы карьеры, цели карьеры, удовлетворенность профессией, профессиональный кризис, социально-значимые профессии.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Charina E.V. Specificity of career orientations among professionals with horizontal career (using the example of nursing profession). . *Вестник СВФУ. Серия: Педагогика. Психология. Философия*. 2025, Т.38, No 2. С. 55-64. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-55-64

Specificity of career orientations among professionals with horizontal career: the case of nursing profession

Elena. V. Charina

North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation

✉ charlen@mail.ru

Abstract. The article presents research findings on career orientations of professionals with a horizontal career type. A horizontal career involves a gradual increase in the level of professionalism, experience and competence of a specialist without a significant change in job status. A vertical career as advancement from a lower position to a higher one is not possible for all categories of professionals, although it is precisely this that is assessed as socially successful. The subjects were nurses, as an example of a professional group with a typical horizontal career, in which employees remain in the same position for a long period of time. In addition, these professionals represent a socially important type of profession in which a horizontal career is the main one. An analysis of the psychological aspect of a career, an understanding of career orientations as a reflection of the leading values and ideas of employees about their professional path allows us to better understand the motives of employees carrying out professional activities within the framework of a horizontal career and direction, and to clarify the systems of motivation and incentives for employees in conditions of the impossibility of promotion. The results of the study showed that the most important career orientations among those surveyed were “job stability”, “service to society” and “integration of different spheres of life”, which reflects the specifics of the profession, horizontal type of career and the characteristics of this professional group. The analysis of the data showed differences in career orientations and confirmed the assumption about the change in the hierarchy of values at different stages of the horizontal career. It was suggested that it is possible to use the analysis of the nature of career orientations to diagnose personal maturity and professional crises of specialists.

Keywords: horizontal career, vertical career, career orientations, objective side of career, subjective side of career, career stages, career goals, satisfaction with profession, professional crisis, socially important professions.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Charina E.V. Specificity of career orientations among professionals with horizontal career (using the example of nursing profession). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2025, Vol. 38 (2). Pp. 55-64. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-55-64

Введение

Динамичная ситуация на рынке профессий, социально-экономические изменения, ставшие нормой современной жизни, требуют мониторинга состояния профессионалов, постоянной актуализации средств воздействия и взаимодействия с персоналом. Выявление регуляторов профессиональной деятельности, одним из которых является понимание специфики, построение и планирование специалистом собственной карьеры, может выступать одним из таких средств. Благополучная карьера профессионала является средством сохранения социального капитала организации [1].

Карьера представляет собой осознанную траекторию движения по профессиональному пути с акцентом на социальной успешности [2,3]. Субъективная сторона карьеры – это восприятие собственного профессионального пути и своей роли в движении по нему (в случае успеха – удовлетворенность ими), объективная сторона карьеры – последовательность занимаемых человеком профессиональных позиций (при благополучной траектории – социальный успех) [2, 4]. Карьера сотрудника в организации – это двусторонний процесс, факторами протекания которого являются желания самого сотрудника реализовать собственный профессиональный потенциал, с одной стороны, и объективные возможности и заинтересованность организации в продвижении именно этого сотрудника, с другой.

При поступлении на работу человек ставит перед собой цели, но и организация, принимая сотрудника на работу, также имеет определённый запрос к специалисту. [5]

При верном планировании карьеры профессионал должен уметь соотнести свои деловые качества с теми требованиями, которые ставит перед ним организация, с объективными возможностями не только конкретной организации, но и сферы занятости профессионала в целом, с особенностями рынка труда.

Психологической целью карьеры не является область деятельности, определенная работа, должность, место на служебной лестнице. Психологический аспект карьеры проявляются в причине, по которой человек хотел бы иметь эту конкретную работу, занимать определенную ступеньку на иерархической лестнице должностей. Цели карьеры меняются с возрастом, с ростом квалификации и в целом с личностными изменениями. То есть формирование целей карьеры – это процесс постоянный.

Таким образом, карьера является многомерным социально-психологическим феноменом. Психологическим наполнением карьеры является переживание ощущения успешной профессиональной самореализации, которое распространяется и за пределы профессиональной деятельности [6, 7].

Согласно концепции Э. Г. Шейна определяющим компонентом карьеры являются карьерные ориентации личности (или «якоря карьеры»), которые связаны с представлением человека о себе и содержат представления о своих способностях, потребностях, отношениях и ценностях. Эти «якоря» «прикрепляют» профессионала к определённому, выбранному им карьерному пути, позволяя реализовывать собственные ценности [6, 8, 9, 10].

Э. Г. Шейн выделил 8 карьерных ориентаций: 1) автономия: стремление к свободе, самостоятельности и независимости; 2) стабильность: ориентация, обусловленная потребностью в предсказуемости жизненных событий; 3) предпринимательство: стремление идти на риск, работать на себя, а не на других, справляться с препятствиями; 4) вызов: ориентация на конкуренцию, решение трудных задач, преодоление препятствий; 5) профессиональная компетентность: готовность добиться высокой квалификации, совершенствовать свое мастерство; 6) менеджмент: ориентация на управленческую активность (рост в рамках вертикальной карьеры); 7) служение: готовность служить человечеству, работать с людьми; 8) интеграция стилей жизни: стремление к тому, чтобы все сферы жизни человека (работа, семья и саморазвитие) находились в определенном балансе между собой [5, 7].

Несмотря на то, что карьерные ориентации проявляются в начале карьеры и являются устойчивыми во времени, их иерархия может корректироваться под влиянием жизненных обстоятельств в рамках изменений иерархии ценностей личности [2].

Особенностью «горизонтальной» карьеры, подразумевающей движение и рост профессионализма (опыта, мастерства) – специализации или ротации – является отсутствие повышений в должности, смены постов. По объективным показателям (высшая точка карьеры, длина карьеры, показатель уровня позиции, показатель потенциальной мобильности) горизонтальная карьера является в каком-то смысле тупиковой [3]. Поэтому при традиционном рассмотрении карьеры совместно с успешностью, чаще с признаками успешности связывают вертикальную карьеру [11].

Карьерный рост и вертикальная карьера в норме характерны для небольшого количества профессионалов, так как в целом более высоких постов статистически меньше, чем рядовых должностей. Но традиционное понимание карьеры связано именно с ее вертикальным вариантом. А в рамках горизонтальной карьеры вступают в противоречие субъективная и объективная стороны традиционного понимания карьеры: собственное восприятие движения по профессиональному пути и смена должностных позиций. В большинстве

социально значимых видов труда (медицина, образование) такой смены может не происходить в течение всей профессиональной деятельности.

При горизонтальном типе карьеры профессиональное развитие сотрудника во многом определяется организацией, которая создает условия, в которых развивается потенциал сотрудника (усложнение задач, расширение их спектра и т.п.). Эта же организация проводит оценку результатов профессионального развития через внутреннюю систему поощрений. При большей социальной заметности и более позитивной социальной оценке вертикальной карьеры, горизонтальная карьера имеет ряд положительных характеристик. В рамках горизонтальной карьеры профессионал может выстраивать траектории, согласуя продвижение со своими ценностями и целями, задавать ориентиры профессионального роста, достижений, дохода и т.п. Отсутствие жесткого формального закрепления продвижения по ступеням организационной структуры позволяет также индивидуализировать весь спектр средств поощрения и подкрепления сотрудников, использовать их в разном темпе и разных сочетаниях.

Критерии успешности для горизонтальной карьеры не всегда очевидны и могут присутствовать лишь в отдельном профессиональном сообществе или не совпадать в разных социальных группах, в том числе референтных для профессионала, движущегося по горизонтальному карьерному пути. Понимание специфических для профессиональной группы карьерных ориентаций, фиксирующих ведущие ценности, понимание субъективных параметров оценки горизонтальной карьеры позволит оценить пригодность человека к данному типу карьеры, выявить оптимальное сочетание материальных и моральных средств мотивирования сотрудников, способствовать сохранению социального капитала организации, что делает исследование особенностей профессионалов с горизонтальным типом карьеры актуальным [12].

Исследование карьерных ориентаций в группе профессионалов с горизонтальным типом карьеры (на примере среднего медицинского персонала).

Для исследования, проведенного с целью выявления карьерных ориентаций при горизонтальном типе карьеры, была выбрана профессиональная группа медицинских сестер, то есть горизонтальный тип карьеры рассматривался в социально-значимой профессии.

В выборку вошли женщины-медсестры в возрасте от 23 до 66 лет со стажем работы от 4 до 42 лет (32 человека). Для анализа карьерных ориентаций применялась методика «Якоря карьеры» Э. Шейна (адаптация В. А. Чикер), дополнительно для выявления субъективной оценки удовлетворенности – неудовлетворенности профессией применено анкетирование.

Наиболее значимыми карьерными ориентациями в группе испытуемых являются: «стабильность места работы» (9,3), «служение» (8,8) и «интеграция стилей жизни» (8,1). Появление данных карьерных ориентаций вполне логично и ожидаемо в данной выборке. Стабильность места работы и интеграция стилей жизни предполагают стабильное развитие работника как профессионала в своей определенной сфере, не меняя рабочих постов. Карьерная ориентация «интеграция стилей жизни» типична для горизонтального типа карьеры, потому что обеспечивает профессионалу сбалансированность профессиональной деятельности, семейной жизни и саморазвития. Организация предоставляет социальные гарантии и стабильность, ответственность за изменения в деятельности лежит на работодателе, график работы позволяет сочетать дом и работу, что важно для работающих женщин. Карьерная ориентация «служение» подразумевает работу с людьми, помощь людям, что является основным содержанием деятельности данной профессиональной группы. Указанные карьерные ориентации согласовываются друг с другом и соотносятся с принципами горизонтального вида карьерного роста.

Таблица

Оценки карьерных ориентаций в группе и подгруппах испытуемых

Table

Assessments of career orientations in the group and subgroups of subjects

Параметры выборки	Карьерные ориентации								
	Проф. компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность места работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
В целом по выборке	6,1 ¹	3,9	6,7	9,3	5,7	8,8	4,9	8,1	3,5
Стаж / этап карьеры									
До 10 лет/ Становление и продвижение (7 чел.)	5,0	6	6,0	8,3	3,3	9,2	6,1	8,2	7, 6
10-35 лет / Сохранение. (19 чел.)	6,6	3,6	6,7	9, 8	6,2	8,6	4,9	8,4	3,0
Свыше 35 лет/ Завершение (6 чел.)	6,3	1,8	7,6	9,4	7,1	10	3,6	8,7	1,5
Удовлетворённость профессией									
да (7 чел)	6,7	3,2	6,6	9,4	6,0	9,2	4,8	8,4	3,2
нет (25 чел)	4,0	7,0	7,1	9,2	4,1	8,3	5,7	8,0	6,8

¹ Средняя оценка по группе по 10-балльной шкале, где 10 баллов – максимальная значимость

Группа испытуемых не была однородной по одному из существенных для понимания развития горизонтальной карьеры показателю – стажу работы. Было проведено сравнение карьерных ориентаций по подгруппам испытуемых с разным стажем и, как следствие, разными этапами карьеры. Испытуемые были разделены на 3 группы по стажу работы и соответствующему этому стажу этапу карьеры. Так как область медицинской помощи достаточно специфична, то все испытуемые имели соответствующее образование (среднее профессиональное), позволяющее занимать очень ограниченный круг должностей. То есть стаж в данном случае должен отражать движение в горизонтальной плоскости карьеры.

Проведенные статистические сравнения между всеми тремя выборками (по критерию Крускалла-Уоллиса) и попарные сравнения между выборками (по критерию Манна-Уитни) не показали значимых различий. Поэтому мы можем говорить о качественных различиях и тенденциях. Возможно, увеличение выборки может уточнить выделенные тенденции.

На карьерном этапе становления и продвижения происходит процесс самоутверждения человека, утверждение и повышение своего социального статуса как самостоятельного профессионала, достижение значимости в профессии. Этим объясняется повышение оценок по таким карьерным ориентациям как «менеджмент», «предпринимательство», «вызов» в подгруппе испытуемых со стажем работы до 10-ти лет по сравнению с другими двумя

подгруппами испытуемых, наряду с сохранением доминирующих во всей выборке высоких оценок по ориентациям «служение», «стабильность места работы» и «интеграция стилей жизни» (см. Таблицу 1). Ориентация на менеджмент связана с принятием ответственности и стремлением к согласованию различных функций организации, что соотносится со свойственным новичкам активным освоением новой профессиональной (организационной) среды. Ориентация «Вызов» стимулирует к конкурентным отношениям, решению трудных задач, что связано с самоутверждением молодых профессионалов. Аналогично ориентация «Предпринимательство» связана с новизной и персонификацией результата своей деятельности, преодолением препятствий, риском. Комплекс таких характеристик указывает на некоторую неудовлетворенность своим положением, свойственную новичкам, находящимся в поиске профессиональной ниши, удовлетворяющей их потребности и отвечающий его возможностям, в поиске своего индивидуального стиля деятельности. Аналогично в исследовании Е. М. Кот и др. [5] указывается на наличие высоких амбиций начинающих профессионалов, которые обусловлены отсутствием опыта, недостаточной осведомленностью о специфике деятельности. В исследовании Тужиковой Е. С. [13] показана тенденция связи карьерных ориентаций «вызов», «автономия» и «предпринимательство» с низким уровнем личностной зрелости, что тоже свойственно молодым специалистам.

На следующем этапе карьерного продвижения – на этапе сохранения – преобладают действия по закреплению достигнутых профессиональных результатов, обретение независимости и самовыражения. В данный этап вошла большая часть выборки испытуемых. Ведущими карьерными ориентациями на этом этапе являются три типичные для данной выборки: «служение», «стабильность места работы» и «интеграция стилей жизни» (см. таблицу). Специфических для подгруппы выраженных карьерных ориентаций не обнаружено. Стоит отметить по сравнению с двумя другими подгруппами максимальную оценку по ориентации «стабильность места работы» и минимальную (но высокозначимую) оценку по ориентации «служение». Эти факты могут свидетельствовать либо о некоторой разнородности выборки, либо об общем влиянии других сторон жизни работающих женщин на оценки карьерных ориентаций. Рождение детей и забота о них, стремление к материальной стабильности и благополучию и т. п. могут приводить к некоторому изменению иерархии ценностей профессионала, формированию оценки значимости места работы как источника мер социальной поддержки, утилитаризации отношения к профессиональной деятельности (временному – как реакции на приоритет иных задач, или постоянному – как складывающейся деформации).

На этапе завершения карьеры работник подготавливается к выходу на пенсию. Наряду с традиционными для подгруппы карьерными ориентациями, возрастают (по отношению к другим подгруппам) оценки по ориентациям «автономия» и «стабильность места жительства» (см. таблицу). Автономия как тенденция некоторым образом снижать значимость организационных правил, стремление самому решать, когда, над чем и сколько работать, связана с обретением достаточного опыта, сформированностью индивидуального стиля деятельности. Стабильность места жительства указывает на связь с местом проживания, стремлением обустроить свой дом, а имея ввиду возрастную специфику подгруппы, скорее, обеспечить удобство, комфорт дальнейшей жизни после прекращения профессиональной деятельности. Нужно отметить, что в данной подгруппе самые высокие абсолютные и относительные показатели по ориентации «служение», что может быть связано не только с полным осмыслением сути профессии медицинской сестры как помогающей, но и организационной задачей поиска и обучения кандидата для замены на свою должность, то есть «служение» понимается, в том числе, как обеспечение непрерывности реализации социально значимой профессиональной деятельности.

Далее проводился анализ ведущих карьерных ориентаций по подгруппам с разной удовлетворенностью профессией. По ответам на вопросы анкеты испытуемые были разделены на 2 подгруппы: удовлетворённые и неудовлетворённые профессией (см. таблицу)

В группе профессионалов, неудовлетворенных своей профессией, перечень ведущих карьерных ориентаций соотносим с профилем специалистов, группы этапа становления карьеры. В этой группе действительно половина испытуемых имеет стаж до 10-ти лет (средний стаж работы по подгруппе – 12 лет), однако есть ряд дисбалансных признаков. При высокой выраженности карьерной ориентации «стабильность места работы», подразумевающей поиск стабильной, надёжной без риска увольнения работы, организации с социальными гарантиями, также превышают возможные средние значения оценки по ориентациям «автономия», «менеджмент» и «предпринимательство», которые подразумевают стремление к власти, принятие ответственности, индивидуализацию, пренебрежение к правилам. Данное сочетание может быть индикатором одного из нормативных профессиональных кризисов: смены профессиональной детерминации или кризиса профессиональной стагнации, совпадающими с кризисом трудового пути в 30 лет (средний возраст по подгруппе – 35,5 лет), для которых характерны пересмотр системы профессиональной деятельности и снижение удовлетворенности профессиональной деятельностью, межличностным общением с руководством и коллегами, возможностями собственного профессионального развития, негативная оценка организации и условий труда [14]. Либо данная ситуация является персональной для каждого из испытуемых, которые не могут сменить неудовлетворяющее их место работы, разочарованы мерами социальной поддержки организации и т.п.

Для профессионалов, удовлетворенных своей профессией, помимо трех традиционных для исследуемой группы карьерных ориентаций, существенными являются также ориентация «профессиональная компетентность» (продуктивная ориентация, при которой человек стремится к мастерству, развитию способностей и успеху в профессиональной сфере) и «автономия» (стремление делать по-своему и готовность отказаться от продвижения по службе или от других возможностей ради сохранения своей независимости). В данном контексте автономия может свидетельствовать о самостоятельности профессионального развития, высокой степени саморегуляции, приобретённом опыте. Учитывая специфику работы медсестры, частую абсолютную самостоятельность в выполнении своих функций в рамках правил и назначений врача, необходимость быть связующим звеном между пациентом и врачом, принятие решений о необходимости корректировки состояния пациента и обращении к врачу, эта ориентация, скорее, говорит о состоятельности, чем об игнорировании правил организации. В целом данное сочетание карьерных ориентаций достаточно продуктивно именно для развития профессионала в рамках карьеры горизонтального типа.

Заключение

Для медицинских сестер как представителей горизонтального типа карьеры с социально-значимой профессией характерны ведущие карьерные ориентации как «служение», «стабильность места работы», «интеграция стилей жизни», которые адекватно отражают ценности профессионалов в данной специфической профессиональной выборке. Доминирование ориентации «служение» связано с осознанием испытуемыми помогающей сути и социальной значимости профессии медицинской сестры. Ориентация «стабильность места работы» соотносится с горизонтальностью карьеры. Существенная для профессионала позитивная оценка профессионализма при невозможности достижения формальных показателей движения по ступеням карьеры (как это происходит при вертикальном типе), эффективнее достигается в рамках одной организации, где опыт и мастерство проявляются

в ежедневном профессиональном взаимодействии. Ориентация «интеграция стилей жизни», на наш взгляд, является отражением полового состава выборки, задана жизненной ситуацией необходимости сочетания нескольких социальных ролей жизни работающей женщины для внешней оценки ее успешности, (в том числе при невозможности построения вертикальной карьеры, чаще оцениваемой как успешная).

Данное сочетание карьерных ориентаций горизонтальном течении карьеры в выборке женщин – медицинских сестер подтверждает, что в карьерных ориентациях проявляются ценности, связанные содержанием представлений о себе, своих способностях, специфике профессии и своего личного профессионального пути в ней.

Стаж и этап карьеры фиксируют динамику ценностей в процессе развития личности профессионала, при том, что существенные для содержания профессии и специфики горизонтальной карьеры параметры сохраняются неизменными. Рост оценок по карьерным ориентациям «интеграция стилей жизни» и «автономия» при возрастном и карьерном продвижении показывает, что опыт и мастерство позволяют сформировать профессионалу (при сохранении тех же формальных должностных ролей) более автономную, самостоятельную позицию и ориентироваться на возможность совмещения профессиональной деятельности с успешностью в других социально-значимых для женщины областях: семья, материнство, хобби и т.п.

Диагностика карьерных ориентаций может служить косвенным индикатором кризисов профессионального пути. При наличии противоречивых тенденций, при несогласованности ориентаций и типа карьеры, можно прогнозировать неудовлетворённость профессионала деятельностью, связанной либо с неверной оценкой области профессиональной деятельности и ее несоответствия личностным особенностям, либо с недовольством конкретным трудовым постом в организации или организацией в целом. Кроме этого рост оценок по карьерной ориентации «служение», идущий по мере карьерного продвижения, может указывать на возникающие проявления выгорания [15].

Данное исследование можно расценивать как пилотажное. Выявленные особенности карьерных ориентаций необходимо проверить на более объемной выборке. Необходимо оценить соотношение динамики оценок по ориентации «служение» с параметрами профессионального выгорания у данной специфической профессиональной группы. Установление возможности использования таких характеристик карьерных ориентаций как гармоничность или разбалансированность для диагностики профессиональных кризисов и удовлетворенности профессией, требует дополнительного изучения ряда параметров. Необходимо расширить круг данных об особенностях работы профессионалов в организации, провести оценку личностных качеств профессионалов, чтобы дифференцировать ситуации разбалансировки и их причины.

Л и т е р а т у р а

1. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивно-го социального капитала организации: факторы формирования и объективация. *Организационная психология*, 2018: (3). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psiologicheskaya-model-kognitivnogo-sotsialnogo-kapitala-organizatsii-factory-formirovaniya-i-obektivatsiya> (дата обращения: 18.06.2025).
2. Чикер В. А. *Психологическая диагностика организации и персонала*. Санкт-Петербург: Речь; 2003: 176.
3. Базаров Т. Ю. *Управление персоналом*. Москва: ЮНИТИ; 2012: 554.
4. Дидковская Я. В. Успешность профессиональной карьеры молодежи в трансформирующемся обществе. *Дискуссия*, 2015: 9 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspeshnost-professionalnoy-kariery-molodezhi-v-transformiruyuschemsya-obschestve>, (дата обращения: 28.06.2025) .

5. Кот Е. М., Ручкин А. В., Юрченко, Н. А., Смирнова И. Ю., Кухарь В. С. Сравнение степени удовлетворенности карьерой, карьерных ориентаций, особенностей профессиональной самооценки у работников, находящихся на этапах «освоения в профессии» и «продвижения». *Образование и право*, 2023: (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnienie-stepeni-udovletvorennosti-karieroy-kariernyh-orientatsiy-osobennostey-professionalnoy-samoootsenki-u-rabotnikov> (дата обращения: 28.06.2025) .
6. Цариценцева О. П., Чеховская М. Н. Социально-демографические характеристики женщин, ориентированных на карьеру разного типа. *СибСкринт*, 2019: 77 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskie-harakteristiki-zhenschin-orientirovannyh-na-karieru-raznogo-tipa>, (дата обращения: 18.06.2025) .
7. Лубягина А. Ф., Гурская С. П., Мельникова Н. Н. Параметры профессионального выбора и удовлетворенность молодых специалистов карьерой и трудом. *Психология. Психофизиология*, 2020: (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametry-professionalnogo-vybora-i-udovletvorennost-molodyh-spetsialistov-karieroy-i-trudom> (дата обращения: 18.06.2025).
8. Легчилина Д. П. Диагностика карьерных ориентаций как ценностного компонента профессиональной деятельности. *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 2017:76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-kariernyh-orientatsiy-kak-tsennostnogo-komponenta-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 18.06.2025) .
9. Жарких Н. Г., Васина Н. В., Костыря С. С. Мотивация карьерной ориентации. *Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2014: (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-kariernoy-orientatsii> (дата обращения: 19.06.2025).
10. Низовских Н. А., Ронжин Е. А. Карьерные ориентации и жизненные принципы личности. *Вестник ВятГУ*, 2010: (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-orientatsii-i-zhiznennye-principy-lichnosti> (дата обращения: 19.06.2025).
11. Рикель А. М., Тихомандрицкая О. А. Особенности переживания успешности «вертикальной» и «горизонтальной» карьеры сотрудниками организаций. *Психологические исследования*. 2013: 6(28). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/712/395>, (дата обращения: 19.11.2024).
12. Сизова Л. А., Толочек В. А. Представления медицинских сестер о возрастной эволюции качеств субъекта: динамика, ресурсы. *Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития*,. 2023: 48 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-meditsinskih-sester-o-vozrastnoy-evolyutsii-kachestv-subekta-dinamika-resursy> (дата обращения: 19.11.2024).
13. Тужикова Е. С. Карьерные ориентации у представителей социономических профессий на разных уровнях личностной зрелости. *ИСОМ*. 2015: (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-orientatsii-u-predstaviteley-sotsionomicheskikh-professiy-na-raznyh-urovnyah-lichnostnoy-zrelosti> (дата обращения: 19.06.2025).
14. Поваренков Ю. П. Структурно-уровневый подход к классификации кризисов профессионализации человека. *Ярославский педагогический вестник*. 2020: 113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-urovnevyy-podhod-k-klassifikatsii-krizisov-professionalizatsii-cheloveka> (дата обращения: 19.06.2025).
15. Чернякевич Е. Ю., Погодина Э. В. Исследование эмоционального выгорания в связи со смысложизненными и карьерными ориентациями у представителей социономических профессий. *Вестник ГГУ*. 2020:(1).URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-emotsionalnogo-vygoraniya-v-svyazi-so-smyslozhiznennymi-i-kariernymi-orientatsiyami-u-predstaviteley-sotsionomicheskikh> (дата обращения: 19.06.2025).

References

1. Pochebut L.G., Chiker V.A., Volkova N.V. Socio-psychological model of the cognitive social capital of the organization: factors of formation and objectification. *Organizational Psychology*. 2018:(3). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-model-kognitivnogo-sotsialnogo-kapitala-organizatsii-factory-formirovaniya-i-obektivatsiya> (Accessed: 18 June 2025). (In Russian)
2. Chiker V.A. *Psychological diagnostics of the organization and personnel*. Saint-Petersburg: Rech; 2003:176. (In Russian)
3. Bazarov T.Yu. *Personnel management*. Moscow: UNITY; 2012:554. (In Russian)
4. Didkovskaya Ya. V. Success of the professional career of young people in a transforming society. *Discussion*. 2015:9(61). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspeshnost-professionalnoy-kariery-molodezhi-v-transformiruyuschemsya-obshchestve> (Accessed: 28 (18?) June 2025). (In Russian)

5. Kot E.M., Ruchkin A.V., Yurchenko N.A., et al. Comparison of the degree of career satisfaction, career orientations, and features of professional self-esteem among employees at the stages of “mastering the profession” and “promotion”. *Education and Law*. 2023:(10). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-stepeni-udovletvorennosti-karieroy-kariernyh-orientatsiy-osobennostey-professionalnoy-samoosenski-u-rabotnikov> (Accessed: 28 (18?) June 2025). (In Russian)
6. Tsaritsentseva O.P., Chekhovskaya M.N. Socio-demographic characteristics of women oriented towards different types of careers. *SibScript*. 2019:77(1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskie-harakteristiki-zhenschin-orientirovannyh-na-karieru-raznogo-tipa> (Accessed: 18 June 2025). (In Russian)
7. Lubyagina A.F., Gurskaya S.P., Melnikova N.N. Parameters of professional choice and satisfaction of young specialists with career and work. *Psychology. Psychophysiology*. 2020:(4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametry-professionalnogo-vybora-i-udovletvorennost-molodyh-spetsialistov-karieroy-i-trudom> (Accessed: 18 June 2025). (In Russian)
8. Legchilina D.P. Diagnostics of career orientations as a value component of professional activity. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*, 2017:76. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-kariernyh-orientatsiy-kak-tsennostnogo-komponenta-professionalnoy-deyatelnosti> (Accessed: 18 June 2025). (In Russian)
9. Zharkikh N.G., Vasina NV., Kostyrya S. S. Motivation of career orientation. *Scientific notes of OSU. Series: Humanitarian and social sciences*. 2014:(4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-kariernoy-orientatsii> (Accessed: 19 June 2025). (In Russian)
10. Nizovskikh N.A., Ronzhin E.A. Career orientations and life principles of the individual. *Bulletin of Yvarka State University*. 2010:(1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-orientatsii-i-zhiznennye-printipy-lichnosti> (Accessed: 19 June 2025). (In Russian)
11. Rikel A.M., Tikhomandritskaya O.A. Features of experiencing the success of “vertical” and “horizontal” careers by employees of organizations. *Psychological research*. 2013:6(28). Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/712/395>, (Accessed: 19 November 2024). (In Russian)
12. Sizova L.A., Tolochek V.A. Nurses’ ideas about the age-related evolution of the subject’s qualities: dynamics, resources. *Izvestiya Saratov. Univ. Nov. Ser. Ser. Acmeology of education. Developmental psychology*. 2023:48(4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-meditsinskih-sester-o-voznrastnoy-evolyutsii-kachestv-subekta-dinamika-resursy> (Accessed: 19 November 2024). (In Russian)
13. Tuzhikova E.S. Career orientations of representatives of socioeconomic professions at different levels of personal maturity. *ISOM*. 2015:(8). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-orientatsii-u-predstaviteley-sotsionomicheskikh-professiy-na-raznyh-urovnyah-lichnostnoy-zrelosti> (Accessed: 19 June 2025). (In Russian)
14. Povarenkov Yu. P. Structural-level approach to the classification of crises of human professionalization. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2020:113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-urovnevyy-podhod-k-klassifikatsii-krizisov-professionalizatsii-cheloveka> (Accessed: 19 June 2025). (In Russian)
15. Chernyakevich E.Yu., Pogodina E.V. Study of emotional burnout in connection with life-meaning and career orientations among representatives of socioeconomic professions. *Bulletin of the State University of Management*. 2020:(1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-emotsionalnogo-vygoraniya-v-svyazi-so-smyslozhiznennymi-i-kariernymi-orientatsiyami-u-predstaviteley-sotsionomicheskikh> (Accessed: 19 June 2025). (In Russian)

Сведения об авторе

ЧАРИНА Елена Вячеславовна – к. психол. н., ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан, Российская Федерация.

E-mail: charlen@mail.ru

Information about the author

CHARINA Elena Vyacheslavovna – Cand. Sci. (Psychology), North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation.

E-mail: charlen@mail.ru

Поступила в редакцию / Submitted 27.05.25
Принята к публикации / Accepted 23.06.25

– ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ –

УДК 1/14

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-65-76>

Оригинальная научная статья

**Методология исследования произведений искусства
и литературы****В. С. Данилова**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ vs.danilova@s-vfu.ru**Аннотация**

Целью работы является выявление фундаментальных принципов и подходов методологии исследования искусства и литературы и демонстрация возможностей рациональных методов (с элементами иррациональности) для этих целей. Наиболее важными группами этой методологии являются *философские методы*: феноменология, герменевтика, идеографический, номотетический методы, методы метафизики, диалектики, семиотики; *универсальные методы естественнонаучного происхождения*: теории коммуникаций, систем, синергетики, информатики; *методы социально-гуманитарных наук на основе*: историзма, механицизма, натурализма, органицизма, психологизма, антропологизма, структурализма, сциентизма, эволюционизма, формализма, функционализма, позитивизма; *методы литературоведения и культурологии*; *методы социологии и социальной философии*. Эти методы применены к основным этапам развития искусства и к наиболее важным направлениям и стилям искусства в различных сочетаниях и в зависимости от интервалов их применимости. В качестве основных подходов исследуемой методологии используется синтез большинства существующих методов в пределах всех сфер литературы и искусства, либо в пределах его вида, жанра или стиля; выявляются ряды методологических подходов, обеспечивающие взаимодействие одного метода с другим, выявление систем и подсистем этих методов для конкретных условий исследования. Взаимодействие методологии используемой творцом произведений и методов восприятия его работ (то есть взаимодействие онтологических и эпистемологических подходов к творению и исследованию). Утверждается, что рационализированная методология исследования произведений искусства и литературы имеет значительные перспективы. Используя различные виды синтеза в различных жанрах и между ними можно получить единую целостную картину восприятия произведений. Опора на пределы восприятия, связанная, как правило, с великими тайнами выдающихся произведений искусства и литературы, аналогична пределам, на которые опирается методология науки или религиозные откровения и позволяет связать рациональное с иррациональным в этом процессе познания. Еще одно перспективное направление связано с совершенствованием известных методов исследования произведений искусства и литературы: семиотики, герменевтики, социологии, культурологии, теории коммуникаций в зависимости от характерных черт конкретного произведения. Эволюция этих методов также стремится к единству, целостности и взаимной дополнительности всего процесса познания произведений искусства и литературы.

Ключевые слова: Древняя, Греция, средние века, эпоха Возрождения, Новое время, классицизм, романтизм, реализм, модернизм, восприятие, рациональность, постмодернизм, рационалистическая методология, интервальный подход.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Данилова В.С. Методология исследования произведений искусства и литературы. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy». 2025, Т.38 (2): С. 65-76. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-65-76*

Original article

Methodology of the study of works of art and literature

Vera S. Danilova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ vs.danilova@s-vfu.ru

Abstract

The aim of the work is to identify the fundamental principles and approaches to the methodology of art and literature research and to demonstrate the capabilities of rational methods (with elements of irrationality) for these purposes. The most important groups of this methodology are philosophical methods: phenomenology, hermeneutics, ideographic, nomothetic, methods of metaphysics, dialectics, semiotics; universal methods of natural scientific origin: theories of communications, systems, synergetic, computer science; methods of social and humanitarian sciences based on: historicism, mechanism, naturalism, organicism, psychologism, anthropologism, structuralism, scientism, evolutionism, formalism, functionalism, positivism; methods of literary criticism and cultural studies; methods of sociology and social philosophy. These methods are applied to the main stages of art development and to the most important trends and styles of art in various combinations and depending on the intervals of their applicability. The main approaches of the methodology under study are the synthesis of the majority of existing methods within the all sphere of the art and literature, or within its type, genre or style; a series of methodological approaches are identified that ensure the interaction of one method with another, the identification of systems and subsystems of these methods for specific research conditions. Interaction of the methodology used by the creator of works and the methods of perception of his works (that is, the interaction of ontological and epistemological approaches to creation and research). It is argued that the rationalized methodology of studying works of art and literature has significant prospects. Using various types of synthesis in different genres and between them, it is possible to obtain a single, holistic picture of the perception of works. Reliance on the limits of perception, usually associated with the great mysteries of outstanding works of art and literature, is similar to the limits on which the methodology of science or religious revelations is based and allows us to link the rational with the irrational in this process of cognition. Another promising direction is associated with the improvement of the known methods of studying works of art and literature: semiotics, hermeneutics, sociology, cultural studies, communication theory, depending on the characteristic features of a particular work. The evolution of these methods also strives for unity, integrity and mutual complementarity of the entire process of cognition of works of art and literature.

Keywords: Ancient Greece, Middle Ages, Renaissance, modern times, classicism, romanticism, realism, modernism, perception, rationality, postmodernism, rationalistic methodology, interval approach.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Danilova V.S. Methodology of the study of works of art and literatures. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy. 2025, Vol.38, (2). Pp. 65-76. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-65-76*

Введение

Методология исследования произведений искусства и литературы обширна как в качественном, так и в количественном смыслах. Есть подходы, которые хорошо определены, например, А. И. Герцен, пытавшийся передать содержание впечатливших его картин. Отчаявшись, он заключил, что картины надобно смотреть, а не рассказывать. Это односторонний подход и применимый не ко всем жанрам искусства. Однако если для этих целей привлекается наука или философия, то следует рационализировать развиваемые подходы.

Односторонность подхода Герцена в том, что он пытался применять рациональные подходы непосредственно ко всему комплексу возникающих впечатлений. Однако рационализированная методология возможна только тогда, когда мы в рамках интервальных подходов выделяем различные области искусства и литературы или отдельного произведения и смотрим, что поддается такому анализу, а что нет. И только затем подобный подход может быть применен, что и обосновывается ниже.

Среди научных работ в этом направлении следует отметить работы, посвященные формированию новой реальности – планетарно-сетевой и виртуальной и совершенствованию методов, включая развитие их междисциплинарности. Здесь, во-первых, развиваются идеи и концепции, направленные на поиски новых путей в развитии культуры и искусства. Так, формула Ю. Лотмана «прогрессирующий универсализм культурных систем», которую он использовал для характеристики русской интеллектуальной культуры XIX века [1] вполне пригодна для развития современной методологии, только её следует обобщить и рассматривать как «культурно-цивилизационную систему», что позволяет объединять деятельность с духовностью. М. Кастельс называет новый виток в развитии гуманитарной сферы исследований «культура реальной виртуальности» и считает, что она создается из коммуникационных процессов, основанных на производстве и потреблении знаков [2].

Во-вторых, активно развиваются известные методы исследования искусства и литературы в контекстах, обусловленных новыми реалиями. Так во многих произведениях живописи и скульптуры присутствуют знаки и символы, несущие важный дополнительный смысл и воздействующие на разум и чувства. Это могут быть числа, предметы, формы, образы животных, птиц, насекомых и т.д. [3]. Воздействие этих знаков на человека осмысливается посредством семиотических, герменевтических, феноменологических методов, которые становятся все шире, глубже, вступая при этом в междисциплинарные взаимодействия, однако проблема в том, что в различные эпохи и сами знаки и их интерпретация очень разнятся. В связи с этим развиваются исследования через контексты. Рационалистические методы исследования музыки рассматриваются в контексте математики [4], а осмысление основных принципов эстетики дополняется исследованием границ и интервалов их применимости [5].

Материалы и методы

В рационализированной методологии для исследования произведений искусства и литературы следует выделить следующие наиболее важные группы.

1. Философские методы как наиболее общие: феноменология, герменевтика, метафизика, семиотика, методы идеографический и номотетический. 2. Универсальные методы естественнонаучного происхождения: теории коммуникаций, систем, синергетики, информатики. 3. Методы социально-гуманитарных наук, которые в рамках интервального подхода могут быть объединены в единый блок: историзм, механицизм, натурализм, органицизм, позитивизм, психологизм, антропологизм, структурализм, сциентизм, эволюционизм, формализм, функционализм. 4. Методы литературоведения и культурологии. 5. Методы социологии и социальной философии.

Философские методы опираются на понятие «бытие», метафизику, онтологию, диалектику, т.е. они стремятся охватить проблему со всех сторон. Такие методы как семиотика находятся на стыке философии с лингвистикой и другими науками. Идеографический метод предложен для обозначения наук о культуре и на описание индивидуального, «уникального». Номотетический метод используется для установления и обобщения законов, что является абстракцией, поскольку человеческий разум неспособен охватить многообразие действительности во всей её полноте. Оба этих метода не универсальны и должны исполь-

зоваться совместно, дополняя друг друга. Эти методы оказываются востребованы, когда в произведении искусства есть духовный предел, тайна.

Значение методов теории систем в настоящее время значительно ослабело, ввиду размытости исходных понятий, но сам системный принцип является одним из основных в научной методологии. Методы синергетики и информатики успешно развиваются ввиду широкого распространения пространственных и временных резонансных взаимодействий в природе, социуме, гуманитарной сфере, а присутствия ритмов во всех сферах человеческой деятельности.

Среди методов гуманитарных наук: механицизм ориентирован на исследование процессов, исходя из физических законов; натурализм сводил социально-гуманитарное к природному, игнорируя при этом сознание, целеполагание, рациональность в человеческой деятельности; органицизм делает акцент на целостность, адаптивность, динамизм социальных систем, игнорируя тенденции к аддитивности, элементаризму, комплиментарности. Позитивизм исходит из единства естественных, гуманитарных и социальных наук, перенося стандарты исследования наук о природе: математизацию, точную строгую категоризацию в эти науки. Психологизм опирается на внутреннюю сложность, самодостаточность духовного мира личности, его несводимость к природному миру; в антропологизме человек поддерживает собственную жизнеспособность за счет переработки вещества природы в социокультурное вещество; структурализм выявляет устойчивые связи обеспечивающие целостность, организованность, упорядоченность, самоидентичность явлений, инвариантных относительно фиксированных преобразований; в сциентизме выделялась когнитивная составляющая (строгое знание ориентированное на теоретико-познавательные модели), вводился стандарт для всех научных представлений (эмпиризм, формализм, квантитативизм, дискредитация гуманитарных методов); в холизме целое не сводится к частям, элементам, а главным является изучение социально-гуманитарных целостностей; в эволюционизме социальные явления прослеживаются от предковых до относительно зрелых, выделяются этапы вызревания социальных явлений.

Методы литературоведения включают в себя историческую поэтику, концепции хронотопа и архетипов, которые продемонстрировали свою методологическую эффективность. Кроме того, широкое распространение здесь получили исследования параллелизмов (общих мест, типических формул и т. п.). Здесь также, как и в культурологии в той или иной форме, могут быть использованы методы социально-гуманитарных наук.

Методы социальной философии ориентированы на статические процессы, методы социологии – на динамические. В первых работах, посвященных социологии искусства (А. Микиельс, И. Тэн) был сформулирован основной закон, что тип, характер, тематика и форма данного искусства закономерно обусловлены, с одной стороны климатом и расой, а с другой стороны и в особенности «состоянием умов и нравов», господствующим в данном обществе. Именно общественные отношения определили тип и форму искусства, повторяясь спустя века. В частности, есть много общего благодаря «охотничьему строю» в палеолите и у современных охотников Африки и Австралии; в Египте, архаической Греции и в средние века на Западе; в классические периоды в Греции, Италии и Нидерландах XV-XVII вв., в Европе второй половины XIX в.» [6, с. 8]. Конечно, это только одна сторона воздействия на формирование искусства, но часто она главенствует над остальными.

Перечисленные выше методы относятся к разным уровням знания и имеют различные качественные характеристики. Рассмотрим сначала методологические проблемы, соответствующие основным этапам развития искусства (первобытное общество, Древний мир,

Античность, средние века, эпоха Возрождения, Новое время, современность), а затем подходы, характеризующие его отдельные направления и стили. Следует иметь в виду, что все эти методы в различных сочетаниях могут быть применимы для большинства отмеченных выше случаев. Поиски различных подходов для различных этапов развития искусства и литературы, а также для различных его жанров представляют собой серьезную проблему философии и сопредельных с нею наук, которая заключается в том, в каких сочетаниях и пропорциях эти методы могут использоваться в различных ситуациях. Конкретному использованию метода предшествует анализ характерных черт произведения искусства и литературы на основе интервального подхода, с помощью которого можно подобрать для каждой из них конкретный метод.

Результаты и обсуждение

В методологии исследования искусства и литературы могут быть выделены несколько фундаментальных принципов и подходов. 1. В качестве одного из основных подходов – синтез большинства существующих методов в пределах всего искусства, либо в пределах его вида, жанра или стиля. 2. Сосредоточивания вокруг тайн великих произведений искусства и литературы, что делает их центром притяжения многих методов исследования искусства. 3. Выявление рядов методологических подходов, обеспечивающих взаимодействие одного метода с другим, выявление систем и подсистем этих методов для конкретных условий исследования. 4. Эволюционное воздействие метода и жанра (стиля), когда новый метод порождает целый жанр искусства и наоборот. При этом среди методов возникает лидер, который ведет остальные методы за собой. 5. Взаимодействие методологии используемой творцом (часто неосознанно) и методов восприятия его работ (то есть взаимодействие онтологических и эпистемологических подходов к творению и исследованию). Используя различные виды синтеза в различных жанрах и между ними можно получить единую целостную картину восприятия произведений. Синтез существующих методов предполагает целостность и единство методологического подхода, которые можно найти в фундаментальных трудах, охватывающих все виды искусства или устанавливающих взаимосвязи между несколькими его жанрами. Например, всесторонний анализ феномена импрессионизма, который пытался донести до нас действительность конкретного момента, а получилось, что их творчество повлияло на все последующее искусство [7]. Они рисовали свет, как некое художественное поле, которое охватывает все жанры живописи, тем самым развивая метафизические методы её исследования, создав естественную философию живописи. Стремление к подобному единству коррелирует с другими сферами человеческого духа, прежде всего с наукой и философией, где на протяжении веков существовали «программы» подобного развития. Обобщающие исследования П. Волковой один из ярких примеров подобных исследований и формирования универсальных представлений о восприятии искусства.

Великие произведения искусства и литературы часто содержат в себе великие тайны. Например, три творения Леонардо да Винчи: «Тайная вечеря», «Мона Лиза», «Святая Анна». В «Тайной вечере» единство действия сочетается с паузой, которая все длится и длится. В «Моне Лизе» много веков спорят о значении её улыбки. В «Святой Анне» в группе из трех фигур (мать, дочь и младенец Иисус Христос на её коленях) их статика также спокойно сочетается с бурной динамикой последующих событий. Самые разные методы были использованы для разрешения этих тайн, но что-то в них все равно ускользает от истолкования. Свой вклад в истолкование этих тайн внес модерн и его наследие, которое включает не только ценности и художественные открытия, но и отражает неразрешенные противоречия, смятение перед жизненными трудностями и социальными изменениями [8].

Методологические ряды мощнейший методологический подход. Скрупулезное сопоставление мифов, прежде всего древнегреческих с сюжетами литературы и искусства поражает разнообразием их преподнесения и истолкования [9]. Истолкование мифов – путеводитель в мире искусства, огромное количество картин написано на их сюжеты, многие философы (Э. Роттердамский, Ф. Бэкон и другие) истолковывали это взаимодействие уже с философских позиций. Подобные ряды берут свое начало также в библейских сюжетах, в эпосе средних веков. Получилось так, что современные литература и искусство стали брать на себя функции философии, поскольку им проще вступать в коммуникационные отношения различных видов.

Появление нового метода рождает новый жанр, аналогично тому, как это имело место в науке: новый метод – новая теория и наоборот. Импрессионисты начали рисовать впечатление, а создали целый жанр и направление в искусстве, но это потребовало и новых методов письма. Они использовали толстые короткие мазки чистой несмешанной краски, своими мелкими, контрастными мазками они заменили контурный рисунок, уточняющий форму и объем. Аналогичную проблему подробно исследовал В. В. Стасов для русской живописи XIX столетия, «передвижников». В своих скрупулезных разборах он выступал как историк и археолог искусства, художественный и литературный критик, культуролог, социолог [10]. Такой подход перекликается с мыслями И. Ф. Стравинского, что «Искусство – это способ придания формы произведениям посредством методов, либо приобретенных в процессе обучения, либо найденных благодаря изобретательности. Методы уверенно ведут нас прямо к цели гарантируя правильность наших действий [11, с. 36]. Методология формирует лидера среди всех возможных методов, который ведет все остальные методы за собой. В настоящее время это несомненно герменевтика, семиотика и метафизика.

Методология для основных этапов развития искусства

Первобытное искусство исследуется, опираясь, прежде всего, на методы социологии, поскольку оно было тесно связано с реальной жизнью. Вся мистическая его сторона может быть истолкована посредством семиотики. Писаницы являлись видами мистических молитв перед трудным испытанием первобытного охотника, воина. Мастера писаниц не стремились к точности изображения, им важно было поставить понятный соплеменникам знак, который соответствовал их способам обращения к мистическим силам, управляющих этим племенем или этносом в целом. Огромное значение на этом этапе имело возникновение мифа и фольклора, что произошло возможно сто тысяч лет тому назад и более во времена неандертальцев. Эти мифы затем трансформировались в эпос и после тщательной обработки на их основе возникли ядра мировых религий. Основными методами исследований мифа и фольклора являются сопоставление архетипов и хронотопов – культурологический подход, а также социальные методы. Кроме того, эпосы естественным образом тяготеют к компаративизму – выявлению общих мест и типических формул. Здесь существовало «только безымянное художественное творчество [12, с. 24].

Древний мир объединял четыре региона расположенных вдоль великих рек Евразии и небольшой части Африки: в Египте, Передней Азии, Древних Индии и Китае сложились основные его центры. На это же время приходится архаический этап развития Древней Греции, которому соответствует эгейское или крито-микенское искусство, где поражают праздничная гамма красок и запечатленная реальность в изображениях: птицы, кошки, листья пальм и особенно часто фигуры быка и игры с ним. Здесь много условностей – тот же бык гораздо крупнее людей, лица которых обычно изображены в профиль, а глаз в анфас. Методология истолкования этого искусства довольно проста, большинство описанных выше методов не востребованы. В целом перечисленные выше государства Древнего

мира были консервативными, в своем развитии застойными, имели устойчивую идеологию, опирающуюся на религии. Соответственно и искусство обслуживало эти государственно-религиозные потребности. «Архитектура, скульптура и живопись были подчинены установленным религиозным канонам... то искусство на протяжении долгих столетий оставалось... в основных своих проявлениях почти неизменным» [13, с. 14]. Методология формирования искусства в Древнем Египте оставалась рецептурно-методической, тем не менее, это обеспечило появление монументальной архитектуры с её строгой симметрией и грандиозностью. Самые знаковые образцы этой архитектуры возникали к окончанию «сатических циклов» периодом в 1461 египетский гражданский год по 365 дней в каждом или 1460 юлианских лет в среднем $365 + \frac{1}{4}$ дней в каждом. Египтяне встречали новый год в соответствии с его точным астрономическим измерением, и после окончания такого цикла имел место карнавал, продолжавшийся до трех лет, как ключевой момент культуры и искусства. Методология культуры Древнего Китая тяготела к ясности, здесь поражают экзамены на звание мандарина (чиновника), которые включали в себя умение писать стихи. Таким образом, эта ясность основывалась на цельности всех свойств человеческих души и сознания. Китайцы решали вопросы, связанные с реальностью, жизнью, их не волновали трансцендентальные проблемы. Методология этого искусства стремилась к классическим образцам. Зато в искусстве Древней Индии было много мистического элемента, так что на первый план здесь выходит герменевтика и другие способы толкования произведений: семиотика, феноменология, метафизика.

На этом этапе эпос достиг своих классических высот. «Махабхарата», «Рамаيانа», поэмы Гомера, Вергилия являются вершинами эпоса, на которые равнялись все последующие творения, возникавшие с одной стороны самобытно в различных регионах, но с другой – будучи связанными ритмами архетипов в единое цивилизационное целое. Эти великие эпосы подробно институализированы в литературу, театр, скульптуру, архитектуру, музыку, кино и т.д. Их исследования опираются на социальные, культурологические и литературоведческие методы. Время между VIII – II вв. до н.э. называют «осевым временем». Вокруг 37-ой параллели северной широты в Китае, Индии, Передней Азии, Ближнем Востоке, Греции зародились основания наук, искусств, философии и духовность в целом.

Греческая классика, искусство эллинизма и Древнего Рима. Образы и формы античной литературы и искусства стали основанием классицизма. Термин возник позже уже в европейской культуре, став одним из магистральных направлений её развития. Расцвет древнегреческой классики приходится на V-IV вв. до н.э., когда греки победили в войнах с Персией, установили союз всех городов – государств, сначала морской, а затем политический, что привело к созданию демократических институтов в обществе. На этом этапе огромных высот достигли архитектура, скульптура, литература, театр, зародилась философия. Здесь же случился первый расцвет герменевтики, в виде экзегетики истолковывающей Библию. Древнегреческая литература «наглядно показывало путь к гармоническому развитию» [14, с. 107], а изобразительное искусство наглядно воплощало его в художественных образах. Здесь возникла «эмпатия» имевшая иррациональное ядро, но опиравшаяся в то же время на социальные, культурологические, исторические натуралистические, холистические методы и подходы.

Эллинистическое искусство (от завоевания Филиппом – отцом Александра Македонского – Древней Греции до победы Октавиана над Антонием и Клеопатрой у мыса Акций) развивалось в нескольких центрах мировой культуры: в Александрии (в дельте Нила), Пергаме, Афинах. Здесь произошел второй общекультурный синтез Запада (древние греки) и Востока. Первый синтез часто связывают с миграцией ариев из центральной Европы

в Переднюю Азию и в Индию. В этом эллинистическом синтезе (иногда эту эпоху продлевают до 527 г. – год закрытия Академии Платона в Афинах) были достижения, которые до сих пор поражают воображение: Александрийская библиотека с 700000 рукописей, архитектурные сооружения семи чудес света, выдающие достижения в астрономии, математике, медицине, натурфилософии. Здесь уже началось рациональное изучение различных видов искусства, сохранились методические указания в трудах философов и ученых. Синтез все подходов – основа методологии исследования искусства этого этапа.

Во втором, первом веках до н.э. Римская империя, начав свою историю с этрусков в VIII-VII до н.э., достигла своего расцвета. Её культурная политика была очень прагматичной. Пантеон богов был взят из Древней Греции, но переименован, литература также в значительной степени определялась последней (Вергилий как бы продолжатель Гомера). Все здесь достигло своих пределов: инженерное искусство (мосты, акведуки, дороги), агрономия, строительство храмов, городов. Потрясает римская скульптура, особенно портрет – правдивый жизненный, разоблачительный до самых сокровенных тайн души, выходящий за пределы классических интерпретаций человека. Однако с III в. римская скульптура уже не так гармонична, как в период своего классического канона. Здесь появляются тайны, связанные не с мистикой, а с душой и духом. Поэтому методы приобретают философские очертания.

Исследования М. М. Бахтина позволили найти оптимальную методологию для исследования античного романа. – три романных хронотопа: авантюрный, авантюрно-бытовой и биографический. Хронотоп был заимствован Бахтиным из естествознания (физиологии), продемонстрировав тем самым тесную связь гуманитарных и естественных наук. Эти три тапа оказались чрезвычайно продуктивными и определили развитие авантюрного романа до середины XVIII века, а двух других еще ближе к нашей эпохе.

Средние века и Эпоха Возрождения. Средние века – эпоха протяженная: с IV (VI) по XIV (XVII) века в зависимости от социальных условий в конкретных странах. Это относится главным образом к Европе. В Японии средние века продолжались до революции Мэйдзи (1868), в Турции и во многих африканских странах до начала XX столетия. Западноевропейское искусство подразделяется на этапы: дороманский (VI-X вв.), романский (XI-XII вв.), готический (XIII-XV вв.). Романский – от связей средневековой архитектуры с римской, готика – от готов и первоначально означало негативную оценку варварского искусства. Эти связи с римской культурой сохранили помимо государств Аппенинского полуострова южная и юго-западная Франция. В XII в. состоялся максимальный расцвет романского искусства, которое стало общеевропейским. Что касается готики, то его считают и кульминацией, и отрицанием романского искусства, исследование которого следует вести с привлечением философских методов диалектики и метафизики. Отрицание предыдущего этапа способствует возникновению универсализма последующего. Готикой даже стали называть все западноевропейское искусство до эпохи Возрождения. Методология здесь сводилась к методикам как у ремесленников. Она восходила к Богу, но её интерпретация сводилась к упрощенным схемам.

Эпоха Возрождения (по фр. Ренессанс, по итал. Ринашименто) включает в себя четыре века: дученто (XIII в.) – треченто (XIV в.), кватроченто (XV в.), чинквеченто (XVI в.). Здесь также имел место синтез разнородностей, но далеко не во всех сферах духа он состоялся как целостность. В философии и сопредельных с ней науках этот синтез превратился в попытки собрать все предшествующие направления, но не удалось найти основания, на котором это оказалось бы возможным. В итоге получилась эклектика, но благодаря ей осуществился прорыв XVII столетия. Вместе с предшествующим ему XVI в. это время часто

называют вторым осевым временем. Как и первое осевое время, о котором говорилось выше это была фундаментальная духовная революция, определившая развитие человечества на столетия вперед.

Литература Средних веков и Эпохи Возрождения характеризуется созданием шедевров: Божественная комедия Данте, трагедии Шекспира, Дон Кихот Сервантеса и многие другие творения (Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах, Боккаччо, Петрарка) создали матрицу общечеловеческой культуры, которая была незыблема несколько веков до сих пор оказывая влияние на развитие нашей цивилизации. Для исследования этих произведений традиционно используется практически весь набор отмеченных выше методов – от исторической поэтики до герменевтики и семиотики).

Новое время сделало искусство очень разнообразным, в XVIII и особенно в XIX направлениях и стилей становилось все больше. Так, в XVII и первой половине XVIII вв. вступили во взаимодействие стили барокко, рококо, классицизм, в результате чего последний расцвел и окреп. Эти стили сменили готику и романские этапы развития искусства. Барокко делает акцент на эмоциях, динамике, контрастах тени и света, открытой композиции; рококо – продолжает тенденции барокко, делая сюжеты декоративными и фривольными. На развитие искусства и культуры в целом этого периода оказали воздействие первая (XVII в.) и вторая (вторая половина XIX начало XX столетий) научные революции. Здесь начали работать все отмеченные выше методы. Они распределялись по видам, жанрам искусства, действовали порознь, совместно, дополняя и направляя друг друга. Здесь многие методы сформировались как строгие научные. Герменевтика как наука сложилась благодаря Шлейермахеру, а как раздел философии благодаря Дильтею. Семиотика благодаря Пирсу также сформировала свои основания. И такое развитие было присуще большинству из перечисленных выше методов.

Литература Нового времени настолько обширна, что требует специального исследования. Она создала невиданные ранее типы произведений: роман-исповедь, «роман-река», роман на стыке научного или философского исследования написанным признанным специалистом в какой-либо области. Философы Вольтер, Руссо, Монтескье, Дидро и многие другие были выдающимися писателями. Человеческая комедия Бальзака (девятью шестью произведениями), Ругон-Макары Золя – полотна характеризующие целые эпохи.

Современность, то есть XX и XXI века породили наиболее сложные виды искусства. Здесь в качестве магистральных направлений могут быть выделены модернизм и постмодернизм, которые оказались тесно переплетены с философией, так что связанная с ней методология имела возможность развиваться как самостоятельная дисциплина, что в свою очередь оказывала влияние на взаимодействие различных направлений искусства. Методология на этом этапе стала самостоятельной наукой и определяющим разделом философии, в которой могут быть яркие направления и под-направления. В настоящей работе эти вопросы могут быть только обозначены, поскольку они безграничны, глубоки и требуют специальных исследований. Можно подчеркнуть, что отмеченные выше философские методы получили свое дальнейшее развитие в феноменологии, метафизике, семиотике, герменевтике. Например, Ю.М. Лотман разработал концепцию семиосферы, которая охватывает все виды искусства.

Литература современности не только использовала отмеченные выше методы, но предлагала новые, например, на основе теории систем, синергетики, информатики. Появилось множество новых жанров и стилей – от фантастики (бытовой, научной, культурологических моделей) до кавер-версий, романов-притч – загадок и т.п. Пышным цветом расцвел жанр утопии и антиутопии. Литература тесно сомкнулась с кино, телевидением, интернетом.

Методология для наиболее важных направлений и стилей искусства

Эпос – в наиболее широком смысле слова один из трех родов литературы (вместе с лирикой и драмой). Это объективная поэзия, являющаяся внешней по отношению к рассказчику, зрителю и к самой себе. Здесь может быть использовано много методов: все социологические, культурологические (архетипы, хронотопы), коммуникационные (теория систем, синергетика), феноменологические, герменевтические, семиотические и т.п.

Классицизм – окончательно сформировался в Европе к XVII столетию, прежде всего, во Франции, на основе античных представлений об искусстве, а также в противостоянии с барокко и рококо. Он также продолжал развивать принципы эпохи Возрождения. Чтобы не было путаницы лучше говорить о *неоклассицизме*. Наиболее яркими его характерными чертами являются строгость композиций и линейная манера исполнения. Наиболее ясная ситуация сложилась в литературе благодаря творчеству Корнеля и Расина, прозы Монтеня, философии Декарта. В его основе лежали строгие формы и понимание изящного, логика и рационализм. В неоклассической драматургии сложился принцип «единства места, времени и действия». Если возникала необходимость в историческом экскурсе, то герой или героиня рассказывали все необходимое своим наперсникам. В архитектуре процесс шел в таком же направлении, но гораздо медленнее, в живописи, а также графике формирование классицизма происходило гораздо сложнее.

Имеется фундаментальная литература по этому направлению. Так, Ф. Зелинский писал о книге Г. Вельфлина: «его рассуждение о «классическом искусстве» само стало классическим в указанной области» [15, с. X]. Свою методологию исследования искусства Вельфлин развивает на трех выделяемых им в качестве модельных направлениях: живописи, пластике, архитектуре [16, с. 94].

Романтизм – зародился в Германии в конце XVIII в., характеризуется повышенным вниманием к жизни личности, опираясь как на одно из оснований на классическую немецкую философию. Противопоставляет свои принципы классицизму и Просвещению: вместо культа разума ищет идеалы в естественном единстве человека и природы, в интуиции и бессознательном. Распространился во многих странах и направлениях, особую известность приобрели литературные, художественные и музыкальные произведения: Байрона, раннее творчество Пушкина, Лермонтова, Жерико, Делакруа, Шуберт, Шопен и т.п. Романтизм бурно развивался в России во многих видах искусства, но прежде всего в поэзии. Благодаря романтизму в Россию проникла классическая немецкая философия, проводником которой стали труды Шеллинга этой направленности.

Реализм – (от лат. действительный) – направление в искусстве второй половины XIX в., ориентированное на наиболее полное и адекватное отражение действительности, имеет различные под-направления, опирающиеся на позитивизм и противостоящие романтизму и академизму. С точки зрения методологии выделяют три основных значения термина: историко-философское, психологическое (например, творчество Ф. М. Достоевского), историко-культурное, включая трансформацию реализма в натурализм. Последний стремится описать реальность «до конца» со всеми её ужасами. Реалистами были русские «художники-передвижники». Но мировых высот достигла русская литература в лице Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, которые развили этот жанр до его возможных пределов. Здесь могут все методы социально-гуманитарных наук, сведенные воедино на основе интервального подхода.

Модернизм и постмодернизм – сложились соответственно в начале и во второй половине XX столетия. Модернизм – означает «новое искусство», но особенности его развития

и методологии исследования в экспрессионизме, кубизме, футуризме, абстракционизме, сюрреализме, дадаизме, риджонализме и других под-направлениях оказались очень разными [17]. Постмодернизм представляет собой развитие основных принципов и постулатов постструктурализма и деконструктивизма, рассматривая мир и сознание как тексты. Постструктурализм синтезировал эти принципы и практику современного искусства создав набор своих стилей, для исследования которых используются все перечисленные выше методы, а также новые подходы, создаваемые по мере его развития. Искусство этих направлений оказалось тесно переплетено с философией, которые развивают и укрепляют друг друга.

Литература этих направлений включает в себя произведения выдающихся философов (Сартра, Умберто Эко, Бовуар). Литература, по мнению современного американского философа Р. Рорти, вследствие своей гибкости и большей доступности вытеснила философию. Многие ученые и философы эффективно работали на стыках с литературой.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что рационализированная методология исследования произведений искусства имеет значительные перспективы. Используя различные виды синтеза в различных жанрах и между ними можно получить единую целостную картину восприятия произведений. Методы восприятия находятся в определенных ритмических соотношениях с методами создания этих произведений. Исследование этих соотношений, ритмических рядов также весьма перспективный подход.

Опора на пределы восприятия, связанные, как правило, с великими тайнами выдающихся произведений искусства, аналогична пределам, на которые опирается методология науки или религиозные откровения, и позволяет связать рациональное с иррациональным в этом процессе познания. Еще одно перспективное направление связано с совершенствованием известных методов семиотики, герменевтики, социологии, культурологии, теории коммуникаций. Их эволюция также стремится к единству, целостности и взаимной дополнительности.

Литература

1. Мартынова Д. В. Формирование и развитие философско-теоретических аспектов русской культуры. *Научное обозрение. Искусствоведение и Культурология*. 2021; (1): 23-26.
2. Алехина Н. В. Габитарный вид как транслятор изменений культуры в эпоху глобальных перемен. *Научное обозрение. Искусствоведение и Культурология*. 2020; (1): 8.
3. Кортунова Н. Д. *Знаки, символы и аллегории в живописи*. Москва : АСТ, 2025: 224.
4. Данилова В. С. Философия музыки в контексте математики. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия»*. 2024;(3):86-95.
5. Кожевников Н. Н., Данилова В. С. О методологии эстетики. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия»*. 2024;(4):182-189.
6. Фриче Г. *Социология искусства*. Москва : Едиториал УРСС. 2003: 208.
7. Волкова П. *Полная история искусств: курс лекций*. Москва : АСТ, 2022: 512. с.
8. Сарабянов Д. *Модерн. История стиля*. Москва: АСТ, 2025: 240.
9. *Мифы в искусстве (по Рене Менау)*. Москва: Современник, 1996: 271.
10. Стасов В. В. *Избранные статьи о русской живописи*. Москва, 1984: 154.
11. Стравинский И.Ф. *Музыкальная поэтика*. Пер. с англ. Москва: АСТ, 2021: 160.
12. *История зарубежного искусства*. Москва: Изобразительное искусство, 1980: 472.
13. *Малая история искусств. Искусство Древнего Востока*. Москва: Искусство, 1976: 376.
14. *Малая история искусств. Античное искусство*. Москва: Искусство, 1972: 357.
15. Вельфлин Г. *Классическое искусство*. Санкт-Петербург: Алетейя, 1999: X+319.

16. Вельфлин Г. *Основные понятия истории искусств*. Санкт-Петербург: Мифрил, 1994: XVIII: 398.
17. Модернизм. Анализ и критика основных направлений. Москва: Искусство, 1973: 280.

References

1. Martynova D.V., Rodermel T.A. Formation and development of philosophical and theoretical aspects of Russian culture. *Scientific review. Art criticism and cultural studies*, 2021; (1):23–26 (in Russian).
2. Alekhova N.V. Habitual appearance as a translator of cultural changes in the era of global changes. *Scientific review. Art criticism and cultural studies*, 2020;(1):8 (in Russian).
3. Kortunova N.D. *Signs, symbols and allegories in painting*. Moscow: AST; 2025:224 (in Russian).
4. Danilova V.S. Philosophy of music in the context of mathematics. *Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series «Pedagogy. Psychology. Philosophy»*. 2024;(3):86–95 (in Russian).
5. Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. On the methodology of aesthetics. *Bulletin of the North-Eastern Federal University. Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2024;(4):182–189 (in Russian).
6. Fritsche G. *Sociology of Art*. Moscow: Editorial URSS; 2003:208 (in Russian).
7. Volkova P. *Complete History of Art: Lecture Course*. Moscow: AST; 2022:512 (in Russian).
8. Sarabyanov D. *Modern. History of Style*. Moscow: AST, 2025: 240 (in Russian).
9. *Myths in Art* (according to Rene Menard). Moscow: Sovremennik; 1996:271 (in Russian).
10. Stasov V.V. *Selected articles on Russian painting*. Moscow; 1984:154 (in Russian).
11. Stravinsky I.F. *Musical poetics*. Trans. from English. Moscow: AST; 2021:160 (in Russian).
12. *History of Foreign Art*. Moscow: Izobrazitelnoe Iskustvo; 1980:472 (in Russian).
13. *Minor History of Art. Art of the Ancient East*. Moscow: Iskustvo; 1976: 376 (in Russian).
14. *Minor History of Art. Ancient Art*. Moscow: Iskustvo; 1972:57 (in Russian).
15. Wölfflin G. *Classical Art*. Sant Petersburg: Aletea; 1999:19 (in Russian).
16. Wölfflin G. *Basic Concepts of Art History*. Sant Petersburg: Mithril; 1994:398 (in Russian).
17. *Modernism. Analysis and Criticism of the Main Trends*. Moscow: Iskustvo; 1973:280 (in Russian).

Сведения об авторе

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – д. филос. н., профессор кафедры философии, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3201-0687, SPIN: 9303-7094.

E-mail: vs.danilova@s-vfu.ru

Information about the author

Vera S. DANILOVA, Dr. Sci, (Philosophy), Docent, Professor, Department of Philosophy, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3201-0687, SPIN: 9303-7094.

E-mail: vs.danilova@s-vfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 12.03.25

Принята к публикации / Accepted 19.06.25

УДК 1/14

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-77-86>

Оригинальная научная статья

Идентичность России в контексте её классической литературы второй половины XIX столетия

Н. Н. Кожевников, В. С. Данилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ nkkozhev@mail.ru

Аннотация

В качестве основных характерных черт идентичности России рассмотрены целостность, самодостаточность, уникальность, саморазвитие. Кроме того выявлены параметры, входящие в эти характерные черты, такие как универсальность и гармоничность для целостности, генезис, становление для самодостаточности, попытки выразить её в почвенничестве и славянофильстве. Уникальность характеризуется яркими литературными чертами, которые невозможно спутать ни с чем другим и «живой жизнью» (термин В. В. Вересаева) как воплощение бытийствования человека в литературе. Саморазвитие русской классической литературы определялось: стремлением к практическому воплощению духовности в чаяниях народа, в формировании души, опоре на глубокий синтез различных жанров, каждый из которых также прошел свои этапы формирования, контрасты и противоречия, связанные с фундаментальным принципом диалектического развития – «взаимодействием противоположностей». Развитие представлений об идентичности в социально-политических науках дополняют развиваемые в настоящей работе представления. Идентификация личности идет в русской литературе через пределы восприятия мира и бытия, которых касались многие из русских писателей, прежде всего, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, причем это были совершенно разные пределы. Та идентичность России, которая основывается на идентификации литературы, достаточно легко обосновывается и имеет огромные перспективы. Её обоснование обладает наглядной последовательностью, ясностью, рациональностью, доказательностью. Кроме того она имеет огромные перспективы, потому что литература может проникнуть практически везде – в любую социально гуманитарную сферу. Она легко вступает во взаимодействие с музыкой, живописью, театром, и, по мнению ведущих философов современности, начинает подменять собой философию. По нашему мнению, начинает формироваться новый вид синтеза литературы и философии.

Ключевые слова: идентификация, личность, целостность, самодостаточность, уникальность, саморазвитие, русская литература, пределы бытия, гармоничность, «живая жизнь», синтез.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Кожевников Н. Н., Данилова В.С. Идентичность России в контексте её классической литературы второй половины XIX столетия. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy». 2025, Т.38 (2): С. 77-86. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-77-86*

Original article

Identity of Russia in the context of its classical literature of the second half of the 19th century

Nikolai N. Kozhevnikov, Vera S. Danilova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ nkkozhev@mail.ru

Abstract

The main characteristic features of Russia's identity are integrity, self-sufficiency, uniqueness, and self-development. In addition, the parameters included in these characteristic features are identified, such

as universality and harmony for integrity, genesis, formation for self-sufficiency, attempts to express it in Pochvennichestvo and Slavophilism. Uniqueness is characterized by vivid literary features that cannot be confused with anything else and “living life” (V.V. Veresaev’s term) as the embodiment of human existence in literature. Self-development of Russian classical literature was determined by: the desire for practical embodiment of spirituality in the aspirations of the people, in the formation of the soul, reliance on a deep synthesis of various genres, each of which also went through its stages of formation, contrasts and contradictions associated with the fundamental principle of dialectical development – “interaction of opposites”. The development of ideas about identity in socio-political sciences complements the ideas developed in this work. Identification of the individual in Russian literature goes through the limits of perception of the world and being, which were touched upon by many Russian writers and, above all, Dostoevsky, Saltykov-Shchedrin, Leskov, Chekhov, and these were completely different limits. The identity of Russia, which is based on the identification of literature is quite easily substantiated and has great prospects. Its substantiation has visual consistency, clarity, rationality, and evidence. In addition, it has great prospects because literature can penetrate almost everywhere – into any social and humanitarian sphere. It easily interacts with music, painting, theater, and, according to leading modern philosophers, begins to replace philosophy. In our opinion, a new type of synthesis of literature and philosophy is beginning to form.

Keywords: identification, personality, integrity, self-sufficiency, uniqueness, self-development, Russian literature, limits of being, harmony, “living life”, synthesis.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. Identity of Russia in the context of its classical literature of the second half of the 19th century. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2025, Vol.38, (2). Pp. 77-86. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-77-86

Материалы и методология

Идентичность в философии и в ряде других гуманитарных наук означает «тождественные самим себе» целостности, обладающие относительной устойчивостью. Они имеют следующие характерные черты: самодостаточность, уникальность, саморазвитие, а также целостность, как их общее системное свойство. Для каждого типа идентичности соответствующего отдельной области данных наук эти основные характерные черты должны быть обоснованы. В философии античности и в Средние века было принято искать истинную природу вещей, связанную, прежде всего, с человеком и его душой. Именно к этому сводилось исследование идентичности учеными гуманитариями. В Новое время философы перенесли акценты на психологию и самосознание, где идентичность рассматривалась в контексте окружающей среды, социума и культуры.

«Тематика идентичности утвердилась в социогуманитарном научном поле полвека назад...» [1, с. 6]. В формировании культурной идентичности определяющие роли играют «искусство и религия, представленная различными конфессиями...» [2, 2024, с. 68]. В социально-политических науках важнейшим геополитическим ресурсом России считается «органичное существование множества социальных, этнических, религиозных сообществ, разных идентичностей – в едином географическом, политическом, социально-экономическом и социокультурном пространстве» [3, с. 218]. А также: «1) традиционные духовно-нравственные ценности; 2) традиции мирного сосуществования представителей разных этносов и религий в рамках единого социокультурного пространства и единого государства; 3) значимость русского языка и национальной культуры России для укрепления национального самосознания ...» [4, с. 24].

Все отмеченные выше черты имеют место для различных аспектов идентичности России. В настоящей работе мы сосредоточимся на одном из них, связанном с великой русской литературой. Отношение к литературе у русских философов было возвышенным. Л. Шестов утверждал, что только русская литература содержит по-настоящему оригинальную философию, в то время как представители «чистой» философии не создали ничего

оригинального и просто повторяют идеи западных мыслителей. Поскольку после восстания декабристов преподавание философии в светских учебных заведениях России было запрещено, то именно литература стала выполнять её роль, а многие литературные герои стали идеалами передовой молодежи XIX и XX столетий. Вершинами русской классической культуры являются творчество писателей, художников, композиторов второй половины XIX века.

Демонстрация идентичности России в контексте её литературы второй половины XIX столетия

Продemonстрируем, что основные отмеченные выше характерные черты идентичности: целостность, самодостаточность, уникальность, саморазвитие в полной мере присущи их представлению через классическую русскую литературу.

Целостность в контексте классической литературы как идентичность России характеризуется тем, что последняя имеет все компоненты необходимые для устойчивого существования, охватывая все жанры, стили, имея глубокие взаимосвязи между ними. XIX век – время наиболее выдающихся достижений литературного творчества. Русская литература достигла мировых вершин и сама стала образцом для подражания и дальнейшего развития мировой литературы. Можно выделить несколько основных характерных черт целостности литературного процесса в России, которые активно воспринимались мировой литературой, были интересны для менталитета и культур многих народов, и тем самым способствовали развитию планетарной культуры в целом. Прежде всего, это универсальность и гармоничность русской литературы.

Универсальность методов и основных концепций русской литературы этого века, которая оказалась созвучной многим типам ментальности и кодам мировой культуры. Достоевского, Толстого, Чехова признают и любят во многих странах мира: Японии, Скандинавии, Западной Европе, США, Латинской Америке и т. д. В произведениях поднимались вопросы о сущности человека, процессе становления его личности, о его взаимоотношениях с Богом, Абсолютом, всеединстве познания, Богочеловечестве, а также много других аспектов вышеназванных проблем. Универсальность текстов проистекала из универсальности русской души, была её основным свойством. Отсюда романная эпичность Толстого, праведники Лескова, открытость души, её способность вобрать в себя совершенно противоположные вещи – от святости до злодейства.

В первой половине XIX века методология универсализма литературного творчества сводилась к использованию всех жанров причем. Пушкин, Лермонтов и многие другие литераторы того времени писали одновременно поэзию, прозу, драматические произведения очень высокого качества, проза Гоголя была необыкновенно поэтичной. Во второй половине XIX века на смену приходит узкоспециализированная типология, основаниями которой стали отдельные жанры литературы (поэзия, проза, драматургия), либо общественно-политические позиции (демократические, либеральные, консервативные). Русская литература 60-70 гг. XIX столетия получила признание во всем мире. Методологией создания этих произведений был классический реализм, реализм исторический, ориентированный на познание бытия как целого. К 80-м годам эпоха великих романов уступила место литературе других жанров (повесть, рассказ, драма). Также начался новый взлет поэзии, возник интерес к поэзии прошлых десятилетий, например, почти забытый в XIX в. Г. Р. Державин был открыт заново.

Однако методология создания многих романов этого периода также оказалась универсальной. Это можно увидеть в романе «Война и мир», где Толстой синтезировал черты и свойства различных жанров, которые, конечно, были известны и ранее, но впервые

они были синтезированы подобным образом. Такой синтез связан с группировкой персонажей и разворачиванием двух параллельных сюжетных линий характеров героев романа (Ростовы и Болконские). Ростовы бедствуют в материальном плане, они разорены бестолковым распоряжением семейного состояния старым графом, громадным карточным проигрышем Николая, потерей московского дома и всего имущества, которое было сгружено с подвод, освободив место для раненых при бегстве из Москвы. Даже потеряв младшего сына, эта семья сохранила какую-то духовную целостность. Болконские меньше пострадали от войны, в основном сохранив свое состояние. У них проблемы другого рода: князь Андрей продолжает жить с опустошенной душой, княжна Марья пытается найти точку опоры в народном христианстве, общаясь со странниками. Но у них также сохранился запас внутренней цельности, который проявится на новых витках их жизни.

Гармоничность присуща многим произведениям этого периода, хоть писалось в них не только о радостном и светлом. Многие книги содержат глубокие драмы, трагедии, но их каркас все равно остается светлым, сами ритмы стихов и прозы представляют собой оболочку гармонии. Такие гармоничные произведения присущи творчеству Толстого, Тургенева, Лескова и многих других. Они нашли своё воплощение в архитектонике прозы, в ритмах поэмы Некрасова, естественным образом получили дальнейшее развитие в поэзии Серебряного века и в литературе советского периода.

Самодостаточность идентичности России в контексте русской литературы. *Генезис самодостаточности.* Русская литература классического периода опирается на свои корни и развивалась в рамках своей самобытной культуры. В XVIII веке был создан прочный её фундамент. Белинский отмечал, что наша литература началась с 1739 г., когда была прислана в Российской академию «Ода на победу над турками и татарами и на взятие Хотина» М. В. Ломоносова, к которой прилагалось «Письмо о правилах российского стихотворства» [5, с. 377]. Пушкин считал, что с этого времени в русской литературе господствовала поэзия и только в 1830-ых гг. проза взяла над нею верх. Из поэтов, оказавших существенное влияние на развитие литературы в России, следует отметить В. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина. До них в русской поэзии были фольклор, эпос, церковные песнопения.

Становление самодостаточности. Творчество Сумарокова и Державина являются вершинами русского классицизма, вершинами того, что потом было названо «классическим косноязычием». Их деятельность стала основанием для Золотого века русской поэзии и прозы. Большое значение для развития литературы имели «литературные войны». Они начались с противостояния сторонников А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина. Первые были сторонниками сохранения всех видов русского языка, включая старославянский. Вторые стремились развивать язык, допуская заимствования из других языков: французского, немецкого, английского. Это направление получило свое дальнейшее развитие в литературных объединениях «Зеленая лампа», «Арзамас».

Становление прозы произошло в результате деятельности многих авторов, оставивших серьезный след в истории российской культуры. Здесь можно выделить Д. Н. Фонвизина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова, Н. А. Карамзина. С 1769 г. стали издаваться сатирические журналы «Всякая всячина», «И то, и се», «Смесь», «Адская почта», «Ни то, ни се», «Трутень», «Живописец», «Зритель». В начале XIX столетия к ним добавился еще десяток аналогичных журналов.

Начиная с XVIII столетия, работали десятки активных просветителей, которые придавали большое значение просвещению помещиков, дворянства, монархов, апеллировали к их разуму, сердцу, христианскому мирозерцанию. Просветители поддерживали земле-

дельческое сословие России, были сторонниками неприкосновенности частной собственности. Все они верили в силу рациональной философии и хотели совершенствовать законы на её основе. Постепенно на первый план выходят социально-политическая и философская тематика, которые были вызваны, прежде всего, великими революциями XVIII века – французской и американской, что испугало правителей России и породило репрессии против всего этого движения.

Если французский классицизм способствовал формированию русской литературы в XVIII веке, то в начале XIX столетия аналогичную роль активно играли немецкий и английский романтизм. Однако этот период заимствований был творчески преодолён и очень скоро писатели и поэты той эпохи сумели синтезировать западные влияния и национальную многовековую культуру. Во второй половине столетия фольклорные мотивы активно развивали Некрасов, Лесков, Салтыков-Щедрин и многие другие.

Самодостаточность русской литературы принято также связывать с загадочностью русской души, чему-то в ней обладающему сакраментальными тайнами, которые ведут к последним пределам бытия. Литература – это наиболее простой и ясный способ для представлений о русской душе, её началах и метафизических глубинах. Острый интерес вызывали также поиски Бога, которые оказывались очень разными, иногда вместо Бога фигурировали его заменители, эрзацы и тогда эти поиски становились бессмысленными. В этой самодостаточности поражало столкновение контрастов и противоречий, которые оказывались обязательным условием её существования. Большое значение имели также противопоставление «мира и земли», жизни «живой и неживой».

Попытки выразить самобытность в почвенничестве и славянофильстве. «Почвенничество было консервативной формой философского романтизма... Достоевскому и Григорьеву была очень близка романтическая идея о превосходстве искусства над наукой. Они полагали, что наука аналитична, тогда как искусство синтетично и поэтому полнее угадывает потребности эпохи и дух народа» [6, с. 394]. Славянофилы исходили из неповторимости пути пройденного русской культурой и считали западное влияние вредным для её развития. Все это соответствует противостоянию понятий «мир» и «земля» и связанным с ними группами смыслов, находящимися в отношениях постоянного спора: с одной стороны, в великих литературных произведениях имеется явный смысл, с другой – оно хранит в себе «тайну бытия». «Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром на эту мечту, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеется над человеком? ...Черт, должно быть, – усмехнулся Иван Федорович» [7, с. 152]. Этот герменевтический подход хорошо соответствует исследованию творчества Достоевского, Чехова, Лескова, Салтыкова-Щедрина.

Уникальность характеризуется яркими литературными чертами, которые невозможно спутать ни с чем другим. Творчество Достоевского имеет свой уникальный стиль и неповторимый мир, в котором обитают его герои. Толстой, Чехов более универсальны, и хотя можно назвать других писателей из разных стран кое в чем похожих на них, но наиболее выдающаяся часть их творчества – уникальна и именно они привлекают читателей по всему миру. Нигде нет ничего подобного четырём главным пьесам Чехова, которые он сам называл комедиями, а театральный мир воспринял как драмы. На самом деле это жизнь во всей её пронзительной абсурдности. Совершенно уникален Иудушка Головлева Салтыкова-Щедрина – невероятный сплав подлости, лицемерия, двоедушия.

«Живая жизнь» у Достоевского и Толстого как воплощение бытийствования человека в литературе. Достоевский «знает, что эта живая жизнь есть нечто до того прямое и простое, до того прямо на нас смотрящее, что именно из-за этой-то прямоты и ясности и не-

возможно поверить, чтобы это было именно то самое, чего мы всю жизнь с таким трудом ищем» [8, с. 335]. Живая жизнь становится бытием, и её присутствие соответствует бытийствованию человека. «И против Достоевского – Толстой. Светлый и ясный, как дитя, идет он через жизнь, и знать не хочет никакого трагизма. Душа тесно сливается с радостною жизнью мира... Не разумом, не умственным путем познает Толстой это единство, а проникновением другого рода, несравненно более полным и глубоким, чем проникновение разума. И в чудесном этом единении бледнеет, как-то странно теряет свою жгучую важность ряд вопросов, тяжко мучающего душу Достоевского – вопросов о бессмертии и боге» [8, с. 484].

Саморазвитие русской классической литературы определялось несколькими причинами. 1. *Стремление к практическому воплощению духовности* в чаяниях народа, в формировании души. Отсюда поиски Абсолюта, Всеединства, Богочеловечества, и литература сыграла в этих процессах решающую роль. Даже литературная критика была не столько критикой, сколько философией. 2. *Опора на глубокий синтез различных жанров*, каждый из которых также прошел свои этапы формирования. Здесь особенно нагляден синтез первой половины XIX столетия, осуществленный Пушкиным и его последователями. 3. *Контрасты и противоречия*, связанные с фундаментальным принципом диалектического развития – «взаимодействием противоположностей», что оказывается особенно наглядным на примере сопоставления Достоевского и Толстого. Будучи современниками, творившими в контексте одной культуры, они создали совершенно разные миры, с противоположными метафизикой и способами бытийствования человека в них. Доходит до гротеска, в одной офицерской компании бога «раскассировали. Рады, визжат... Один седой бурбон капитан: Если бога нет, то какой же я после этого капитан?» [9, с. 215-216]. Особый мир контрастов представляют собой старец из «Братьев Карамазовых» и сами Карамазовы. Когда семья Карамазовых встречается с Зосимой в его келье возле монастыря, то встречаются люди, для которых главный перелом их жизни остался позади как у старца и у которых все испытания, жизненные трагедии впереди. У Достоевского всегда: «в мрачной, безлюдной пустыне, именуемой Петербургом, в угрюмой комнате-скорлупе ютятся бесконечно одинокий человек и в одиночку живет напряженно-фантастическою, сосредоточенною в себе жизнью» [8, с. 274]. У Толстого всю по-другому, у него есть необыкновенно светлые персонажи, мир которых устремлен к гармонии: Наташа, Пьер, княжна Марья, Каратаев, хотя жизнь очень непростая. Сам взгляд писателя на все эти события: война, национальное бедствие, потеря близких, все равно остается глубоко верящим в духовную силу народа, в победу добра над злом, в высокое назначение человека.

Все характерные черты – универсальность, самобытность, уникальность – прошли яркие этапы своего развития. Можно проследить, используя в том числе и вышеизложенное, как нарастала универсальность литературы, как быстро был пройден путь от поэзии Тредиаковского к Пушкину, от прозы просветителей к романам Толстого, Тургенева и Гончарова. Самобытность была России с древнейших времен, но её оформление в рамках классической литературы потребовало значительного эволюционного развития и творческих усилий.

Идентификация личности и пределы бытия русской литературы

Эти проблемы наиболее отчетливо выразил «подпольный человек» Достоевского. «Свое собственное, вольное и свободное хотение, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хотя бы до сумасшествия, – вот это-то всё и есть та самая, пропущенная самая выгодная выгода... Человеку надо одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность не стоила и к чему бы не привела» [10, 469-470].

Однако «"Записки из подполья"» произведение полемическое...подпольный человек в «Записках» не только обличитель, но и обличаемый. Достоевский местами согласен со своим героем, но часто обличает его. «Мыслями и переживаниями подпольного человека Достоевский хотел показать восприятие мира у человека, обладающего обостренным чувством собственной индивидуальности и необыкновенно развитым самосознанием, в том случае, если бы этот человек отказался от подчинения натуральным нравственным влечениям» [11, с. 194].

Идентификация личности идет в русской литературе через пределы восприятия мира. Пределов бытия касались многие из русских писателей, наиболее ярко и последовательно их описали: Достоевский, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, но какие они разные. Предел человека из подполья – внутренний, это последняя граница, которая стоит между личностью и полным её распадом. Если не возвести собственную уникальность-самость в ранг высшего судьи или даже Бога, то личность погибнет. При этом предполагается полная изоляция от внешнего мира. Отдельные аспекты человека из подполья присущи Раскольникову, Мышкину, Головлеву, персонажам чеховских произведений, лесковским праведникам.

Эти праведники были воспитателями в «кадетском монастыре», «инженерами-бессребрениками», странниками, которые открывали свет своей души для всех окружающих. Они просто не могли жить иначе. Затем эта линия получает развитие у выдающихся русских писателей XX века А. П. Платонова, В. М. Шукшина, принимая у них иные формы и становясь даже злом, что обусловлено другими контекстами среды, социума, темпоритмов.

Предел пустоты лучше все других описал Чехов. В XIX столетии в развитии России возникло много тупиков. Внешне страна развивалась, строилась, были успехи, которые сейчас идеализируются, но внутри образовался страшный надрыв. Многие герои Чехова годам к тридцати пяти утрачивают смысл жизни. У них есть образование и утраченные идеалы: врач, учитель, чиновник; совсем еще недавно они стремились к этим идеалам, а сейчас все силы куда-то ушли, впереди пустота, в которой им предстоит или спиться, или слиться с окружающей пошлостью и фактически прекратить жить как мыслящее существо.

У Салтыкова-Щедрина – это предел невероятной широты человека от самой глубины метафизического дна до лицемерных розовых мечтаний. Салтыков показал изнанки эпохи, дворянских семейств, помещичьих усадеб. Описанная им среда «полна запаха тлена, разорения, распада жизни» [12, с. 657]. «Салтыковская усадьба – это место непосредственной эксплуатации крепостных людей» [13, с. 526-527], где были ужасными жизнь и отношения между родственниками, включая «постоянный поиск жертвы его матерью и среди детей и среди дворовых, бессмысленное устройство описываемого домашнего быта, полное отсутствие общения с природой» [14, с. 20, 21]. Салтыков описывает убийства помещиков и помещиц как месть за их издевательства. Однако этот страшный мир декорировался лицемерным внешним обрамлением, которое было таковым по своей натуре, без цели, по пустякам, но по уже сложившимся правилам.

Литература может взаимодействовать с различными видами искусства многими способами, но наиболее глубоким из них является через фундаментальные пределы бытия и систему координат мира на основе предельных динамических равновесий [15]. При этом открываются возможности для философского осмысления взаимодействий литературы с музыкой, особенно в контексте рационализма, что имеет давние традиции со времен Пифагора [16], с живописью и другими видами искусства, где методология исследований включает в себя все возможные методы социогуманитарных наук обусловленные допустимостью их использования на определенных этапах и жанрах искусства [17].

Заключение

Та идентичность России, которая основывается на идентификации литературы, достаточно легко обосновывается и имеет огромные перспективы. Её обоснование обладает наглядной последовательностью, ясностью, рациональностью, доказательностью. Кроме того она имеет огромные перспективы, потому что литература может проникнуть практически везде – в любую социально-гуманитарную сферу. Она легко вступает во взаимодействие с музыкой, живописью, театром. Классическая литература оказала решающее воздействие на развитие широкого спектра других социально-гуманитарных наук: лингвистики, литературоведения, культурологии, педагогики, психологии и многих других направлений, в том числе и междисциплинарных. Она способствовала развитию философии, которая на стыке XIX и XX столетий, по мнению ряда современных мыслителей, современная литература вытесняет и заменяет собой философию.

В свою очередь современная философия активно способствует развитию литературы. Возникают новые меж- и транс-дисциплинарные области, в которых продолжается исследование Абсолюта, Всеединства, предельных оснований бытия, ноосферогенеза. При этом у философии и литературы свои цели, направления и методы, но они эффективно дополняют друг друга. У исследованного направления формирования идентичности России в контексте литературы открываются огромные перспективы дальнейшего развития.

Литература

1. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля.* Москва: Весь мир; 2023: 512.
2. Хвощевская И. В. Культурная идентичность России: искусство, религия и философия в системе универсальной духовной самобытности. *Общество: философия, история, культура.* 2024: (8): 68-73.
3. Топчиев М. С. Геополитический потенциал национальной идентичности в обеспечении социетальной безопасности России. *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2023: (3): 218-224.
4. Топчиев М. С. Национальная идентичность России в обеспечении социетальной безопасности: социокультурный потенциал. *Вестник Челябинского государственного университета.* 2025: (1): 24-30.
5. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений.* Т. VIII. Издание АН СССР. Москва: 1955: 377.
6. Почвенничество. *Русская философия. Словарь.* Москва: Республика; 1995: 655.
7. Достоевский Ф. М. *Братья Карамазовы.* В собрании соч. в 15 тт. Т. 9. Ленинград: Наука; 1991: 699.
8. Вересаев В. В. *Живая жизнь (О Достоевском и Льве Толстом).* В собрании соч. в 5 тт. Т. 3. Москва: Правда; 1961: 269-491.
9. Достоевский Ф. М. *Бесы.* В собрании соч. в 15 тт. Т. 7. Ленинград: Наука; 1990: 5-632.
10. Достоевский Ф. М. *Записки из подполья.* В собрании соч. в 15 тт. Т. 4. Ленинград: Наука; 1989: 452-550.
11. Скафтымов А. П. *Поэтика художественного произведения.* Москва: Высшая школа; 2007: 535.
12. Покусаев Е. Н., Прозоров В. В. *Вводная статья «Господа Головлевы».* М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание соч. в 20 тт. Т. 13. Москва: Художественная литература; 1972: 652-694.
13. Макашин С. А. *Примечания к «Пошехонской старине».* М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание соч. в 20 тт. Т. 17. Москва: Художественная литература; 1975: 509-572.
14. Салтыков-Щедрин М. Е. *Собрание соч. в 20 тт.* Т. 17. Москва: Художественная литература; 1975: 5-460.
15. Кожевников Н. Н. *Самоорганизация мира с точки зрения системы координат на основе предельных динамических равновесий его вещей.* Якутск: Изд. Дом СВФУ; 2022: 160.
16. Данилова В. С. Философия музыки в контексте математики. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия».* 2024: (3): 86-95.

17. Кожевников Н. Н., Данилова В. С. О методологии эстетики. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия»*. 2024; (4): 182-189.

References

1. *Identity: personality, society, politics. New contours of the research field*. Moscow: Ves Mir; 2023:512 (in Russian).
2. Khvoshchevskaya I.V. Cultural identity of Russia: art, religion and philosophy in the system of universal spiritual identity. *Society: philosophy, history, culture*. 2024;(8):68–73 (in Russian).
3. Topchiev M.S. Geopolitical potential of national identity in ensuring societal security of Russia. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2023;(3):218–224 (in Russian).
4. Topchiev M.S. National identity of Russia in ensuring societal security: socio-cultural potential. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2025;(1):24–30 (in Russian).
5. Belinsky V.G. *Complete Works*. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1955:8:377 (in Russian).
6. *Pochvennichestvo. Russian Philosophy. Dictionary*. Moscow: Respublika, 1995:655 (in Russian).
7. Dostoevsky F.M. *The Brothers Karamazov*. In the collected works. in 15 volumes. Leningrad: Nauka; 1991:9:699 (in Russian).
8. Veresaev V.V. *Living Life (On Dostoevsky and Leo Tolstoy)*. In the collected works. in 5 volumes. Moscow: Pravda; 1961:8:269–491 (in Russian).
9. Dostoevsky F.M. *Demons*. In the collected works. in 15 volumes. Leningrad: Nauka; 1990:7:5–632 (in Russian).
10. Dostoevsky F.M. *Notes from the Underground*. In the collected works in 15 volumes. Leningrad: Nauka; 1989:4:452–550 (in Russian).
11. Skaftymov A.P. Poetics of a Work of Art – Moscow: Vysshaya shkola, 2007:535 (in Russian).
12. Pokusaev E.N., Prozorov V.V. Introductory article to “The Golovlev Family”. M.E. Saltykov-Shchedrin Collected works in 20 volumes. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1972:13:652–694 (in Russian).
13. Makashin S.A. *Notes to “Poshekhonskaya Starina”*. M.E. Saltykov-Shchedrin Collected works in 20 volumes. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975: 17:509–572 (in Russian).
14. Saltykov-Shchedrin M. E. *Collected Works*. in 20 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975:17:5–460 (in Russian).
15. Kozhevnikov N. N. *Self-organization of the world from the point of view of the coordinate system based on the limit dynamic equilibria of its things*. Yakutsk: NEFU Publ.; 2022:160 (in Russian).
16. Danilova V. S. Philosophy of music in the context of mathematics. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2024;(3):86–95 (in Russian).
17. Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. About the methodology of aesthetics. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2024;(4):182–189. (in Russian).

Сведения об авторах

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – д. филос. н. (онтология и теория познания), профессор кафедры философии, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID.org/0000-0001-5823-8896, SPIN: 7650-1297

E-mail: nkozhev@mail.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – д. филос. н. доцент, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID.org/0000-0003-3201-0687, SPIN: 9303-7094

E-mail: vs.danilova@s-vfu.ru

Information about the authors

KOZHEVNIKOV Nikolay Nikolaevich – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID.org/0000-0001-5823-8896, SPIN – 7650-1297

E-mail: nkozhev@mail.ru

DANILOVA Vera Sofronovna – Dr. Sci. (Philosophy), Docent, Professor, Department of Philosophy, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID.org/0000-0003-3201-0687, SPIN: 9303-7094

E-mail: vs.danilova@s-vfu.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contribution

All authors made equivalent contributions to the publication.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 16.06.25

Принята к публикации / Accepted 23.06.25

УДК 101.1

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-2-87-94>

Оригинальная научная статья

Социальная интеграция в мультикультурном обществе

А. А. КорякинаСеверо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ koryakina1@gmail.com

Аннотация

В условиях глобализации и усиления миграционных процессов проблема социальной интеграции в мультикультурных обществах становится ключевой для обеспечения стабильности и социальной сплоченности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новых интеграционных стратегий, способных ответить на вызовы XXI века, включая миграцию и рост культурного многообразия. В статье рассматриваются теоретические аспекты социальной интеграции, анализируются основные модели интеграционной политики и выявляются факторы, способствующие или препятствующие успешной интеграции. Анализируются как классические концепции, так и современные теории и подходы к исследованию социальной интеграции. Рассматриваются примеры интеграционной политики в различных странах, а также новые вызовы, связанные с глобальными миграционными кризисами. Статья предлагает критический анализ существующих моделей интеграции и обосновывает необходимость гибких, адаптивных стратегий, учитывающих как универсальные принципы равенства, так и культурное многообразие. Особое внимание уделяется антропологическому исследовательскому подходу в условиях нарастающей культурной сложности современного мира. Современный этап осмысления проблем социальной интеграции очерчен антропологическим поворотом, который актуализирует телесные, эмоциональные и повседневные измерения межкультурного взаимодействия. В заключении статьи подчеркивается, что социальная интеграция в мультикультурном обществе представляет собой сложный, многомерный процесс, требующий комплексного подхода. В дальнейшем необходима разработка гибких, адаптивных стратегий интеграции, способных учитывать как глобальные вызовы, так и локальную специфику. Статья вносит вклад в развитие социально-философской дискуссии о путях формирования общества, основанного на принципах справедливости, солидарности и взаимного признания.

Ключевые слова: социальная интеграция, мультикультурное общество, глобализация, культурное многообразие, интеграционные стратегии, интеграционная политика, миграция, мультикультурализм, модели интеграции, антропологический подход.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Корякина А. А. Социальная интеграция в мультикультурном обществе. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2025, Т.38 (2): С. 87-94. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-87-94

Original article

Social integration in a multicultural society

Anzhelina A. Koriakina

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ koryakina1@gmail.com

Abstract

In the context of globalization and intensification of migration processes, the problem of social integration in multicultural societies becomes key to ensuring stability and social cohesion. The relevance of the study is due to the need to develop new integration strategies that can respond to the challenges of the 21st century, including migration and the growth of cultural diversity. The article considers the theoretical aspects of

social integration, analyzes the main models of integration policy and identifies the factors that contribute to or hinder successful integration. Both classical concepts and modern theories and approaches to the study of social integration are analyzed. Examples of integration policies in various countries are considered, as well as new challenges associated with global migration crises. The article offers a critical analysis of existing integration models and substantiates the need for flexible, adaptive strategies that take into account both the universal principles of equality and cultural diversity. Particular attention is paid to the anthropological approach in research in the context of the increasing cultural complexity of the modern world. The current stage of understanding the problems of social integration is outlined by the anthropological turn, which actualizes the bodily, emotional and everyday dimensions of intercultural interaction. In conclusion, the article emphasizes that social integration in a multicultural society is a complex, multidimensional process that requires an integrated approach. In the future, it is necessary to develop flexible, adaptive integration strategies that can take into account both global challenges and local specifics. The article contributes to the development of a socio-philosophical discussion on the ways of forming a society based on the principles of justice, solidarity and mutual recognition.

Keywords: social integration, multicultural society, globalization, cultural diversity, integration strategies, integration policy, migration, multiculturalism, integration models, anthropological approach.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Koriakina A.A. Social integration in a multicultural society. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2025, Vol.38, (2). Pp. 87-94. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-2-87-94

Введение

Современные общества переживают глубокую трансформацию, вызванную процессами глобализации и миграции. Эти изменения ставят перед социальной философией важнейший вопрос обеспечения устойчивой интеграции в условиях растущего культурного, этнического и религиозного разнообразия. Проблема социальной интеграции в мультикультурном обществе приобретает особую актуальность в контексте усиления миграционных потоков, роста ксенофобии и популизма.

Цель данной статьи – провести комплексный анализ социальной интеграции в мультикультурном обществе, выявив ключевые теоретические подходы, модели и современные вызовы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новых интеграционных стратегий, способных ответить на вызовы XXI века, включая миграцию и рост культурного многообразия. Статья вносит вклад в развитие социально-философской дискуссии о путях формирования общества, основанного на принципах справедливости, солидарности и взаимного признания.

Материалы и методы

В данной работе применяется методологическая стратегия, сочетающая традиционные подходы социальной философии с современными методами анализа интеграционных процессов. Основу исследования составляет сравнительно-исторический подход, который дает возможность сопоставить классические работы по исследованию социальной интеграции с современными трудами, разрабатываемыми в антропологическом ключе. Методологическая рефлексия занимает особое место в исследовании, позволяя критически осмыслить границы применимости различных подходов и выработать синтетическую перспективу, учитывающую как философско-теоретические основания, так и определенные аспекты социальной интеграции.

Результаты и обсуждение

Теоретическая основа исследования восходит к классическим работам Дюркгейма, рассматривавшего интеграцию как основу социальной солидарности, и Хабермаса, развивавшего идеи коммуникативной рациональности и конституционного патриотизма [1; 2]. Современные дебаты сосредоточены вокруг противостояния моделей мультикультурализма

и интеркультурализма, а также поиска баланса между признанием культурных различий и сохранением общегражданской идентичности [3; 4].

Проблема социальной интеграции в условиях культурного многообразия приобрела особую актуальность в эпоху глобализации и интенсивных миграционных процессов. Как отмечает Хабермас, современные общества столкнулись с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, процессы экономической и политической интеграции требуют унификации норм и ценностей, с другой – усиление культурного разнообразия ставит под вопрос саму возможность формирования устойчивых социальных связей [2]. В данной статье мы предпримем комплексный анализ теоретических и практических аспектов социальной интеграции в мультикультурном контексте, опираясь на современные философские исследования.

В своих классических работах Дюркгейм рассматривал интеграцию как процесс формирования социальной солидарности. В его понимании, современные (органические) общества основаны на взаимозависимости индивидов, выполняющих специализированные функции [1]. Однако в условиях культурного многообразия эта модель требует существенной корректировки. Как обнаруживается, процессы аккультурации мигрантов носят нелинейный характер и могут приводить к маргинализации отдельных групп.

Особую сложность представляет вопрос о границах культурного признания. Политика мультикультурализма, подвергнутая резкой критике в последние десятилетия демонстрирует внутренние противоречия между стремлением к сохранению культурного многообразия и необходимостью поддержания общественной солидарности.

Философский анализ российского опыта социальной интеграции выявляет уникальное сочетание факторов. С одной стороны, многовековая традиция полиэтничного сосуществования создала определенный иммунитет к межкультурным конфликтам. С другой, постсоветская трансформация привела к всплеску этно-регионализма. Современная российская модель, сочетающая элементы гражданского этно-регионализма и государственного мультикультурализма, представляет собой интересный объект для социально-философской рефлексии.

Перспективы социальной интеграции в мультикультурном обществе, с точки зрения социальной философии, связаны с разработкой новых концептуальных моделей, способных преодолеть ограничения как универсалистского, так и партикуляристского подходов.

Социально-философское понимание процесса социальной интеграции, как правило, раскрывается через синонимический ряд, включающий понятия консолидация, согласованность, общность, целостность, согласие и т.д. Интегрированная социальная общность, в соответствии с общепринятыми определениями, характеризуется гармоничными отношениями между своими частями, единством системы ценностей и норм как на уровне всей группы, так и ее отдельных членов. Цель интеграции состоит в распространении ценностей свободы, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, а также в повышении уровня жизни, выравнивании показателей экономического и социального развития.

Современные теоретические подходы к проблеме интеграции можно условно разделить на три основных направления. Первое, представленное работами Кимлика, развивает концепцию мультикультурализма, подчеркивающую право культурных меньшинств на сохранение своей идентичности при условии соблюдения базовых правовых норм [3]. Второе направление, связанное с именем Хабермаса, предлагает модель конституционного патриотизма, где основой интеграции выступают не культурные, а политико-правовые принципы [2]. Третье направление, разрабатываемое Бенхабиб и другими представителями интеркультурализма, акцентирует процесс взаимной трансформации культур через диалог и взаимодействие [4].

Модели социальной интеграции в разных странах демонстрируют существенные различия. Французская республиканская модель, к примеру, основана на принципе невнимания к различиям в публичной сфере, что предполагает ассимиляцию культурных особенностей в пользу общегражданской идентичности. В противоположность этому, канадская модель мультикультурализма официально признает и поддерживает культурное разнообразие через специальные политические и образовательные программы [3]. Германская модель представляет собой компромисс между этими подходами, сочетая требования культурной адаптации с элементами мультикультурной политики.

Ключевыми факторами успешной социальной интеграции, согласно современным исследованиям, являются: 1) доступ к качественному образованию и возможностям профессиональной реализации; 2) эффективная правовая защита от дискриминации; 3) наличие институтов межкультурного посредничества [5]. Особое значение приобретает языковая политика – как отмечает Тишков, овладение государственным языком остается необходимым, но недостаточным условием полноценной интеграции [6].

Современные вызовы социальной интеграции связаны с несколькими тревожными тенденциями. Во-первых, во многих европейских городах наблюдается процесс формирования «параллельных обществ», где мигрантские сообщества существуют в относительной изоляции от принимающего общества. Во-вторых, миграционные кризисы последних лет спровоцировали рост ксенофобии и популизма, что существенно осложняет интеграционные процессы. В-третьих, цифровая революция создала новые формы социального неравенства и сегрегации, когда алгоритмы социальных сетей усиливают культурную поляризацию.

Современные вызовы социальной интеграции могут быть систематизированы в трех основных измерениях: структурном, идентификационном и коммуникативном. В структурном измерении главным вызовом становится нарастающее социальное неравенство, которое приобретает качественно новые формы в условиях глобальной экономики. Философский анализ этого феномена требует обращения к концепциям социальной справедливости, переосмысленным в контексте новых форм отчуждения и социальной эксклюзии.

Идентификационное измерение современных вызовов связано с кризисом традиционных форм коллективной идентичности. Процессы глобализации подрывают монополию национального государства на производство идентичностей, что приводит к фрагментации социального пространства. С одной стороны, наблюдается рост транснациональных идентичностей, с другой – усиление локальных и этнокультурных форм самоидентификации. Этот парадокс создает принципиально новые условия для социальной интеграции, требующие разработки новых моделей гражданской принадлежности.

Философский анализ проблемы требует обращения к фундаментальным категориям социального бытия. Идентичность в контексте мультикультурного общества перестает быть статичной субстанцией, превращаясь в процесс постоянного становления и переопределения. Признание становится важнейшим условием формирования идентичности в современном мире. Этот тезис получает особое звучание в условиях культурного многообразия, где идентичность конституируется через сложную систему признания/непризнания со стороны различных культурных групп и социальных институтов.

Современные исследователи подчеркивают гибридный характер идентичностей в мультикультурном пространстве. Гибридность понимается не как механическое смешение культурных элементов, а как сложный процесс порождения новых идентификационных форм. В российском контексте проблема осложняется необходимостью учета нескольких уровней идентификации. Следовательно, этот процесс приобретает особую специфику, об-

условленную как историческим опытом многовекового межкультурного взаимодействия, так и современными вызовами миграционных процессов [7; 8; 9].

Коммуникативное измерение вызовов связано с цифровой трансформацией общественных отношений. Социальные сети и цифровые платформы создают новые формы социальности, которые одновременно и соединяют, и разъединяют людей. Особую проблему представляет распространение культуры оскорбления и токсичного дискурса в цифровом пространстве, что существенно осложняет процессы социальной интеграции.

Особое значение приобретает вопрос о нормативных основаниях социальной интеграции в условиях ценностного плюрализма. Современное общество сталкивается с парадоксом: с одной стороны, растет потребность в общих нормативных ориентирах, с другой – усиливается разнообразие ценностных систем. Этот парадокс требует разработки новых подходов к проблеме социального признания, учитывающих как универсальные принципы, так и культурную специфику.

Перспективы преодоления современных вызовов социальной интеграции связаны с несколькими направлениями. Во-первых, необходимо развитие механизмов интеграции, основанных не на принуждении, а на создании условий для добровольной солидарности. Во-вторых, важное значение имеет формирование культуры признания, способной учитывать многообразие идентичностей.

Перспективы социальной интеграции в мультикультурных обществах, как представляется, связаны с развитием новых концептуальных подходов. Модель «дифференцированной интеграции» предлагает учитывать разнообразие траекторий адаптации разных групп мигрантов [10]. Концепция «суперразнообразия» акцентирует необходимость перехода от бинарных (мигрант/не-мигрант) к многомерным моделям социальной стратификации [11]. Как общий знаменатель, современная интеграционная политика должна носить двусторонний характер, предполагая взаимные обязательства как принимающего общества, так и мигрантов [12-16].

Современный этап осмысления проблем социальной интеграции очерчен антропологическим поворотом, который актуализирует телесные, эмоциональные и повседневные измерения межкультурного взаимодействия. Как отмечают исследователи, в условиях глубокой глобализации традиционные макроаналитические модели требуют дополнения микро-исследованиями опыта повседневности. Этот подход позволяет выявить латентные механизмы интеграции, которые остаются незаметными при структурно-функциональном анализе [17].

Современные мегаполисы представляют собой уникальные лаборатории мультикультурной интеграции. Антропологические исследования городской среды демонстрируют, что города создают особые формы суперразнообразия, где традиционные категории этничности и культуры переплетаются с новыми идентичностями. В городском пространстве возникают:

- транслокальные сообщества, или диаспоры, поддерживающие связи одновременно с принимающим обществом и страной происхождения через цифровые технологии и транснациональные сети.
- креольные культурные формы, или гибридный опыт в музыке, кухне (фьюжн-рестораны) и визуальном искусстве.
- тактики повседневного космополитизма – способы, которыми обычные горожане выстраивают межкультурное взаимодействие в общественном транспорте, на рынках, в парках.

Действительно, различные исследования демонстрируют, что подлинная интеграция происходит не столько на уровне официальных институтов, сколько в пространствах по-

вседневных взаимодействий: на городских рынках и торговых центрах, детских площадках и школьных дворах, в общественном транспорте, местах совместного досуга [10; 11].

Особую эвристическую ценность приобретает концепция «микрорепубличных пространств» – мест вынужденного соседства, где люди разных культур непроизвольно вырабатывают общие коды взаимодействия. Как показывают исследования, именно в этих «незначительных» пространствах формируется то, что называется опытом обыденного мультикультурализма [18].

Интеграция здесь происходит не только на уровне государственной политики, но и в повседневной жизни – через соседские связи, дружбу, межэтнические союзы. Антропологические исследования фиксируют, что неформальные контакты снижают уровень предубеждений и способствуют взаимному доверию. Образовательные же системы, СМИ и культурные институты также играют важную роль в формировании инклюзивной среды на уровне антропологического подхода. Например, внедрение мультикультурных учебных программ помогает преодолевать стереотипы с раннего возраста.

Важным аспектом антропологического подхода является анализ «эмоционального ландшафта» интеграции. Исследования выявляют сложную динамику аффективных состояний в межкультурных контактах: тревога и страх перед «другим», любопытство и интерес к культурным различиям, раздражение от непонимания, радость от преодоления барьеров [19].

Эти эмоциональные процессы формируют «подводные течения» интеграции, которые часто остаются неучтенными в официальной политике.

Особого внимания заслуживает телесное измерение интеграции. Культурные различия в дистанции общения, жестикуляции, мимике, использовании личного пространства становятся значимыми барьерами в повседневном взаимодействии. Согласно Бурдье, телесный опыт является важным элементом габитуса, его трансформация требует значительных усилий и времени [20].

Антропологический подход позволяет переосмыслить традиционные концепты интеграции через призму:

- материальной культуры – как объекты опосредуют межкультурное взаимодействие;
- сенсорного опыта – роль запахов, звуков, тактильных ощущений в интеграционных процессах;
- временных ритмов – как культурные различия в восприятии времени влияют на взаимодействие [19].

Значение антропологического подхода проявляется в возможности разработки «мягких» технологий интеграции, действующих на микроуровне: создание межкультурных соседских инициатив, развитие общественных пространств, стимулирующих спонтанные контакты, использование искусства как медиума межкультурного диалога.

Следует подчеркнуть, что антропологический поворот в исследованиях социальной интеграции позволяет выявить латентные, неинституционализированные формы межкультурного взаимодействия, значение аффективного опыта в интеграционных процессах и творческий потенциал повседневности в преодолении культурных барьеров.

Этот подход не отменяет необходимости структурных реформ, но дополняет их пониманием «снизу» того, как реально происходит интеграция в жизни обычных людей.

Заключение

Социальная интеграция в условиях культурного многообразия остается одной из ключевых проблем современности. Статья демонстрирует, что ее успешное решение возможно только через комплексный подход, учитывающий как макроуровень (политика, право, эко-

номика), так и антропологический микроуровень (повседневные взаимодействия, эмоции, телесные практики). Будущие исследования должны развивать междисциплинарные модели, способные ответить на вызовы цифровой эпохи и глобальной миграции.

В дальнейшем необходимы разработка гибких, адаптивных стратегий интеграции, способных учитывать как глобальные вызовы, так и локальную специфику; глубокая антропологизация исследований (анализ неформального опыта) и поиск новых форм гражданской солидарности в условиях культурного разнообразия.

Таким образом, статья вносит значимый вклад в социально-философскую дискуссию, предлагая критический анализ существующих моделей и концептуальные основы для дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Дюркгейм, Э. *О разделении общественного труда*. Москва: Канон; 1996: 432.
2. Habermas J. *The theory of communicative action*. Boston: Beacon Press; 1985: 465.
3. Kymlicka W. *Multicultural citizenship*. Oxford: Oxford University Press; 2000: 290.
4. Benhabib S. *The claims of culture: Equality and diversity in the global era*. Princeton: Princeton University Press; 2002: 216.
5. Portes A, Rumbaut RG. *Legacies: The story of the immigrant second generation*. Berkeley: University of California Press; 2001: 353.
6. Тишков, В. А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. Москва: Наука; 2013: 649.
7. Арутюнян Ю. В. *Этносоциология*. Москва: Аспект Пресс; 1998: 271.
8. Мнацаканян М. О. *Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты*. Москва: Анкил; 1998: 192.
9. Панарин А. С. *Искушение глобализмом*. Москва: ЭКСМО-Пресс; 2002: 416.
10. Crul M. Super-diversity vs. assimilation. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016;42(1):54-68.
11. Vertovec S. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 2007;30(6):1024-1054.
12. Vertovec S. Visualizing superdiversity and “seeing” urban socio-economic complexity. *Urban Geography*. 2022; 45(2): 179-200.
13. Phillimore J. *Superdiversity, policy and governance in Europe: Multi-scalar perspectives*. Bristol: Policy Press; 2020: 250.
14. Walby S. Developing the concept of society: Institutional domains, regimes of inequalities and complex systems in a global era. *Current Sociology*. 2021; 69(3): 315-332.
15. Bouma G. Religious diversity through a super-diversity lens: National, sub-regional and socio-economic religious diversities in Melbourne. *Journal of Sociology*. 2022; 58(1): 7-25.
16. Jacob-Owens T. Immigration and multicultural citizenship in Europe: Insights from the Framework Convention for the Protection of National Minorities. *International Journal on Minority and Group Rights*. 2022; 29: 167-197.
17. Appadurai A. *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996: 248.
18. Amin A. Ethnicity and the multicultural city. *Environment and Planning A*. 2002;34:959-980.
19. Svasek M. On the move: Emotions and human mobility. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010;36(6):865-880.
20. Bourdieu P. *Outline of a theory of practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 1977: 255.

R e f e r e n c e s

1. Durkheim E. *On the Division of Social Labor*. Moscow: Canon; 1996: 432. (in Russian)
2. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press; 1985: 465.
3. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship*. Oxford: Oxford University Press; 2000: 290.
4. Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton: Princeton University Press; 2002: 216.

5. Portes A, Rumbaut RG. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press; 2001: 353.
6. Tishkov VA. *The Russian People: History and Meaning of National Identity*. Moscow: Nauka; 2013: 649. (in Russian)
7. Arutyunyan Yu.V. *Ethnosociology*. Moscow: Aspect Press; 1998: 271. (in Russian)
8. Mnatsakanyan M.O. *Ethnosociology: Nations, National Psychology, and Interethnic Conflicts*. Moscow: Ankil; 1998: 192. (in Russian)
9. Panarin A.S. *Temptation of Globalism*. Moscow: EKSMO-Press; 2002: 416. (in Russian)
10. Crul M. Super-diversity vs. assimilation. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016; 42(1):54-68.
11. Vertovec S. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 2007; 30(6):1024-1054.
12. Vertovec S. Visualizing superdiversity and “seeing” urban socio-economic complexity. *Urban Geography*. 2022; 45(2): 179-200.
13. Phillimore J. *Superdiversity, policy and governance in Europe: Multi-scalar perspectives*. Bristol: Policy Press; 2020: 250.
14. Walby S. Developing the concept of society: Institutional domains, regimes of inequalities and complex systems in a global era. *Current Sociology*. 2021; 69(3): 315-332.
15. Bouma G. Religious diversity through a super-diversity lens: National, sub-regional and socio-economic religious diversities in Melbourne. *Journal of Sociology*. 2022; 58(1): 7-25.
16. Jacob-Owens T. Immigration and multicultural citizenship in Europe: Insights from the Framework Convention for the Protection of National Minorities. *International Journal on Minority and Group Rights*. 2022; 29: 167-197.
17. Appadurai A. *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996: 248.
18. Amin A. Ethnicity and the multicultural city. *Environment and Planning A*. 2002; 34: 959-980.
19. Svasek M. On the move: Emotions and human mobility. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010;36(6):865-880.
20. Bourdieu P. *Outline of a theory of practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 1977: 255.

Сведения об авторе

КОРЯКИНА Анжелика Анатольевна – к. филос. н., доцент кафедры философии, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6657-6019](https://orcid.org/0000-0001-6657-6019), [ResearcherID: H-1384-2015](https://publons.com/author/urn:hrid:h-1384-2015), [Scopus Author ID: 57208190201](https://scopus.com/authid/detail/authid/57208190201), SPIN: [9646-4855](https://eindex.ru/spin/9646-4855)

E-mail: koryakinal@gmail.com

Information about the author

KORIAKINA Anzhelina Anatolievna – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: [0000-0001-6657-6019](https://orcid.org/0000-0001-6657-6019), [ResearcherID: H-1384-2015](https://publons.com/author/urn:hrid:h-1384-2015), [Scopus Author ID: 57208190201](https://scopus.com/authid/detail/authid/57208190201), SPIN: [9646-4855](https://eindex.ru/spin/9646-4855)

E-mail: koryakinal@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 05.04.25

Принята к публикации / Accepted 19.06.25

– ХРОНИКА –

Е. П. Яковлева

**Всероссийская научно-практическая конференция
с международным участием
«Культурология в ракурсе генеалогического наследия»**

Evdokia P. Yakovleva

**All-Russian Scientific and Practical Conference
with international participation
“Cultural studies from the perspective of genealogical heritage”**

Философские размышления о природе человека, родословной, изучение генеалогического наследия становятся актуальными в настоящее время. Сила рода заключается в знании, опыте, мудрости многих поколений. Важным является то, что философское осмысление родословной отражает уникальный жизненный опыт многих поколений, имеющий глубинные корни духовно-нравственного и культурного наследия.

В целях формирования знаний, навыков планирования и организации научно-исследовательской деятельности обучающихся, содействия развитию и формированию философской культуры, анализа научных исследований социальных процессов на основе осмысления понятия «Генеалогического наследия» общеуниверситетская кафедра философии СВФУ провела 4 апреля 2025 года Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием «Культурология в ракурсе генеалогического наследия». Всероссийская научно-практическая конференция посвящена осмыслению понятия «Генеалогического наследия» в общероссийском общественном движении, ориентированном на патриотическое воспитание подрастающего поколения и была проведена по инициативе Общеуниверситетской кафедры философии СВФУ им. М. К. Аммосова.

В работе конференции приняли участие Аргунов Константин Ильич, директор Общественной организации «Научно-исследовательский институт генеалогии и этнологии народов Севера» (Республика Саха); Саввинов Андрей Саввич, доктор философских наук, профессор, заведующий общеуниверситетской кафедрой философии СВФУ; Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры культурологии и культурного наследия народов Арктики АГИКИ; Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, доцент факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор института музыки, театра и хореографии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); Толстова Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «История и философия», ФБГУ ВО Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Москва); преподаватели Общеуниверситетской кафедры философии СВФУ им. М.К. Аммосова, магистранты 1 курса программы «Управление качеством автомобильных дорог в криолитозоне» АДФ СВФУ.

На открытии конференции с приветственным словом выступила Малышева Нинель Васильевна, доктор филологических наук, директор Департамента науки и инноваций СВФУ. Она отметила важность данной конференции и роль генеалогического наследия в общероссийском общественном движении, ориентированном на патриотическое воспитание молодежи в современном мире.

В рамках конференции обсуждались актуальные вопросы современного общества в контексте генеалогического наследия, делились опытом, предложениями и инициативами по основному направлению конференции. Аргунов Константин Ильич, директор Общественной организации «Научно-исследовательский институт генеалогии и этнологии народов Севера» (Республика Саха) говорил о деятельности Научно-исследовательского института генеалогии и этнологии народов Севера; Саввинов Андрей Саввич, доктор философских наук, профессор, заведующий общеуниверситетской кафедрой философии СВФУ, раскрыл «Генеалогическое наследие» как понятие, синтезирующее проблемные вопросы истории, социологии и генеалогии.

В своих докладах участники конференции обсуждали различные аспекты региональной онтологии и перспективы формирования культурологических дискурсов этнокультур. Тематика докладов охватывала широкий круг вопросов: онтологические, методологиче-

ские, эпистемологические аспекты генеалогии; перспективы исследования феномена жизнестойкости; культурологическое преодоление исторической амнезии; современные концепции социальной эволюции и понятие генеалогического наследия; культурологические аспекты мифологического сознания в современной социокультурной среде; генеалогическое наследие в контексте профессиональной деятельности; генеалогия: движение от мифа к истории; устное народное творчество в семейном наследии; генеалогическое древо как отражение культурных эпох; генеалогическое наследие в межкультурном аспекте и другие.

Все участники Всероссийской научно-практической конференции отмечали роль генеалогического наследия в общероссийском общественном движении, ориентированном на патриотическое воспитание молодежи в современном мире. В цифровую эпоху, наша общая цель заключается в бережном отношении к генеалогическому наследию, сохранении духовно-нравственных ценностей, воспитании патриотизма и формировании уважительного отношения к истории и наследию предков. Мы должны помнить связующую нить традиций, духовных ценностей, жизнестойкости рода и самореализации возможностей в новой цифровой культуре. В приоритете должны быть сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей и фундаментальных основ жизнестойкости.

Сведения об авторе

ЯКОВЛЕВА Евдокия Павловна – к. филос. н., доцент кафедры философии, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация,

E-mail: yakov_eva@mail.ru

Information about the author

YAKOVLEVA Evdokiya Pavlovna – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: yakov_eva@mail.ru

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ»
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«PEDAGOGY. PSYCHOLOGY. PHILOSOPHY» SERIES**

Электронное научное периодическое издание

№ 2 (38) 2025

Технический редактор *А. С. Старостина*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.06.2025. Формат 70х108/16.
Дата выхода в свет 30.06.2025.